

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Социально-политическая турбулентность и ее коммуникативные последствия. Фань Тяньян, Маркушина Н.Ю. 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Основные принципы внешней политики России при Владимире Путине. Мелконян А.В. 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Международные отношения и будущее Европейского Союза: анализ прогнозов. Давлетшина Н.В. 12

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Трансформация взаимоотношений Курдского национального совета с внешними акторами во втором десятилетии XXI в. Гутенёв Ю.Ю. 16

Внешняя политика ФРГ на современном этапе. Абдуллина М.Б., Мумладзе Р.Г. 22

Политическая идентичность жителей Республики Крым в контексте специальной военной операции. Цуприк М.И. 26

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Конституционные основы молодежной политики Российской Федерации в области институтов народовластия. Григорьев А.В. 30

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основы общей долевой собственности: проблемы и перспективы. Лиман А.А. 36

Проблемы правового регулирования института конкуренции в Российской Федерации. Малфыгин А.А., Веселкова Е.Е. 40

Правовые проблемы, связанные с задействованием искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности. Перькова В.В. 46

Проблема правосубъектности носителей искусственного интеллекта. Перькова В.В. 50

Правовые вопросы квалификации недобросовестного поведения, нарушающего публичный порядок. Седова Ж.И. 53

Транссексуализм в современном обществе – проблемы медицинского и трудового права: национальный опыт и международная практика. Смолина Ю.В. 59

Снижение административных барьеров в сфере закупок как мера стимулирования малого и среднего предпринимательства. Тихонов С.А. 63

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартьянов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., завкафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 07.05.2023 Цена свободная Тираж 300 экз.
Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Проблемы, возникающие в делах о взыскании убытков с органов управления юридических лиц. Третьяков Р.В.....	68
Роль интеллектуальной собственности как формы защиты создаваемых инновационных препаратов. Яхаева А.П.	72

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Применение коллизионных процессуальных норм при исполнении иностранных судебных поручений. Карандашева Н.Н.	75
Понятие и виды мер административного принуждения, применяемых сотрудниками полиции в деятельности по охране общественного порядка. Крупин В.А.	81
К вопросу о реализации полномочий Прокуратуры РФ по защите прав и свобод человека и гражданина в судебном порядке вне уголовно-правовой сферы. Титова А.В., Титов В.Д.....	86

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

О необходимости исключения отдельных видов наказаний из перечня наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ. Борисевич М.М., Пяткевич И.Н.	91
Проблемы криминализации незаконного обогащения. Иванов А.В.	96

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Перспективы и проблемы цифровой трансформации института коллегиального рассмотрения судами уголовных дел. Гриценко Н.С.	101
--	-----

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Правовое положение судебно-психиатрической экспертизы в уголовном судопроизводстве. Трусова Е.А.....	105
---	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВотВОРЧЕСТВА

Борьба с сексуальными домогательствами: история развития законодательства в США. Антюхина Э.Ю.	109
---	-----

List of References

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Socio-political turbulence and its communicative consequences. Fan Tianyan, Markushina N.Yu. **4**

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

Basic principles of Russian foreign policy under Vladimir Putin. Melkonyan A.V. **7**

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

International Relations and the Future of the European Union: An Analysis of Forecasts. Davletshina N.V. **12**

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLICY

Transformation of the relationship of the Kurdish National Council with external actors in the second decade of the 21st century. Gutenev Yu.Yu. **16**

Foreign policy of Germany at the present stage. Abdullina M.B., Mumladze R.G. **22**

Political identity of the inhabitants of the Republic of Crimea in the context of a special military operation. Tsuprik M.I. **26**

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS AND MECHANISMS OF POLITICAL GOVERNANCE

Constitutional foundations of the youth policy of the Russian Federation in the field of institutions of democracy. Grigoriev A.V. **30**

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Fundamentals of common shared ownership: problems and prospects. Liman A.A. **36**

Problems of legal regulation of the institution of competition in the Russian Federation. Malfygin A.A., Veselkova E.E. **40**

Legal problems associated with the use of artificial intelligence in the creation of the results of intellectual activity. Perkova V.V. **46**

The problem of the legal personality of carriers of artificial intelligence. Perkova V.V. **50**

Legal issues of qualification of dishonest behavior that violates public order. Sedova Zh.I. **53**

Transsexualism in modern society - problems of medical and labor law: national experience and international practice. Smolina Yu.V. **59**

Reducing administrative barriers in the field of procurement as a measure to stimulate small and medium-sized businesses. Tikhonov S.A. **63**

Problems arising in cases of recovery of damages from the management bodies of legal entities. Tretyakov R.V. **68**

The role of intellectual property as a form of protection for innovative drugs being created. Yakhaeva A.P. **72**

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Application of conflict of law procedural rules in the execution of foreign letters of request. Karandasheva N.N. **75**

The concept and types of measures of administrative coercion used by police officers in their activities to protect public order. Krupin V.A. **81**

To the question of the implementation of the powers of the Prosecutor's Office of the Russian Federation to protect the rights and freedoms of man and citizen in court outside the criminal law sphere. Titova A.V., Titov V.D. **86**

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL AND EXECUTIVE LAW

On the need to exclude certain types of punishments from the list of punishments provided for in Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation. Borisevich M.M., Pyatkevich I.N. **91**

Problems of criminalization of illicit enrichment. Ivanov A.V. **96**

CRIMINAL PROCESS

Prospects and problems of digital transformation of the institution of collegial consideration of criminal cases by courts. Gritsenko N.S. **101**

CRIMINALISTICS. JUDICIAL EXPERT ACTIVITY. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY

Legal status of forensic psychiatric examination in criminal proceedings. Trusova E.A. **105**

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Fighting Sexual Harassment: A History of Legislative Development in the United States. Antyukhina E.Yu. **109**

Социально-политическая турбулентность и ее коммуникативные последствия

Фань Тяньян

аспирант, кафедра «Международные отношения и мировая политика», Санкт-Петербургский государственный университет, 525993349@qq.com

Маркушина Наталья Юрьевна

доктор политических наук, профессор кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Социально-политическая турбулентность может быть вызвана различными факторами, включая экономическую нестабильность, политическую поляризацию и социальные беспорядки. В эпоху новых медиа социально-политическая турбулентность может иметь значительные коммуникативные последствия.

Во время социально-политической турбулентности отдельные люди и группы могут с большей вероятностью участвовать в политической коммуникации, которая носит конфронтационный, эмоциональный и разделительный характер. Использование социальных сетей может усилить эти тенденции, поскольку люди чаще делятся эмоциональным и поляризующим контентом в ответ на нестабильные и неопределенные ситуации. Это может привести к созданию эхо-камер, которые могут усилить политическую поляризацию и затруднить поиск точек соприкосновения и конструктивный диалог.

Ключевые слова: социально-политическая турбулентность, коммуникация, поляризация, дезинформация, социальные медиа, демократия

Основная часть. Социально-политическая турбулентность становится все более распространенным явлением во многих частях мира. Она относится к состоянию политических и социальных волнений, которые могут быть вызваны различными факторами, такими как экономическая нестабильность, социальное неравенство, политическая коррупция или этническая напряженность [1]. Последствия социально-политической турбулентности могут быть серьезными, начиная от краха демократических институтов и заканчивая насильственными конфликтами. Одной из наиболее серьезных проблем, связанных с социально-политической турбулентностью, являются ее коммуникативные последствия. В этой статье мы рассмотрим, каким образом социально-политическая турбулентность влияет на коммуникацию, и обсудим роль коммуникации в усугублении или смягчении этого явления.

Одним из наиболее заметных последствий социально-политической турбулентности является поляризация. Поляризация означает углубление идеологических разногласий и возникновение отдельных идеологических лагерей в обществе. Этот процесс может подпитываться различными факторами, такими как экономическое неравенство, культурные различия или политическая поляризация [2]. Однако одним из наиболее значимых факторов поляризации в последние годы стал рост социальных медиа.

Социальные медиа-платформы создали новые возможности для общения людей. Однако они также способствовали распространению дезинформации и усилению крайних взглядов. Алгоритмы социальных сетей разработаны таким образом, чтобы способствовать вовлечению, что означает, что провокационный или эмоционально заряженный контент, как правило, получает больше внимания, чем фактическая или нюансированная информация [3]. В результате социальные медиа стали питательной средой для теорий заговора, фальшивых новостей и экстремистской пропаганды, которые могут подпитывать поляризацию и усиливать социально-политическую турбулентность.

Влияние социально-политической турбулентности на демократию также вызывает беспокойство. Эффективное функционирование демократических систем зависит от коммуникации. Граждане должны иметь возможность доступа к точной и надежной информации для принятия обоснованных решений, привлечения к ответственности своих лидеров и участия в политических процессах [4]. Однако социально-политическая турбулентность может подрывать эти процессы, создавая атмосферу недоверия и дезинформации.

Одной из важнейших проблем, возникающих в результате социально-политической турбулентности, является подрыв доверия к институтам и демократическим нормам. Когда люди чувствуют, что их голоса не услышаны или что система подтасована против них, они могут обратиться к альтернативным источникам информации или поддержки. Это может создать спираль поляризации и недоверия, которую трудно обратить вспять. Коммуникации могут сыграть жизненно важную роль в смягчении этого явления, способствуя диалогу, повышению прозрачности и укреплению доверия между гражданами и учреждениями.

Одним из важных моментов, когда речь идет о социально-политической турбулентности, является роль эмоций в политической коммуникации. По словам Уол-Йоргенсена [7], в изучении политической коммуникации наметился поворот к аффективному или эмоциональному подходу, который признает, что эмоции играют важную роль в формировании политического дискурса и поведения. Такие эмоции, как гнев, страх и надежда, могут быть мощными мотиваторами для политических действий, и на них часто ссылаются политические лидеры и СМИ для формирования общественного мнения. Однако эмоциями также можно манипулировать и использовать их в политических целях, как мы видим на примере роста цифрового популизма [9]. Поэтому важно понять, как эмоции используются в политической коммуникации, и разработать стратегии для продвижения ответственной и этичной практики коммуникации.

Еще один важный вопрос, связанный с социально-политической турбулентностью, — это влияние коммуникационных технологий на политическое участие. Хотя цифровые платформы облегчили гражданам участие в политическом дискурсе и активизме, есть также опасения, что эти технологии могут способствовать снижению традиционных форм политического участия, таких как голосование и посещение общественных собраний [6]. Это привело к дебатам о роли цифровых технологий в развитии или подрыве демократии [5]. С одной стороны, цифровые платформы имеют потенциал для расширения доступа к политической информации и мобилизации ранее маргинализированных групп. С другой стороны, существует риск, что цифровые технологии могут способствовать фрагментации политического дискурса и потере доверия к демократическим институтам [3]. Поэтому важно продолжать исследования влияния цифровых технологий на политическое участие и разрабатывать стратегии для продвижения инклюзивных и партисипативных форм демократии.

Наконец, важно рассмотреть роль невербальной коммуникации в политическом дискурсе. Как отмечают Экман и Фризен [8], невербальная коммуникация может передавать различные эмоции и отношение, а также использоваться для манипулирования и влияния на других. В контексте политической коммуникации невербальные сигналы, такие как выражение лица, жесты и поза, могут быть мощными ин-

струментами для передачи сообщений и формирования общественного мнения. Поэтому для ученых и практиков важно изучить роль невербальной коммуникации в политическом дискурсе и разработать стратегии для продвижения ответственной и этичной практики коммуникации.

Социально-политическая турбулентность — это сложное и многогранное явление, которое создает значительные проблемы для коммуникации и демократии. Поляризация и дезинформация являются двумя наиболее значительными коммуникативными последствиями социально-политической турбулентности. Однако коммуникация также может играть решающую роль в смягчении последствий социально-политической турбулентности, способствуя диалогу, прозрачности и укреплению доверия между гражданами и институтами. В современном глобальном контексте как никогда важно понять, каким образом социально-политическая турбулентность влияет на коммуникацию, и разработать стратегии для устранения ее коммуникативных последствий.

Литература

1. Кризи, Х. (2014). Политические последствия социально-политической турбулентности. Европейский обзор политической науки, 6(1), 3-26.
2. Айенгар, С., и Вествуд, С. Дж. (2015). Страх и отвращение через партийные линии: Новые данные о групповой поляризации. Американский журнал политической науки, 59(3), 690-707.
3. Туфекчи, З. (2018). Настоящая причина, по которой технологии борются с дезинформацией. Журнал "Проводник", 26.
4. Норрис, П. (2017). Демократическая коммуникация в цифровую эпоху: вызовы, возможности и риски. Оксфорд Университи Пресс.
5. Чадвик, А. (2017). Гибридная медиасистема: Политика и власть. Издательство Оксфордского университета.
6. Беннетт, У. Л. (2012). Персонализация политики: Политическая идентичность, социальные медиа и меняющиеся модели участия. Журнал "Американской академии политических и социальных наук", 644(1), 20-39.
7. Вал-Йоргенсен, К. (2019). Эмоции, СМИ и политика: Аффективный поворот в политической коммуникации. Джон Уайли и сыновья.
8. Экман, П., и Фризен, В. В. (1969). Репертуар невербального поведения: Категории, происхождение, использование и кодирование. Семиотика, 1(1), 49-98.
9. Грубер, О., и Капп, Р. (2019). Цифровой популизм: Теоретический подход. Информация, коммуникация и общество, 22(6), 854-872.

Socio-political turbulence and its communicative consequences Fan Tianyang, Markushina N.Yu.

St. Petersburg State University

Socio-political turbulence can be caused by a variety of factors, including economic instability, political polarization, and social unrest. In the era of new media, socio-political turbulence can have significant communicative implications.

During times of socio-political turbulence, individuals and groups may be more likely to engage in political communication that is confrontational, emotional, and divisive. The use of social media may amplify these trends, as people are more likely to share emotional and polarizing content in

response to volatile and uncertain situations. This can lead to the creation of echo chambers that can increase political polarization and make it difficult to find common ground and constructive dialogue.

Keywords: socio-political turbulence, communication, polarization, disinformation, social media, democracy

References

1. Creasy, H. (2014). Political consequences of socio-political turbulence. *European Political Science Review*, 6(1), 3-26.
2. Iyengar, S., & Westwood, S. J. (2015). Fear and Loathing Across Party Lines: New Evidence on Group Polarization. *American Journal of Political Science*, 59(3), 690-707.
3. Tufekci, Z. (2018). The real reason technology fights disinformation. *Magazine "Explorer"*, 26.
4. Norris, P. (2017). *Democratic Communication in the Digital Age: Challenges, Opportunities and Risks*. Oxford University Press.
5. Chadwick, A. (2017). *Hybrid media system: Politics and power*. Oxford University Press.
6. Bennett, W. L. (2012). Personalization of Politics: Political Identity, Social Media and Changing Models of Participation. *Journal of the American Academy of Political and Social Sciences*, 644(1), 20-39.
7. Wahl-Jorgensen, K. (2019). Emotions, Media and Politics: An Affective Turn in Political Communication. *John Wiley & Sons*.
8. Ekman, P., & Friesen, W. W. (1969). Nonverbal Behavior Repertoire: Categories, Origins, Uses, and Coding. *Semiotics*, 1(1), 49-98.
9. Gruber, O., & Kapp, R. (2019). Digital Populism: A Theoretical Approach. *Information, Communication and Society*, 22(6), 854-872.

Основные принципы внешней политики России при Владимире Путине

Мелконян Анушик Вазгеновна

магистрант, кафедра теории и истории международных отношений РУДН, melkonyan.anushik@list.ru

Статья посвящена рассмотрению ключевых принципов, направлений и этапов внешней политики России и роли руководителя страны – В.В. Путина – в определении ключевых внешних векторов. Рассматриваются предпосылки формирования текущей геополитической ситуации. Представлен анализ видения Россией своей роли на общемировой арене. Выделены ключевые события и тенденции во внешней политике, осуществляемой В. В. Путиным, по трем векторам – восточному, южному и западному. Особое внимание уделено политике «поворота на Восток», в контексте которой Россия начала инициировать дискуссии о смещении геополитического акцента со стран Запада на страны Востока. Отмечается, что внешняя политика России остается важным компонентом ее стратегии социально-экономического развития и имеет большое значение для обеспечения национальных интересов и укрепления позиции страны в мировой политике.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, Китай, «поворот на восток», внешнеполитическая деятельность, геополитика, многополярность

Для того, чтобы получить представление о существенных границах и концепции современной внешней политики Российской Федерации, требуется понять, на каком фундаменте она выстраивалась, какие исторические факты и тенденции предшествовали современному этапу.

Безусловно, после распада Советского Союза внешней политике России была присуща ощутимая турбулентность: векторы внешнеполитического взаимодействия постоянно менялись, в ряде случаев – на диаметрально противоположные. В начале 1990-х гг. новое российское руководство рассматривало, к примеру, Соединенные Штаты Америки и «коллективный Запад» в целом в качестве идеологических союзников, которые способствуют построению в России демократического порядка. В некотором плане Запад стал для России образцом для подражания, ориентируясь на который страна могла эффективно сконструировать политическую демократию (в годы правления Б. Ельцина, к примеру, звучали призывы «превратить Россию из опасного, большого гиганта Евразии в члена западной зоны процветания» и для этого «учиться у передового клуба, как жить цивилизованным образом»)[1].

Важнейшим направлением внешнеполитической активности России на данном этапе было построение отношений с государствами, ранее являвшимися частью СССР, а также с иными государствами «советского блока». Предполагалось, что исторические узы, общность идеологии и экономико-производственная взаимозависимость станут базисом для построения уникального «кластера» постсоветских республик.

Россия, помимо прочего, рассматривала в качестве стратегических партнеров страны, которым удалось сохранить коммунистический режим – Китай, КНДР, Вьетнам, Куба. Тем не менее, китайский вектор внешней политики оказался на том этапе заведомо проигрышным: с одной стороны, российские либералы выразили желание дистанцироваться от режима КНР, а китайское правительство, с другой стороны, опасалось что распад СССР окажет деструктивное влияние на идеологическую обстановку внутри КНР и дестабилизирует представления обществу о верности коммунистическим идеалам.

В дальнейшем все вышеописанные внешнеполитические установки страны утратили актуальность. По мере глобальных геополитических сдвигов изменился и запрос на направление политического творчества. К 2000-м гг., по приходу к власти В. В. Путина, таким образом, произошёл тотальный пересмотр прежних моделей миропонимания мира и

внешней политики[2]. С начала 2000-х годов президент России В. В. Путин поставил абсолютно новые задачи в рамках ключевых внешнеполитических направлений: государства-союзники и государства-оппоненты, страны Востока и страны Запада, а также страны «третьего мира».

Как показывает анализ хронологии и закономерностей внешней политики России по различным областям и направлениям, а также анализ теста Концепции внешней политики Российской Федерации (2023 г.)[3], руководство страны, возглавляемое В. В. Путиным, следует четким принципам при конструировании собственной внешнеполитической системы:

1. Суверенитет и независимость: Россия стремится сохранить свою независимость и территориальную целостность.

2. Многополярность: Россия выступает за развитие многополярной системы мирового порядка, где не будет одной доминирующей силы. Такая система предполагает, что различные государства имеют право на свое мнение, на свой путь развития, на свою культуру и традиции, и то, что каждое государство должно быть равноправным в международных отношениях. Россия считает, что такая многополярная система мирового порядка более справедлива, чем система, в которой одно государство является мировым лидером. По мнению России, в многополярной системе мирового порядка различные государства могут взаимодействовать между собой на равных условиях, что способствует миру и стабильности в мировом сообществе.

3. Равноправие и справедливость: Россия поддерживает принципы международного права, признание равноправия и справедливости между странами.

4. Ненасилие и диалог: Россия настаивает на решении конфликтов через диалог.

5. Приоритет национальных интересов: Россия выступает за защиту национальных интересов в международных отношениях.

6. Сотрудничество: Россия стремится к сотрудничеству с другими государствами в различных областях, таких как экономика, торговля, наука и технологии, культура и образование, а также в борьбе с международными проблемами, такими как терроризм, наркоторговля и распространение оружия массового поражения.

7. Развитие экономических связей: Россия активно развивает экономические связи со странами по всему миру, в том числе за счет участия в международных организациях и создания свободных экономических зон.

Вышеизложенные принципы определяют особый – «путинский» стиль внешней политики России последних двух десятилетий и ориентируют ее на достижение национальных интересов и поддержание международной стабильности.

Современная внешняя политика России за последние годы приобрела отчетливые черты, особый «стиль», отражающий подход, который президент России Владимир Путин принимает в области внешней политики. Этот стиль характеризуется активной

защитой национальных интересов России, а также стремлением к укреплению ее позиции на мировой арене. Данный подход к реализации внешней политики включает в себя использование широкого спектра средств для достижения целей России, включая дипломатические, экономические, политические и военные методы. В связи с этим внешней политике России приписываются такие черты, как жесткость и решительность в защите национальных интересов. Этот подход также вызывает определенную критику со стороны некоторых стран и экспертов, особенно в свете эскалации напряжения в отношениях России с западными странами.

Для того, чтобы получить представление, как именно вышеописанные принципы реализуются в реальной практике, следует рассмотреть некоторые ключевые события внешнеполитической сферы.

Восточный вектор внешней политики России.

Одним из наиболее значимых изменений во внешней политике России является декларируемый В. В. Путиным «поворот на Восток». Россия в рассматриваемый период стала усиливать свои отношения с Китаем, Индией и другими странами Азии, в том числе за счет развития экономического сотрудничества и укрепления взаимовыгодных отношений. Также стоит отметить, что Россия активно поддерживает сотрудничество в контексте ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), которая включает в себя Китай, Индию и другие азиатские государства.

В рамках политики «поворота на Восток» президент начал инициировать дискуссии о смещении геополитического акцента с Запада на Восток, о выработке валюты, которая смогла бы стать альтернативой доллару, о коллективном противодействии санкционному давлению стран западного мира. В данном аспекте внешней политики общая концепция России, можно сказать, за 20 лет практически не изменилась: страна поддерживает стремление расщепления мирового потенциала ресурсов, силы, военной и экономической мощности на Азиатско-Тихоокеанский регион.

Уже с начала 2000-х гг. стало очевидно, что мир перестает быть однополюсным; на данном этапе (и, впрочем, по настоящий момент) контуры нового мирового порядка еще не были окончательно очерчены, однако бесспорным можно считать тот факт, что определяющую роль в новом политическом мире будет играть Китай[4]. Подобные тезисы неоднократно высказывались политиками высшего уровня и самим президентом.

Китайский вектор внешней политики современной России характеризуется развитием тесных экономических и политических связей между двумя странами. Россия и Китай продолжают укреплять партнерство в рамках стратегического сотрудничества и сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС. Одним из важных направлений сотрудничества между Россией и Китаем является развитие экономических связей. Обе страны работают над расширением торгового и инвестиционного сотрудничества, а также над созданием новых проектов, таких как

строительство газопровода «Сила Сибири». Кроме того, Россия и Китай сотрудничают в сфере науки и технологий, культуры и образования. Правительства обеих стран выступают за мультиполярный мировой порядок и сотрудничают в решении международных проблем, таких как борьба с терроризмом и поддержание мировой стабильности. Несмотря на плодотворное, в целом, сотрудничество с Китаем, некоторые эксперты говорят о возможности кризиса в будущем, обусловленного растущими амбициями Китая в Африке, в Арктике и ряде других регионов [5].

Системность внешнеполитической концепции «поворота на Восток» была зафиксирована с приходом ко власти в 2000 г. В. В. Путина. Ее реализация на способствовала углублению сотрудничества с Китаем, Индией и многими другими странами Востока. Ожидаемо, что подобная линия не могла не вызвать негативной реакции со стороны Запада.

В своем «повороте на Восток» Россия также стремится к укреплению партнерства со странами арабского мира. Безусловно, активная внешняя политика, направленная на арабский мир, продвигает национальные интересы РФ в странах МЕНА; следует отметить, что именно в арабском мире сформировано альтернативное информационное поле и положительный образ России на общемировой арене [6].

Представим некоторые из наиболее значимых событий во внешней политике России в отношении арабских стран в период с 2000-х гг. по настоящее время. В 2010 г. состоялось подписание сделки поставки вооружений в Сирию; 2015 г. был отмечен участием России в конфликте в Сирии на стороне правительства Б. Асада. Россия является одним из участников международных переговоров по иранской ядерной программе и является одной из стран, подписавших сделку с Ираном в 2015 г. За исследуемый нами период состоялось подписание ряда соглашений о сотрудничестве с Египтом в области военного сотрудничества, строительства ядерной электростанции и других областей. Кроме того, мы наблюдаем развитие отношений с Саудовской Аравией, включая участие в региональной антитеррористической коалиции и продажу вооружений, а также с ОАЭ и Ираком (договоренности в области военного сотрудничества и сотрудничества в области энергетики). Общие тенденции во внешней политике России в отношении арабских стран включают укрепление дипломатических отношений и интенсификацию экономического сотрудничества, а также участие России в региональных конфликтах.

Южный вектор внешней политики России. В последние годы Россия активно расширяет свою сферу влияния на Африканском континенте. Интересы России в сотрудничестве с африканскими странами постепенно обретают стратегический, приоритетный характер. В 2019 г., к примеру, был проведен масштабный Саммит «Россия – Африка», аналогов которому не было со времен советской эпохи. При этом следует отметить, что интерес к Африке возник у России относительно недавно, в

связи с чем политический вес и экономическое присутствие России на этом континенте все еще весьма ограничено – особенно в сопоставлении с результатами, достигнутыми китайским правительством в странах Африки. В подтверждение данного тезиса можно привести статистические данные: суммарный товарооборот со всеми странами Африки в 2018 г. составил лишь \$3 млрд., тогда как аналогичный показатель взаимодействия Африки и Китая превысил \$56 млрд. [7].

Тем не менее, за последние несколько лет был достигнут колоссальный прогресс в наращивании темпов и объемов внешнеэкономического партнерства: в 2022 г. внешнеторговый оборот России со странами Африки составил около \$18 млрд [8]. В начале 2023 г. состоялась II Международная парламентская конференция «Россия – Африка в многополярном мире», где приняли участие более 40 делегаций из большинства стран Африки, а также ведущие эксперты с российской стороны [8]. В результате мероприятия были выработаны планы российско-африканского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества.

Безусловно, сегодня Россия все еще не использует все имеющиеся у нее рычаги и инструменты в целях усиления своего веса в Африке; приоритет во внешней политике по-прежнему сохраняется на восточном направлении. Тем не менее, политику, проводимую под руководством В. В. Путина в Африке, все же можно считать продуманной и системной. В отсутствие возможностей сотрудничества ввиду слабого производственного и научного потенциала большинства африканских стран, налаживать связи помогает, помимо прочего, регулярная практика списания долгов ряду африканских государств. Известно, к примеру, что еще в 1996 г. Россия списала \$3,5 млрд долга Анголе (что составляет 70% задолженности страны перед СССР). В 2001 г. было списано \$4,8 млрд долга Эфиопии перед Россией (70%), в 2005 г. – \$1,1 млрд. В 2006 г. аналогичные меры были приняты в отношении Алжира (списание \$4,7 млрд в обмен на закупку российской промышленной продукции), в 2008 г. – Ливии, 2013 г. – Мозамбика и т. п. [9]. По приблизительным оценкам, в общей сложности речь идет о списании долгов в объеме \$20 млрд.

Особый вектор внешнеполитического взаимодействия между Россией и странами Африки – сотрудничество в военной отрасли. Основной статьей экспорта России в Африку являются вооружения, и, можно сказать, что его поставки являются одним из базисных компонентов в системе сотрудничества России с Африкой. С 2005 г. поставки вооружения направляются в 18 африканских государств; наибольшую долю в объеме экспорта занимают Судан, Ангола, ЦАР и Нигерия.

На современном этапе африканские страны стремятся диверсифицировать систему своих международных связей. Одним из перспективных направлений можно считать сотрудничество с иностранными компаниями, обладающими необходимыми технологическими компетенциями. В этом

плане российские интересы в странах Африки обеспечиваются рядом крупных ресурсодобывающих компаний: АК «АЛРОСА» (Ангола и Зимбабве), АО «ГК «РЕНОВА» и ПАО «ГМК «Норильский никель» (ЮАР), ПАО «Лукойл» (Гана, Камерун, Нигерия) и проч. Африканские страны заинтересованы в подобном сотрудничестве по ряду причин: во-первых, российские компании предоставляют местному населению десятки тысяч рабочих мест, организуют обучение кадров, в том числе и в вузах России (инженерные, геологические специальности)[10].

Говоря о внешней политике России и странах Африки, нельзя не отметить актуализацию триады политических интересов «Китай – Россия – Африка». На данный момент интересы сторон – России и Китая – в отношении Африки в целом не обнаруживают существенных противоречий. Китай наблюдает за тем, как Россия восстанавливает свои позиции в регионе, стремясь к уровню «советского наследия и авторитета»[7]. Из-за того, что темпы этого восстановления достаточно невысоки и напоминают, скорее, движение по инерции, Китай не выражает беспокойства в отношении российского присутствия в Африке. Тем не менее, можно предположить, что по мере укрепления связей Китая со странами Африки (которые уже сегодня приносят свои плоды), позиции двух держав станут взаимоисключающими.

Западный вектор внешней политики России.

После завершения периода холодной войны Соединенные Штаты Америки начали реализовывать стратегию конструирования однополярного мира, где центром притяжения ресурсов, инноваций, производства и финансов должна была стать Америка. К концу 1990-х г. стала нарастать геополитическая конфронтация, основанная на множестве идеологических, экономических, военных нестыковок[1]. Тем не менее, в начале 2000-х гг. Россия все еще стремилась к более тесному сотрудничеству с западными странами и вступила во многие международные организации, такие как ВТО и ОЭСР. Однако уже к концу десятилетия в отношениях между Россией и западными странами произошло ощутимое охлаждение.

Кризис в отношениях между Россией и западными странами начался с событий в 2014 г., после присоединения Крыма Россией и военными действиями на Востоке Украины. В ответ на это западные страны ввели экономические санкции против России. Санкции оказали существенное влияние на экономику России и вызвали напряженность в отношениях между Россией и западными странами. Кроме этого, отношения между Россией и западными странами были напряжены в связи с конфликтом в Сирии, в котором Россия поддерживала правительственные войска, а западные страны поддерживали оппозиционные силы. Несмотря на все это, Россия продолжала сотрудничать с западными странами в некоторых областях, таких как космическая и научно-техническая сферы, а также в борьбе с терроризмом. Третий виток санкций мы наблюдаем сегодня; в целом западный вектор внешней

политики России на данном этапе, можно сказать, выступает наименее продуктивным.

Вывод о внешней политике России сложно сделать кратким и однозначным, так как эта сфера деятельности правительства крайне динамична и зависит от многих факторов, таких как глобальные изменения в мировой политике и экономике, интересы России в разных регионах мира, ее взаимоотношения с другими государствами, а также от ряда внутривосточных факторов. Можно отметить, что Россия придает большое значение сохранению своей геополитической роли и стремится упрочить свою позицию на международной арене. Государство ставит в приоритет защиту национальных интересов и суверенитета, как в экономической, так и в политической сферах. В последние годы Россия уделяет большое внимание развитию многополярной системы мирового порядка, поддерживая взаимодействие на равных условиях между различными государствами и стремясь к созданию мира и стабильности в мировом сообществе.

Литература

1. Сидорова, Н. П. Внешняя политика России: от «нового мышления» до многовекторности / Н. П. Сидорова // Вестник РУДН. История России. – 2019. – №4. – С. 991.
2. Цыганков, А. П. Внешняя политика России: к комплексному осмыслению / А. П. Цыганков // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2020. – №3. – С. 447.
3. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" / Консультант. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/. – Дата доступа: 11.04.2023.
4. Абдуразаков, О. Р. «Восточный поворот» во внешней политике современной России / О. Р. Абдуразаков, Е. В. Ледовская // Проблемы науки. – 2021. – №8 (67). – С. 60.
5. Севальнев, В. В. Китайский вектор в современной внешней политике России: политико-правовой аспект / В. В. Севальнев Е. В. Черепанова // Сравнительная политика. – 2020. – №1. – С. 41.
6. Шахур Зиад. Цифровая дипломатия МИД РФ в странах арабского мира / Шахур Зиад // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – №10 (75). – С. 20-24.
7. Арапов, И. А. Африка во внешней политике России и Китая / И. А. Арапов // Контентус. – 2020. – №4. – С.5.
8. Минэкономразвития: до 2030 товарооборот между Россией и Африкой может увеличиться вдвое // Министерство экономического развития РФ. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_do_2030_tovarooborot_mezhdu_rossiey_i_afrikoy_mozhet_avelichitsya_vdvoe.html. – Дата доступа: 10.04.2023.

9. Новодережкин, А Как Россия списывала долги странам Африки // ТАСС. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/7037257>. – Дата доступа: 10.04.2023.

10. Альбертян, А. П. Перспективы России по использованию природных ресурсов Африки в условиях конкурентной борьбы / А. П. Альбертян // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – №1 (842). – С. 94.

Main principles of russian foreign policy during the Vladimir Putin's administration

Melkonyan A.V.

PFUR

The article considers the key principles, directions and stages of Russia's foreign policy. The prerequisites for the formation of the current geopolitical situation and the role of V. Putin are presented. An analysis of Russia's vision of its role in the global arena is presented. The key events and trends in the country's foreign policy formed by V. Putin are identified along three vectors - eastern, southern and western. Particular attention is paid to the policy of "turning to the East", in the context of which Russia began to initiate discussions about shifting the geopolitical focus from the countries of the West to the countries of the East. It is noted that Russia's foreign policy remains an important component of its development strategy and is of great importance for ensuring national interests and strengthening the country's position in the global politics.

Keywords: Russia, foreign policy, China, "pink to the east", foreign policy, geopolitics, multi-polarity

References

1. Sidorova, N. P. Foreign policy of Russia: from "new thinking" to multi-vector / N. P. Sidorova // Bulletin of RUDN University. Russian history. - 2019. - No. 4. - S. 991.
2. Tsygankov, A.P. Foreign policy of Russia: towards a comprehensive understanding / A.P. Tsygankov // Vestnik RUDN. Series: International relations. - 2020. - No. 3. - S. 447.
3. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229 "On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation" / Consultant. - 2023 [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/. - Access date: 04/11/2023.
4. Abdurazakov, O. R. "Eastern turn" in the foreign policy of modern Russia / O. R. Abdurazakov, E. V. Ledovskaya // Problems of science. - 2021. - No. 8 (67). - S. 60.
5. Sevalnev, V. V. The Chinese vector in modern Russian foreign policy: political and legal aspect / V. V. Sevalnev, E. V. Cherepanova // Comparative Politics. - 2020. - No. 1. - S. 41.
6. Shahud Ziad. Digital diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in the countries of the Arab world / Shakhur Ziad // Society: politics, economics, law. - 2019. - No. 10 (75). - S. 20-24.
7. Arapov, I. A. Africa in the foreign policy of Russia and China / I. A. Arapov // Content. - 2020. - No. 4. - p.5.
8. Ministry of Economic Development: until 2030, trade between Russia and Africa may double // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. - 2023. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_do_2030_tovarooborot_mezhdu_rossiyei_i_afrikoy_mozhet_uvelichitsya_vdvoe.html. - Access date: 04/10/2023.
9. Novoderezhkin, How Russia wrote off debts to African countries // TASS. – 2019. [Electronic resource]. – Access mode: <https://tass.ru/info/7037257>. – Access date: 04/10/2023.
10. Albertyan, A.P. Russia's prospects for the use of African natural resources in a competitive environment / A.P. Albertyan // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. - 2021. - No. 1 (842). – S. 94.

Международные отношения и будущее Европейского Союза: анализ прогнозов

Давлетшина Наталья Викторовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики (ЗРиВП), РГГУ, Nдавлет@gmail.Com

Данная статья представляет анализ прогнозов о будущем Европейского Союза и его месте в международных отношениях. В рамках теоретического обзора рассмотрены основные концепции и подходы к изучению международных отношений и Европейского Союза. Текущее положение дел в Европейском Союзе оценено в контексте политической и экономической ситуации, и динамики внутриевропейских отношений.

Основное внимание уделено анализу прогнозов о будущем Европейского Союза и его роли в международных отношениях. Рассмотрены различные сценарии развития Европейского Союза, и основные стратегии, предлагаемые экспертами для укрепления его позиций в мировой политике и экономике.

Статья подводит итоги оценки перспектив реализации данных стратегий и делает вывод о том, что будущее Европейского Союза зависит от многих факторов, включая политическую волю и сотрудничество между государствами-членами, и глобальные вызовы, такие как изменение климата и международная безопасность. Однако прогнозы экспертов показывают, что Европейский Союз имеет потенциал для укрепления своих позиций и продвижения своих интересов в международных отношениях.

Ключевые слова: международные отношения, Европейский Союз, прогнозы, будущее, стратегии развития.

Теоретический обзор

Основные концепции и подходы к изучению международных отношений включают в себя реализм, либерализм, транснационализм и конструктивизм. Реализм уделяет основное внимание силовым аспектам международных отношений, взаимодействию государств на основе конкуренции и балансирования сил. Либерализм акцентирует внимание на взаимодействии акторов на основе правовых, экономических и политических институтов, в том числе, в международном измерении. Транснационализм уделяет внимание роли не только государств, но и других акторов в международных отношениях, таких как корпорации, неправительственные организации, международные организации, и т.д. Конструктивизм считает, что международные отношения формируются на основе социальных и культурных норм и ценностей, а не только на основе материальных интересов.

Основные концепции и подходы к изучению Европейского Союза включают в себя интеграционный подход, международный режим и глобализационный подход. Интеграционный подход рассматривает Европейский Союз как процесс интеграции европейских государств, уделяя основное внимание формированию институтов, правовым и экономическим аспектам. Международный режим рассматривает Европейский Союз в контексте международной системы и взаимодействия с другими государствами и международными организациями. Глобализационный подход рассматривает Европейский Союз как часть глобальных процессов, происходящих в мире, в том числе, в экономическом, политическом и культурном измерении.

Текущее положение дел в Европейском Союзе

С начала 2000-х годов Европейский Союз столкнулся с рядом серьезных вызовов, которые повлияли на его политическое и экономическое развитие. Некоторые из наиболее значимых вызовов включают в себя глобальный финансовый кризис 2008 года, бурное увеличение миграционного потока в ЕС, выход Великобритании из ЕС (Brexit), и внутренние политические напряжения в ряде стран-членов [3].

В связи с этим, были предприняты различные меры для обеспечения стабильности и устойчивости ЕС, такие как ужесточение финансово-бюджетной политики в рамках Пакта о стабильности и росте, укрепление контроля над границами ЕС, увеличение финансирования на поддержку экономического развития стран-членов, и совместные усилия в области безопасности и борьбы с терроризмом.

Существует несколько мнений относительно текущей политической и экономической ситуации в Европейском Союзе. Некоторые эксперты считают, что ЕС находится в периоде стагнации, неспособен к решению своих собственных проблем, и находится под угрозой со стороны геополитических конкурентов, таких как США и Китай. Другие эксперты полагают, что ЕС по-прежнему остается важным международным игроком, у которого есть возможность обеспечивать стабильность и безопасность в Европе и в мире.

Внутриевропейские отношения являются важным аспектом текущей ситуации в Европейском Союзе. Несмотря на общие интересы и общие цели, страны-члены ЕС могут иметь различные взгляды на ряд вопросов, таких как иммиграция, финансово-бюджетная политика, безопасность и оборонная политика, и политика в отношении России и других геополитических конкурентов. Например, разногласия по поводу миграционной политики привели к кризису внутриевропейских отношений в 2015 году, когда несколько стран-членов отказались принимать беженцев, вызвав конфликт с другими членами ЕС [5].

Кроме того, выход Великобритании из ЕС Brexit вызвал напряжение внутри ЕС, особенно в отношении будущих отношений с Великобританией и перераспределения бюджетных средств между оставшимися государствами-членами.

Несмотря на различия во мнениях и взглядах, Европейский Союз продолжает работать на укрепление своей внутренней координации и сотрудничества между странами-членами, в том числе путем регулярных встреч высокопоставленных чиновников, в том числе глав государств и правительств. ЕС продолжает развивать свои внешние отношения, в том числе с другими международными организациями и государствами, и участвует в решении глобальных проблем, таких как изменение климата и борьба с терроризмом.

Анализ прогнозов о будущем Европейского Союза

Анализ прогнозов о будущем Европейского Союза показывает, что восстановление экономики после пандемии COVID-19 продолжается, но оно остается неравномерным. Восстановление промышленного производства было достигнуто, но сектор услуг продолжает сокращаться, что замедляет темпы восстановления в странах с большим сектором услуг [8].

Индекс менеджеров по закупкам в ЕС свидетельствует о том, что центральные банки продолжают придерживаться нетрадиционных методов денежно-кредитной политики, что объясняется давлением валютных и инфляционных факторов. Многие страны продолжают снижать ключевую ставку, но Россия и Турция, напротив, повысили ее.

Прогнозы роста ВВП Европы подверглись корректировке. Если вакцины станут широко доступны в 2023 году, рост ВВП в 2023 году прогнозируется на уровне 3,9 процента, что вернет ВВП Европы к до-

пандемическому уровню [7]. Однако прогнозы по потерям производства по-прежнему неопределенны, и они могут измениться, когда станет более понятным весь масштаб воздействия пандемии на экономику.

Инфляция, которая в настоящее время сдерживается экономическим спадом, по прогнозам, вырастет на 1,1 п. п. до 3,1 процента, частично из-за более высоких цен на сырьевые товары. Инфляционные ожидания остаются на прежнем уровне или ниже целевых показателей, что свидетельствует о высоком уровне доверия к центральным банкам [6].

В отношении отраслевого сотрудничества между ЕС и государствами, не входящими в ЕС, расширение секторального сотрудничества могло бы стать одним из возможных вариантов. В перспективе секторальное сотрудничество позволит расширить деловые связи между странами, у которых есть разнообразные отношения с ЕС: государства-члены, страны, стремящиеся присоединиться к Союзу, государства без таких амбиций и страны, недавно вышедшие из него. Такое сотрудничество уже доказало свою высокую эффективность в рамках программ Horizon и InvestEU.

Дальнейшее развитие Европейского Союза зависит от решения важных вопросов, таких как безопасность, восстановление экономики и расширение ЕС. Решение проблемы безопасности является одним из наиболее важных направлений развития ЕС. Участие Турции и Азербайджана в Европейском проекте соединения газопроводов свидетельствует о важности безопасности в регионе.

Одним из ключевых факторов будущего Европейского Союза является вопрос о расширении ЕС. Несмотря на некоторые трудности и риски, связанные с присоединением новых стран, активная поддержка процесса расширения может стать важным направлением развития ЕС.

Прогнозы по будущему Европейского Союза зависят от многих факторов, их корректировка может быть неизбежной, когда станет более понятным весь масштаб воздействия пандемии на экономику. Прогнозируется продолжение восстановления экономики, развитие секторального сотрудничества и решение важных вопросов, таких как безопасность и расширение ЕС, будут оставаться ключевыми направлениями развития Европейского Союза в ближайшем будущем.

Стратегии развития Европейского Союза

С момента своего создания Европейский Союз стремился к тому, чтобы стать ведущим игроком в мировой политике и экономике. Для достижения этой цели были разработаны и предложены различные стратегии развития, которые включают в себя:

1. Глобальная стратегия ЕС (2016). Эта стратегия была разработана с целью определения основных приоритетов ЕС на международной арене. Она определяет четыре основных направления действий: защита граждан и безопасность, процветание, укрепление устойчивости и укрепление международного порядка [2].

2. Стратегия ЕС по климату (2020). В рамках этой стратегии ЕС стремится стать первым климатически

нейтральным континентом к 2050 году. Для этого ЕС предлагает ряд мер, таких как повышение эффективности использования энергии, переход на использование возобновляемых источников энергии, промышленная реконструкция и развитие транспортной системы [1].

3. Стратегия ЕС в области цифровой экономики (2015). В рамках этой стратегии ЕС стремится стать мировым лидером в области цифровых технологий. Для этого ЕС предлагает совершенствование сетевой инфраструктуры, повышение квалификации населения в области цифровых технологий, развитие единого цифрового рынка и обеспечение безопасности в онлайн-пространстве.

4. Стратегия ЕС в области научных исследований и инноваций (2020). Эта стратегия призвана поддержать научные исследования и инновации в ЕС, и помочь ЕС стать мировым лидером в области научных исследований. Стратегия включает в себя ряд мер, таких как укрепление сотрудничества между научными организациями, повышение финансирования научных исследований и развитие инновационной инфраструктуры.

Оценка перспектив реализации данных стратегий в настоящее время довольно сложна. С одной стороны, ЕС в последние годы добился некоторого успеха в реализации стратегий развития. Например, в рамках Глобальной стратегии ЕС были предприняты шаги в области обороны и безопасности, что привело к укреплению общей безопасности Европейского Союза. Также были сделаны значительные успехи в реализации стратегии по климату. В 2020 году ЕС установил цель стать первым климатически нейтральным континентом к 2050 году, и в настоящее время он занимает лидирующие позиции в области использования возобновляемых источников энергии [4].

С другой стороны, реализация стратегий ЕС может столкнуться с определенными препятствиями. Например, в случае стратегии в области цифровой экономики ЕС может столкнуться с проблемами в области конкуренции со стороны других стран, таких как Китай или США, которые уже имеют значительный опыт в развитии цифровых технологий. Реализация стратегий может быть затруднена из-за финансовых ограничений, особенно в свете текущей экономической ситуации в ЕС.

Несмотря на эти препятствия, реализация стратегий развития остается важной задачей для Европейского Союза. Для успешной реализации стратегий необходимо разработать и реализовать соответствующие политические меры и программы, и укреплять сотрудничество с другими странами и регионами. В целом успешная реализация стратегий развития поможет ЕС укрепить свои позиции в мировой политике и экономике, и повысить уровень благосостояния своих граждан.

В заключении можно отметить, что Европейский Союз продолжает разрабатывать и реализовывать различные стратегии развития, которые позволяют ему укреплять свои позиции как на международной арене, так и внутри ЕС. Каждая из этих стратегий нацелена на достижение конкретных целей, таких

как защита граждан, борьба с изменением климата, развитие цифровой экономики, научных исследований и инноваций и другие.

Реализация данных стратегий может столкнуться с различными вызовами и препятствиями. Например, сложности в сотрудничестве между государствами-членами, нестабильность мировой экономики, технологические и экологические проблемы и другие. Поэтому, для успешной реализации данных стратегий, необходимо усиливать сотрудничество между государствами-членами, и продолжать развивать и совершенствовать инфраструктуру и механизмы Европейского Союза.

В целом стратегии развития Европейского Союза являются важным инструментом для укрепления позиций ЕС на мировой арене и обеспечения процветания и безопасности граждан ЕС. Однако для успешной реализации этих стратегий необходимо постоянное совершенствование и адаптация к изменяющимся условиям, и усиливать сотрудничество и координацию между государствами-членами и Европейской комиссией.

Литература

1. Бордяшов Е.С. Перспективы реализации новой стратегии развития Европейского союза «Европа-2020» // Вестник МГИМО. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-realizatsii-novoy-strategii-razvitiya-evropeyskogo-soyuza-evropa-2020> (дата обращения: 03.05.2023).

2. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕС. 2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/глобальная-стратегия-Европейского-Союза-по-внешней-политике-и-политике-безопасности_ru

3. Гуселетов Б.П. Будущее европейского политического сообщества: приоритет идеологии или геополитики? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. №1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushee-evropeyskogo-politicheskogo-soobschestva-prioritet-ideologii-ili-geopolitiki> (дата обращения: 02.05.2023).

4. Евросоюз: противоречивая сущность и перспективы развития Европейского союза. «Научно-исследовательский центр Мизеса» 2020. (Дата обращения: 03.05.2023).

5. Каргалова М.В. Размышления о будущем Европейского Союза // Современная Европа. 2016. №4 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-o-buduschem-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 03.05.2023).

6. Нижегородцев Р.М. Мировой финансовый кризис: новые угрозы и новые возможности // Journal of new economy. 2009. №1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-finansovyy-krizis-novye-ugrozy-i-novye-vozmozhnosti> (дата обращения: 03.05.2023).

7. Потемкина, О.Ю. (2022) Европейское политическое сообщество: новое рождение? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН 30(6). 7-14. DOI:

10.15211/vestnikieran62022714 (Дата обращения: 03.05.2023).

8. Фадеева И.А. Анализ влияния пандемии COVID-2019 на экономическую безопасность Европейского Союза в период 2020-2021 гг // Теория и практика общественного развития. 2023. №1 (179). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vliyaniya-pandemii-covid-2019-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-evropeyskogo-soyuza-v-period-2020-2021-gg> (дата обращения: 03.05.2023).

International Relations and the Future of the European Union: Analysis of Forecasts

Davletshina N.V.

Russian State University for the Humanities,

This article presents an analysis of forecasts on the future of the European Union and its place in international relations. Within the framework of a theoretical review, the main concepts and approaches to the study of international relations and the European Union are considered. The current situation in the European Union is evaluated in the context of political and economic conditions, as well as the dynamics of intra-European relations.

The main focus is on the analysis of forecasts on the future of the European Union and its role in international relations. Various scenarios for the development of the European Union are discussed, as well as the main strategies proposed by experts to strengthen its position in world politics and economics.

The article summarizes the evaluation of the prospects for implementing these strategies and concludes that the future of the European Union depends on many factors, including political will and cooperation among member states, as well as global challenges such as climate change and international security. However, expert forecasts show that the European Union has the potential to strengthen its position and advance its interests in international relations.

Keywords: international relations, European Union, forecasts, future, development strategies.

References

1. Bordyashov E.S. Prospects for the implementation of the new development strategy of the European Union "Europe 2020" // Vestnik MGIMO. 2012. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-realizatsii-novoy-strategii-razvitiya-evropeyskogo-soyuza-evropa-2020> (accessed: 03.05.2023).
2. Global strategy of the European Union for foreign and security policy [Electronic resource] // Official website of the EU. 2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/глобальная-стратегия-Европейского-Союза-по-внешней-политике-и-политике-безопасности_ru (accessed: 03.05.2023).
3. Guseletov B.P. The future of the European political community: the priority of ideology or geopolitics? // Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushee-evropeyskogo-politicheskogo-soobschestva-prioritet-ideologii-ili-geopolitiki> (accessed: 02.05.2023).
4. The European Union: a contradictory essence and prospects for the development of the European Union. "Mises Research Center" (April 7, 2006). (Accessed: 03.05.2023).
5. Kargalova M.V. Reflections on the Future of the European Union // Modern Europe. 2016. No. 4 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-o-buduschem-evropeyskogo-soyuza> (accessed: 03.05.2023).
6. Nizhegorodtsev R.M. World Financial Crisis: New Threats and Opportunities // Journal of New Economy. 2009. No. 1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-finansovyy-krizis-novye-ugrozy-i-novye-vozmozhnosti> (accessed: 03.05.2023).
7. Potemkina, O.Yu. (2022) European political community: a new birth? // Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences 30(6). 7-14. DOI: 10.15211/vestnikieran62022714 (accessed: 03.05.2023).
8. Fadeeva I.A. Analysis of the impact of the COVID-2019 pandemic on the economic security of the European Union in the period 2020-2021 // Theory and Practice of Social Development. 2023. No. 1 (179). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vliyaniya-pandemii-covid-2019-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-evropeyskogo-soyuza-v-period-2020-2021-gg> (accessed: 03.05.2023).

Трансформация взаимоотношений Курдского национального совета с внешними акторами во втором десятилетии XXI в.

Гутенёв Юрий Юрьевич

аспирант, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация, yuriygutenev@yandex.ru

В статье анализируются генезис курдского движения за свою независимость и действия акторов в контексте курдской проблематики, рассмотренных через призму теории неореализма и их действия, создающие риски, благодаря которым, они достигают своих национальных интересов, что является одной из главных целей. С помощью системного метода, с его категориальным аппаратом: элемент-структура-система, - проанализированы исторические события, связанные с трансформацией курдского вопроса и действиями заинтересованных государств, повлиявших на структуру взаимоотношений между ними.

В ближневосточном сегменте внешней политики перманентно существует дисбаланс в структуре международных отношений, обострения или затухания которого, в различные исторические периоды, обусловлены поведением акторов, вынуждающие их балансировать на международной арене. Однако, в то же время, складывающийся перекрёсток противоречий может формировать новые альянсы между участниками, являющиеся двигателем в международных отношениях.

В статье ставится акцент на исследовании трансформации региональной безопасности и построение отношений между основными странами: Государство Израиль, Исламская Республика Иран, курды, Российская Федерация, США, в которых стратегия их поведения, в современных условиях, является следствием стремления к выживанию, что вынуждает акторов перетягивать баланс сил в свою пользу или поддерживать status quo на необходимом для себя уровне, а также не допускать возможности конкурентам занимать доминирующие позиции.

Ключевые слова: безопасность; Ближний Восток; курдский вопрос; неореализм; Россия; система; структура; США.

Многие страны видят необходимость своего присутствия на Ближнем Востоке, так как имеют определённые цели: реализацию собственных интересов, для чего используют желание курдов обрести собственное независимое государство. На основе интерпретации теории неореализма автором дана оценка реализации Курдским национальным советом своих интересов. Политический структурализм и его инструментарий позволяет увидеть причины рационального поведения участников в регионе и возникающие предпосылки к стремлению применить силу (hard power) с их стороны, соперничество между которыми создаёт последующее изменение на арене международных отношений. Рассмотрено развитие взаимоотношений между государствами как реакция на возникающие угрозы.

В свою очередь, оппоненты Курдского национального совета: Анкара, официальный Дамаск, Тегеран, - вынуждены реагировать на эту угрозу собственной безопасности и перманентно пытаться склонить систему баланса сил в свою пользу. В результате чего каждый актор желает привлечь потенциальных союзников на свою сторону, но ни один из них не может позволить себе принять окончательно одну, тем самым ограничивает свободу собственных действий в столь сложных международных отношениях.

В данном исследовании рациональный подход теоретических построений в международных отношениях даёт системный метод на основе аналитики с его категориальным аппаратом: элемент-структура-система, - что позволит в общей системе «расчленить» поведение акторов и дать им логическую оценку относительно курдской проблематики. Рассматривая трансформацию взаимоотношений курдов с внешней средой, в центре внимания оказываются структурные связи между политическими участниками, которые показывают общий феномен взаимоотношений. Такой подход позволяет выявить различные интересы сторон и возникающую необходимость создания союзов.

Автор проанализировал ряд статей российских востоковедов близких к тематике курдского вопроса, в которых исследована многогранность данной проблемы. Изучение существующей проблематики с помощью теории неореализма позволит раскрыть причины поведения акторов в современных реалиях. Основная цель курдов – независимость, а цель внешних акторов, используя интересы последних, - перетянуть баланс сил в свою пользу. Однако участники, несмотря на предпринимаемые усилия в

этом направлении, не всегда достигают желаемого результата.

В своём исследовании автор определяет политические и социальные предпосылки, формирующие гипотетическую возможность в будущем обеспечить курдам собственный суверенитет, стремление к которому существенно влияет на баланс сил региона.

Генезис курдской проблемы

Курдский вопрос продолжает оставаться одной из самых сложных проблем на Ближнем Востоке, в которой в разной степени принимают участие различные акторы. Чтобы глубже увидеть причины, порождающие необходимость столь сложных парадигм поведения акторов, необходимо рассмотреть генезис курдской проблематики в исторической ретроспективе.

Курды как народ начали зарождаться ещё в Vв. до н.э. Однако термин «Курдистан» впервые появился значительно позже: в XII в. н. э. [1]. В XVI-XVII вв. этническая территория курдского народа была разделена между Османской и Персидской империями, что повлекло за собой восстание в XVIII-XIX вв. в Османской империи и Иране [1, С.47]. Причиной этого бунта послужила ликвидация османами курдских эмиратов, которые, в свою очередь, достаточно нарастили свою политическую мощь, чтобы оказывать политическое влияние на империи [2]. Этот исторический период условно можно считать точкой отсчёта движения курдов за независимость на заре Нового времени.

После Первой мировой войны и распада Османской империи курды начали интернационализироваться и превращаться в важный геополитический фактор региона Ближнего Востока. В международных отношениях (МО) появились такие понятия, как Иракский и Сирийский Курдистан. Однако раздел территории Османской империи между странами победителями не дал курдам возможность создать собственное государство [3]. В тоже время уже в 1923г. Сирия стала окончательно подмандатной территорией Франции [4]. Так в 1946г., после получения независимости Сирии от Франции, курды начали подвергаться шовинистическим дискриминациям правящих сирийских элит, особенно усилившимся после прихода к власти арабских националистов – баасистов в 1963г., открыто подавлявших любое движение курдов к самоопределению [5]. В результате чего усилилось сопротивление курдов и формирование идеи суверенитета Курдистана, также инспирируемое арабо-израильским кризисом.

Что касается курдского движения за независимость в Ираке, то в 1946г. там была создана Демократическая партия Курдистана (ДПК), основанная Мустафой Барзани, который вместе со своими сподвижниками боролся против слабеющего британского колониального влияния. В 1961г., после выхода Ирака из Багдадского пакта, ликвидации военных баз Великобритании на своей территории и получения им полного суверенитета [6], активизировались курдские протесты, переросшие в вооруженное восстание и длившееся с перерывами до 1975г. [4,

С. 330], провоцирующим поводом для которых послужил переходный период (14 июля 1958 – 11 сентября 1961 г.), вызванный слабостью центральной власти Республики Ирак.

11 марта 1974г. в Ираке был принят закон о провозглашении Курдского автономного района (Иракского Курдистана), подтвердившего его границы в пределах трех провинций – Эрбиль, Дахук и Сулеймания [7]. Закон закреплял полную зависимость всех главных государственных курдских органов от федерального правительства [8]. 19 мая 1992г. в Республике Ирак была создана курдская автономия - «Свободный Курдистан» [1, С.46], по итогам которого ДПК получила 44.5 процентов голосов, а Патриотический союз Курдистана (ПСК) – 44.3 процента, но из-за взаимных разногласий и борьбы за влияние между ними началась Гражданская война (1994-1998 г.) [4, С.335].

15 октября 2005г. на всеобщем голосовании была принята Конституция Ирака, утвердившая форму Федеративного государственного устройства, в котором участвовало два миллиона курдов из которых 98% проголосовали за независимость [9]. По результатам проведённого референдума и принятия основного закона государства Республики Ирак легитимизировалось существование автономного субъекта федерации – Иракский Курдистан. В соответствии со статьями 4.1, 4.4 и 113.1 новой конституции курды получили ряд прав и свобод обретших правовой статус, Статья 4.1: «Арабский и Курдский – два официальных языка в Ираке», – Статья 4.4: «Федеральные службы и организации в регионе Курдистан пользуются Арабским и Курдским языками», – Статья 113.1: «Данная Конституция, после вступления в силу, должна признать область Курдистан и установившуюся в нем региональную и федеральную власть» [10]. Первым президентом ДПК стал Масуд Барзани [7, С.20], хотя со стороны СБ ООН автономия была признана уже в 1991г. [11]. Иракский Курдистан получил статус широкой автономии, у которой появились: собственное правительство, парламент и вооружённые силы. В свою очередь Иракский Курдистан был признан такими странами Запада как Германия, Греция, Дания и некоторыми азиатскими государствами: Иран, Пакистан, Турция. Дата 15 октября 2005г. является международно-правовой точкой отсчёта легального существования «Свободного Курдистана» [4, С.331].

В настоящее время основная часть курдов проживает на территории Ирана, Ирака, Сирии и Турции, где по приблизительным данным проживают в Ираке – 5 млн, Иране – 5 млн, Сирии – 2 млн человек [12], но до настоящего времени курды до сих пор так и не смогли создать суверенное государство [1, С.35].

Эффективность действий курдов в достижении собственной государственности

В сложившейся политической конъюнктуре главной целью курдского народа, как и любого актора, является достижение своих национальных интересов и безопасности. Одним из факторов состоявшегося государства является полнота суверенитета,

которая отсутствует у курдов до настоящего времени. Отсутствие независимого правительства и необходимых ресурсов не даёт им возможность обращаться с позиции суверена в международные организации, заключать договора, создавать союзы, объявлять войны и осуществлять другие внешнеполитические действия.

Из-за слабых позиций в иерархии акторов политическая система непризнанного Курдистана была весьма неустойчива, но так как оказалось невозможным решить проблему на том уровне, на котором она возникла, то руководители различных курдских движений всячески пытались играть на противоречиях и изменять баланс сил в свою пользу. Появились все основания констатировать то, что политический статус Иракского Курдистана до 15 октября 2005г., пребывавший в «подвисшем состоянии», но благодаря национальной воле и умелому использованию баланса сил в свою пользу, вторжения в Республику Ирак США в 20 марта 2003г., с его последующей оккупацией, возник дисбаланс, который послужил основанием к созданию курдской автономии. Позже курды приняли конституцию Иракского Курдистана (2009г.), где была закреплена их система госустройства и основные права граждан этого региона, а в 2014г. курды уже добились экономической самостоятельности [13], что в дальнейшей перспективе, гипотетически, может привести к политическому самоопределению и образованию государства Курдистан.

Основные тенденции трансформации взаимоотношений между курдами и внешними акторами

Одним из примеров трансформации взаимоотношений, с целью достижения национальных интересов и балансирования угроз, началась поддержка курдов Государством Израиль. Когда в 2014г. президент Иракского Курдистана Масуд Барзани пытался провести референдум о выходе из состава Ирака, то Израиль поддержал эту идею, реализация которой могла дать дополнительные козыри, оказывающие влияние на часть арабского мира, на режим современной Исламской Республики Иран (ИРИ), к тому времени ставший враждебным [9, С.47], и Турецкую Республику. Со своей стороны, эту политическую карту перманентно разыгрывает ИРИ, которая не оставляет каждый удобный случай, чтобы вмешаться во внутренние дела Ирака и противодействует региональной политике Израиля и курдской интеграции [14].

Несмотря на то, что администрация Курдского автономного района в лице его Президента Нечирвана Барзани заверяет о гарантиях безопасности для ИРИ, но всё-таки в реальности не может полностью контролировать деятельность всех реакционных группировок на своей территории. Сложная нерегулированная государственная система управления в Иракском Курдистане своими действиями инспирирует экстремистов создавать угрозы как возле иранских границ, так и экспортировать их на территорию самого Ирана, что вынуждает его их купировать.

Ещё одним постоянным раздражителем политического климата в МО стало национальное движение курдского населения в северных и северо-восточных районах Сирийской Арабской Республики (САР), получившего новый импульс вследствие начавшейся арабской весны (15 марта 2011г.). Исторические предпосылки в виде разгрома террористической организации ИГИЛ [15], при поддержке США, к тому времени занимавшими большую часть САР, вынужденная переброска регулярных войск сирийским правительством из курдского анклава под Дамаск, с целью его защиты с последующей утратой контроля над своими северо-западными территориями [16], активность сирийских курдов, борющихся за сохранение национальной идентичности, дала повод им объявить самопровозглашенную Автономную администрацию северной и восточной Сирии (ААСВС) 19 июля 2012г., с атрибутом «государства» - демократическая конфедерация. Между ПДС и Курдским национальным советом (КНС) были заключены договорённости и провозглашены: создание автономии, децентрализация управления и создание собственного парламента [16, С.245]. Позже, 21 января 2014г., курды объявили о создании в северной части Сирии автономной администрации Рожавы во главе с Экремом Хесо и со столицей в городе Камышлы [16, С.246]. В свою очередь подобное поведение продолжает служить одним из источников непрекращающейся Гражданской войны в САР, начавшейся с 15 марта 2011г. и, как следствие, дестабилизирующего Ближний Восток (БВ).

Для сирийских курдов также, как и иракских, остро стоит вопрос о создании независимого курдского государства на контролируемых ими территориях. Несмотря на то, что курды разделены на несколько формирований таких как: Высший курдский совет (ВКС), Отряды народной самообороны (ОНС), Партия «Демократический союз» (ПДС), Сирийские демократические силы (СДС) и др., разногласия между которыми существенно усложняют движение к достижению их суверенитета, выступают в качестве третьей силы за федерализацию или за выход из состава САР, чему противодействуют Исламская Республика Иран (ИРИ), Турция и, собственно, сама Сирия [17]. Курдский партикуляризм вполне очевиден из их же действий, например, при поддержке США, контроль северо-запада Сирии и эксплуатация её недр осуществляется руководством непризнанной ни одним государством ААСВС [18], чему, из-за слабости центральной власти, до настоящего времени ни как не может противостоять САР.

Одним из главных акторов, разыгрывающих «курдскую карту» в своих национальных интересах, на сегодняшний день остается государство США, политика которых начала существенной влиять на трансформацию курдского вопроса с 1991г. «Прокурдская американская внешняя политика» позволила им закрепить свои позиции на БВ, оказывать влияние на государства с курдским населением (Ирак, ИРИ, САР, Турция) и проводить силовые операции при их поддержке против ИГИЛ [19], что позволило им изменить структуру баланса сил в свою

пользу и получить более широкие маневренные возможности. Со своей стороны, основные части курдского руководства из КРАИ и ААСВС, пока ещё не являющиеся в полной мере независимой силой, поэтому выражают проамериканские настроения и вынуждены следовать в кильватере внешнеполитического регионального курса, проложенным США [20]. Также они видят для себя необходимость придерживаться союза с США, что влияет на систему МО, и готовы с твёрдой решимостью противостоять антиамериканизму БВ, ведь другая альтернатива у них отсутствует [21], в ином случае потеря такого мощного союзника несёт угрозу их выживанию. С другой стороны, курдский сепаратизм создаёт региональный дисбаланс МО, а поддержка со стороны США усиливает всестороннее ослабление безопасности и инспирирует эскалацию конфликта.

После разгрома ИГИЛ (2017г.), при активной поддержке курдских пешмерга [4, С.338], изменилась политическая архитектура в регионе и главные позиции заняли новые акторы: Израиль, ИРИ, Россия, США и др. Возросшая роль ИРИ, Хезболлы и Российской Федерации (РФ), после успешно проведённой военной операции в Сирии (30 сентября 2015г. – 10 декабря 2017г.), но менее активная борьба со стороны США нанесла имиджевый ущерб последним [22]. С дальнейшей потерей инициативы начался новый виток с обновлённой структурой региональных МО, в которых США всесторонне препятствуют выстраиванию взаимоотношений между курдами и официальным Дамаском, пытаются блокировать предложения по урегулированию сирийского кризиса от новых игроков, тем самым пытаются сохранить status quo предыдущей политической системы [23], и, в коалиции с некоторыми частями курдских военизированных формирований, вернуть утраченное влияние на следующем историческом этапе [24].

Несмотря на противодействия со стороны США для России необходимо не только не потерять, но и усилить свои позиции в регионе, что позволит укрепить свой престиж, обеспечить собственную безопасность и получить экономические выгоды. РФ проводит активную деятельность также по дипломатической линии: на официальном уровне осуждает поведение США, ведущие к усилению сепаратизма на северо-востоке САР, - и тем самым пытается ограничить возможности их политического маневрирования. Россия пытается балансировать глобальное влияние и региональную роль США, умаляя статус их союзника – Иракский Курдистан, который они используют как «инструмент» своей ближневосточной политики, не давая последним возможности повысить свой международный статус: «Россия последовательно выступает в поддержку сохранения суверенитета и территориальной целостности иракского государства», - заявил Президент Российской Федерации Путин В.В [25]. Призывая стороны сесть за стол переговоров, РФ противодействует агрессивным действиям Вашингтона: «Курды должны ощущать себя частью сирийского общества. Мы поддерживаем с курдскими представителями тесный контакт, готовы содействовать тому, чтобы их

законные интересы были полностью учтены в продолжающейся работе по формированию новых политических рамок в контексте деятельности конституционного комитета», заявил министр иностранных дел России Лавров С.В. [26]. Со своей стороны, РФ поддерживает исполнение положений резолюции Совбеза ООН №2254, которые подтвердили суверенитет и территориальную целостность Сирии, призывает к прекращению огня и политическому урегулированию, но они не приблизили ни к одному положительному результату, приведшему к окончательной стабилизации баланса сил.

Заключение

Возросшее число влиятельных игроков создаёт риски, которые могут привести к росту непредсказуемых трансформаций дисбалансов в структуре МО на БВ, так как любая новая система начинает вырабатывать свои правила адаптации и, в частности, в случае приобретения независимости Курдистаном усилившийся и стремящийся максимизировать свою власть новый участник может разжечь пожар войны в регионе.

В настоящее время на состояние МО в регионе БВ, в разной степени, влияют все заинтересованные стороны, реализующие собственные национальные интересы, и распределённые между ними силовые возможности. Из проведённого анализа видно, что политические процессы перманентно изменяются и являются двигателем развития МО.

Что касается курдов, то они, даже при поддержке США, не в состоянии полностью контролировать политическую ситуацию на частично их территории. Таким образом, их цели по продвижению собственных интересов пока ещё очень далеки от имплементации, если вообще это возможно.

Литература

1. Лазарев М.С. Национализм на Ближнем Востоке // Лазаревские чтения. Вып. 1 / Отв. ред. Жигалина О.И. – М.: ИВ РАН, 2012. С. 26-65.
2. Тибет Абак Битлисское восстание накануне Первой мировой войны // Лазаревские чтения. Вып. 1 / Отв. ред. Жигалина О.И. – М., ИВ РАН. 2012. С. 138-150.
3. Иванов С.М. Иракский Курдистан и курдское национальное движение // Курдский фактор в региональной геополитике (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03.2015г.) / Под редакцией Арбатова А.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 6-20.
4. Вартаньян Э.Г. «Свободный Курдистан»: трудный путь к самоопределению (1970-е годы - XXI век) // Научный диалог. - Краснодар, КубГУ. 2021. № 10. С. 328-342.
5. Лазарев М.С. Категории курдской истории // Лазаревские чтения. Вып. 1 / Отв. ред. Жигалина О.И. – М., ИВ РАН. 2012. С. 72-113.
6. Хошави М.Х. Южный Курдистан: Факторы, влияющие на национальное самосознание иракских курдов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 1. С. 96-105.

7. Асо Бурхан Иракский Курдистан сегодня // Курдский фактор в региональной геополитике (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03.2015г.) / Под редакцией Арбатова А.Г. – М., ИМЭМО РАН. С. 20-23.

8. Иракский Курдистан досье. KURDISTAN.RU. https://kurdistan.ru/2014/07/12/news-21759_Irakskiy_Kurdistan_Dose.html#:~:text=11%20м арта%201974%20года%20в,Законодательного%20совета%20Курдского%20автономного%20района (дата обращения: 14.02.2023).

9. Лукьянов А.К. Отношения иракского Курдистана с Израилем // Курдский фактор в региональной геополитике (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03.2015г.) / Под редакцией Арбатова А.Г. – М., ИМЭМО РАН. С. 43-51.

10. Конституция Республики Ирак. URL: ru.wikisource.org/wiki/Конституция_Иракской_Республики (дата обращения: 14.02.2023).

11. Резолюция Совета Безопасности ООН №688 (1991): принята Советом Безопасности на 2982-м заседании. 05.04.1991г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/597/08/PDF/NR059708.pdf?OpenElement> (дата обращения: 14.02.2023).

12. Наумкин В.В. Курдская головоломка Ближнего Востока (На примере Ирака) / Мировая экономика и международные отношения. – М.: ИВ РАН. 2019. Т. 63. №5. С. 76-87.

13. Воробьев С.В. Иракский Курдистан: эволюция проблемы формирования политического статуса // Обозреватель-Observer. – М.: «Деловая пресса». 2021. №11(382). С. 59-71.

14. Хошави Бабкар Демократическая партия Курдистана (ДПК) в политических процессах на Ближнем Востоке // Курдский фактор в региональной геополитике (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03.2015г.) / Под редакцией Арбатова А.Г. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 23-39.

15. Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. N АКПИ14-1424С — признать международные организации "Исламское государство" и Джебхат ан-Нусра (Фронт победы) террористическими и запретить их деятельность на территории Российской Федерации. NAC.GOV. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnyeresheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-t-29-dekabrya.html> (дата обращения: 13.02.2023).

16. Вородин Д.А. Кризис в Сирии и борьба сирийских курдов за самоопределение // Труды Института востоковедения РАН, №26. – М.: ИВ РАН. 2019. С. 243-255.

17. Долгов Б.В. Сирийский конфликт на новом этапе: международное измерение // «Перспективы. Электронный журнал». – М.: ФИП. №3(15) (июль-сентябрь). 2018. С. 86-99.

18. Вертяев К.В. Конгломератный национализм: опыт изменения парадигмы национального развития стран ближневосточного региона (на примере Сирии) // Труды Института востоковедения РАН, Выпуск 26. – М.: ИВ РАН. 2019. С. 212-234.

19. Ганиев Т.А., Карякин В.В. Курдский фактор и его роль в формировании геополитической обстановки на Ближнем Востоке // Архонт. – М.: АНО ЦЭМИ. №2(5). 2018. С. 4-13.

20. Айриян Р.С., Лепков А.В. Политика США в отношении курдских партий Ирака в конце XX - начале XXI века // Известия ВУЗОВ Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону: №1. 2019. С. 19-26.

21. Мосаки Н.З. Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России (90-е годы XX века – начала XXI века) // Мосаки Н.З.; Учреждение Российской академ. наук, ИВ РАН, ИБВ. – М.: ИБВ. ИВ РАН. 2011. 346с.

22. Васнецова Е.С. Основные тенденции развития ситуации на ближнем востоке / Вестн. Моск. ун-та. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. – М.: №1. 2016. С. 15-24.

23. Озмаян М.С. Имидж РФ и российско-курдские отношения в контексте сирийского кризиса (2015-2017) // «Мировая политика». – М.: ООО «НБ-Медиа». №1. 2018. С. 38-47.

24. Долгов Б.В. Сирийский кризис Васнецова на новом этапе: 2017-2019гг. // Ломоносовские чтения. Секция «Востоковедение и Африканистика». – М.: «Ключ-С». 2019. 360с.

25. Путин заявил, что Россия выступает за территориальную целостность Ирака. TASS. URL: <https://tass.ru/politika/7690079> (дата обращения: 15.02.2023).

26. Лавров: действия США в Сирии могут привести к тому, что курдская проблема будет «попыхаться». TASS. URL: <https://tass.ru/politika/12873259> (дата обращения: 17.02.2023).

Transformation of the relations of the Kurdish National Council with external actors in the second decade of the XXI century.

Gutenev Yu.Y.

Institute of Oriental Studies of the RAS

The article analyzes the genesis of the Kurdish movement for its independence and the actions of actors in the context of Kurdish issues, considered through the prism of the theory of neorealism and their actions that create risks through which they achieve their national interests, which is one of the main goals. Using the systematic method, with its categorical apparatus: element-structure-system, historical events related to the transformation of the Kurdish issue and the actions of interested states that influenced the structure of relations between them are analyzed.

In the Middle East segment of foreign policy, there is a permanent imbalance in the structure of international relations, the aggravation or attenuation of which, in various historical periods, are caused by the behavior of actors, forcing them to balance in the international arena. However, at the same time, the emerging intersection of contradictions can form new alliances between the participants, which are the engine in international relations.

The article focuses on the study of the transformation of regional security and the building of relations between the main countries: the State of Israel, the Islamic Republic of Iran, the Kurds, the Russian Federation, the United States, in which the strategy of their behavior, in modern conditions, is a consequence of the desire for survival, which forces actors to tug the balance of power in their favor or maintain the status quo on at the level necessary for themselves, as well as to prevent competitors from taking dominant positions.

Keywords: security; Middle East; Kurdish issue; neorealism; Russia; system; structure; USA.

References

1. Lazarev M.S. Nationalism in the Middle East // Lazarev Readings. Issue 1 / Ed. Zhigalina O.I. – М.: IV RAS, 2012. pp. 26-65.
2. Tibet Abak Bittis uprising on the eve of the First World War // Lazarev readings. Issue 1 / Ed. Zhigalina O.I. – М., IV RAS. 2012. pp. 138-150.
3. Ivanov S.M. Iraqi Kurdistan and the Kurdish national movement // The Kurdish factor in regional geopolitics (Materials of the round table in IMEMO RAS 11.03.2015) / Edited by Arbatov A.G. – М.: IMEMO RAS, 2015. pp. 6-20.
4. Vartanyan E.G. "Free Kurdistan": a difficult path to self-determination (1970-ies - XXI century) // Scientific Dialogue. - Krasnodar, KubGU. 2021. No. 10. pp. 328-342.

5. Lazarev M.S. Categories of Kurdish history // Lazarev readings. Issue 1 / Ed. Zhigalina O.I. – M., IV RAS. 2012. pp. 72-113.
6. Hoshavi M.H. Southern Kurdistan: Factors influencing the national identity of the Iraqi Kurds // Bulletin of the RUDN. Series: Sociology. 2017. Vol. 17. No. 1. pp. 96-105.
7. Aso Burhan Iraqi Kurdistan today // The Kurdish factor in regional geopolitics (Materials of the round table in IMEMO RAS 11.03.2015) / Edited by Arbatov A.G. – M., IMEMO RAS. pp. 20-23.
8. Iraqi Kurdistan dossier. KURDISTAN.RU. https://kurdistan.ru/2014/07/12/news-21759_Irakskiy_Kurdistan_Dose.html#:~:text=11%20марта%201974%20года%20в.Законодательного%20совета%20Курдского%20автономного%20district (accessed: 02/14/2023).
9. Lukyanov A.K. Relations of Iraqi Kurdistan with Israel // The Kurdish factor in regional geopolitics (Materials of the round table in IMEMO RAS 11.03.2015) / Edited by Arbatov A.G. – M., IMEMO RAS. pp. 43-51.
10. Constitution of the Republic of Iraq. URL: ru.wikisource.org/wiki/The_Constitution_of_the_Republic_of_Iraq (accessed: 02/14/2023).
11. UN Security Council Resolution No. 688 (1991): adopted by the Security Council at the 2982nd meeting. 05.04.1991 URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR01597/08/PDF/NR059708.pdf?openElement> (accessed: 02/14/2023).
12. Naumkin V.V. The Kurdish puzzle of the Middle East (On the example of Iraq) / World Economy and International Relations. – Moscow: IV RAS. 2019. Vol. 63. No. 5. pp. 76-87.
13. Vorobyev S.V. Iraqi Kurdistan: the evolution of the problem of the formation of political status // Observer-Observer. – M.: "Business press". 2021. No.11(382). pp. 59-71.
14. Hoshavi Babkar Democratic Party of Kurdistan (KDP) in political processes in the Middle East // The Kurdish factor in regional geopolitics (Materials of the round table in IMEMO RAS 11.03.2015) / Edited by Arbatov A.G. – M.: IMEMO RAS, 2015. pp. 23-39
15. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation on December 29, 2014 N AKP14-1424C — to recognize the international organizations "Islamic State" and Jabhat al-Nusra (Victory Front) as terrorist and prohibit their activities on the territory of the Russian Federation. NAC.GOV. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-t-29-dekabrya.html> (date of appeal: 02/13/2023).
16. Vorodin D.A. The crisis in Syria and the struggle of the Syrian Kurds for self-determination // Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, No.26. - M.: IV RAS. 2019. pp. 243-255.
17. Dolgov B.V. The Syrian conflict at a new stage: an international dimension // "Prospects. Electronic journal". – M.: FIP. No. 3(15) (July-September). 2018. pp. 86-99.
18. Vertyaev K.V. Conglomerate nationalism: the experience of changing the paradigm of national development of the countries of the Middle East region (on the example of Syria) // Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Issue 26. – Moscow: IV RAS. 2019. pp. 212-234.
19. Ganiev T.A., Karyakin V.V. The Kurdish factor and its role in the formation of the geopolitical situation in the Middle East // Archon. – M.: ANO TSEMI. No. 2(5). 2018. pp. 4-13.
20. Airiyan R.S., Lepkov A.V. US policy towards the Kurdish parties of Iraq at the end of the XX - beginning of the XXI century // News of UNIVERSITIES of the North Caucasus region. Social sciences. – Rostov-on-Don: No.1. 2019. pp. 19-26.
21. Mosaki N.Z. Kurdistan and the Kurdish question in the politics of the West and Russia (the 90s of the twentieth century – the beginning of the XXI century) // Mosaki N.Z.; Institution of the Russian Academy of Sciences, IV RAS, IBV. – M.: IBV. IV RAS. 2011. 346s.
22. Vasnetsova E.S. The main trends in the development of the situation in the Middle East / Vestn. Moscow. un-ta. Ser. 27: Globalistics and Geopolitics. – M.: No. 1. 2016. pp. 15-24.
23. Ozmanyanyan M.S. Image of the Russian Federation and Russian-Kurdish relations in the context of the Syrian crisis (2015-2017) // "World Politics". – M.: NB-Media LLC. No. 1. 2018. pp. 38-47.
24. Dolgov B.V. Vasnetsov's Syrian crisis at a new stage: 2017-2019. // Lomonosov Readings. Section "Oriental Studies and African Studies". – M.: "Key-S". 2019. 360c.
25. Putin said that Russia stands for the territorial integrity of Iraq. TASS. URL: <https://tass.ru/politika/7690079> (date of address: 02/15/2023).
26. Lavrov: US actions in Syria may lead to the fact that the Kurdish problem will "blaze". TASS. URL: <https://tass.ru/politika/12873259> (accessed: 02/17/2023).

Внешняя политика ФРГ на современном этапе

Абдуллина Мария Борисовна

студентка 4 курса международных отношений, Дипломатическая академия при МИД России

Мумладзе Роман Георгиевич

д.э.н., проф., РГАЗУ, menedgment3-16@yandex.ru

Данная статья посвящена анализу внешней политики Германии на современном этапе. В статье проводится краткий обзор истории внешней политики Германии, описываются основные принципы и стратегии внешней политики, и рассматриваются взаимоотношения Германии с ключевыми международными партнерами и ее роль в решении мировых проблем и конфликтов.

Германия является крупной экономической и политической державой, играющей важную роль в Европейском союзе и на мировой арене. Одним из основных принципов внешней политики Германии является стремление к мирному решению конфликтов на основе дипломатии и международного права. Германия активно участвует в решении мировых проблем, таких как борьба с терроризмом, и оказывает гуманитарную помощь беженцам и пострадавшим от конфликтов.

Германия сталкивается с вызовами и рисками, включая террористические угрозы, геополитические конфликты и экономические проблемы. Поэтому правительство Германии принимает меры по укреплению национальной безопасности, сотрудничеству с другими странами и развитию новых экономических стратегий.

В статье рассматриваются взаимоотношения Германии с ключевыми международными партнерами, такими как США, Россия, Китай и ЕС, и ее роль в решении мировых проблем и конфликтов, включая Сирию, Ближний Восток и Украину. Особое внимание уделено вопросу сохранения баланса между экономическими интересами и геополитической безопасностью.

Ключевые слова: Внешняя политика Германии, Европейский Союз, международное сотрудничество, мировые конфликты, геополитическая безопасность, экономические интересы, терроризм, международное право.

Выбор темы внешней политики Германии на современном этапе обусловлен ее значимостью для международной политики. Германия является крупной экономической и политической державой, играющей важную роль в Европейском союзе и на мировой арене. Ее внешняя политика имеет влияние на ряд важных мировых проблем и конфликтов, и на отношения с ключевыми международными партнерами.

Целью данной статьи является рассмотрение основных аспектов внешней политики Германии на современном этапе. Статья будет представлять обзор внешнеполитических приоритетов Германии, ее роли в мировых конфликтах и европейской интеграции, и основных принципов и стратегий внешней политики.

Внешняя политика ФРГ (Федеративной Республики Германия) на протяжении большей части ее истории была направлена на укрепление сотрудничества с западными странами и поддержку европейской интеграции. После Второй мировой войны, Германия была разделена на Западную и Восточную части, и ФРГ стала союзником США в холодной войне против Советского Союза.

В 1955 году ФРГ вступила в НАТО (Североатлантический альянс), что обеспечило ей защиту со стороны мощных западных союзников. В 1957 году ФРГ была одной из стран-участниц создания Европейского экономического сообщества (ЕЭС), предшественника Европейского союза.

В период руководства канцлера Вильли Брандта в 1960-х и 1970-х годах ФРГ начала развивать отношения с Восточной Европой и СССР, что привело к подписанию Основного договора между ФРГ и ГДР в 1972 году. В конце 1980-х годов, во время правления канцлера Гельмута Коля, ФРГ активно участвовала в процессе объединения Германии.

В 1990-е годы ФРГ стала одним из основных инициаторов создания Европейского союза, которому она входит по сей день. В этот период ФРГ укрепляла свои отношения с Россией и Китаем. В начале 2000-х годов ФРГ была активным участником коалиции в борьбе против терроризма в Афганистане и Ираке. Сегодня внешняя политика ФРГ направлена на поддержку мирного разрешения конфликтов и на укрепление экономических связей с различными странами мира [2].

В период холодной войны ФРГ была одним из ключевых союзников США в НАТО и активно участвовала в многочисленных операциях альянса. Например, в 1990-е годы ФРГ была одним из главных инициаторов военных действий против Сербии в ходе югославских войн.

В то же время, ФРГ играла важную роль в поддержке мирного разрешения конфликтов. Например, в 1990-х годах ФРГ активно участвовала в миротворческих операциях ООН в регионе Балкан, и

принимала участие в мирных переговорах по решению конфликта в Средней Азии.

ФРГ была одним из ключевых игроков в процессе европейской интеграции. ФРГ входила в число стран-участниц создания Европейского экономического сообщества (ЕЭС), предшественника Европейского союза, и активно участвовала в создании единой европейской валюты – евро. ФРГ играла важную роль в принятии ключевых решений ЕС, таких как расширение ЕС на Восток и создание общей европейской политики в области безопасности.

Основными принципами внешней политики ФРГ являются многополярность, демократия, правовое государство, мирное разрешение конфликтов и международное сотрудничество. ФРГ придерживается стратегии активного участия в мировых делах и защиты своих национальных интересов.

Одной из ключевых стратегий ФРГ является стратегия «Открытая страна - сильная экономика». ФРГ стремится к развитию экономических отношений со всеми странами мира и поддерживает свободную торговлю и инвестиции. Кроме того, ФРГ активно участвует в создании международных экономических организаций и занимает лидирующие позиции в мировой экономике [4].

Еще одной важной стратегией ФРГ является стратегия безопасности. ФРГ придерживается принципа коллективной безопасности в рамках НАТО и считает, что международная безопасность достигается только через сотрудничество всех государств. ФРГ поддерживает решение мировых конфликтов посредством мирных переговоров и дипломатии.

ФРГ стремится к защите прав человека и принципов свободы в мировой политике. Она поддерживает международные организации, такие как ООН и ОБСЕ, и активно участвует в решении мировых проблем, таких как бедность, глобальное потепление и международный терроризм.

Наконец, ФРГ считает, что международное сотрудничество должно основываться на уважении и соблюдении международного права. ФРГ противопоставляется применению силы в международных отношениях и стремится к мирному разрешению конфликтов на основе международного права и дипломатии.

ФРГ имеет важные и сложные взаимоотношения со многими ключевыми международными партнерами. Рассмотрим их подробнее [3]:

- США: ФРГ является одним из главных союзников США в Европе. Сотрудничество между ФРГ и США основывается на общих ценностях демократии, правового государства и свободы. Несмотря на это, отношения между двумя странами не всегда бывают гладкими, особенно на фоне разногласий по ряду вопросов, включая торговлю, климатическую политику и отношения с Россией.

- Россия: ФРГ имеет сложные взаимоотношения с Россией. С одной стороны, ФРГ является одним из крупнейших экономических партнеров России, особенно в области энергетики. С другой стороны, ФРГ выступает за соблюдение международного права и санкции в ответ на агрессивные действия России в Украине и других регионах. В то же

время, ФРГ стремится к продолжению диалога с Россией в рамках международных организаций, таких как ОБСЕ и ООН.

- Китай: ФРГ имеет важные экономические отношения с Китаем. Китай является крупнейшим торговым партнером ФРГ в Азии. Отношения между двумя странами имеют свои проблемы, включая вопросы о правах человека и кибербезопасности. В то же время, ФРГ стремится к продолжению сотрудничества с Китаем в рамках международных организаций, таких как ООН и ВТО.

- ЕС: ФРГ является одним из главных лидеров ЕС и активно участвует в формировании единой европейской политики в области экономики, безопасности и внешних дел. В то же время, ФРГ сталкивается с разногласиями с другими членами ЕС по ряду вопросов, включая иммиграцию и финансовые реформы. ФРГ поддерживает развитие внутриевропейских отношений и участвует в создании общей европейской политики в области безопасности и внешней политики.

Отношения ФРГ с указанными международными партнерами могут существенно влиять на ее внешнюю политику и национальные интересы. ФРГ стремится к построению партнерских отношений и решению возникающих проблем через диалог и сотрудничество, однако готова принимать твердые и энергичные меры в случае нарушения ее национальных интересов или международного права.

В борьбе с терроризмом, ФРГ активно участвует в международных операциях против ИГИЛ в Сирии и Ираке. ФРГ оказывает гуманитарную помощь пострадавшим в конфликтах и беженцам.

В отношении конфликта в Сирии, ФРГ выступает за мирное решение и поддерживает переговоры между сторонами конфликта в рамках международных организаций, таких как ООН и ОБСЕ. ФРГ оказывает гуманитарную помощь сирийским беженцам.

В отношении конфликта на Ближнем Востоке, ФРГ призывает к мирному решению и поддерживает двусторонние переговоры между Израилем и Палестиной. ФРГ участвует в международных усилиях по миротворчеству в регионе, включая участие в миссиях ООН и других международных организаций.

В отношении конфликта в Украине, ФРГ выступает за мирное решение и поддерживает переговоры между Украиной и Россией в рамках Минских соглашений. ФРГ также оказывает гуманитарную помощь пострадавшим в конфликте в Восточной Украине [1].

В рамках ЕС, ФРГ имеет разногласия с другими членами ЕС в отношении иммиграционной политики, финансовых вопросов и торговых отношений. Например, ФРГ и несколько других стран ЕС имели разногласия в отношении политики приветствия беженцев, которая привела к напряженности внутри ЕС и вызвала критику в отношении Германии. В то же время, ФРГ является важным лидером в ЕС и активно участвует в формировании общей политики.

В рамках НАТО, ФРГ имеет разногласия с другими членами альянса по ряду вопросов, включая вопросы распределения бремени и участия в международных операциях. Например, ФРГ и США

имеют разногласия в отношении распределения бремени в НАТО, считая, что некоторые страны-члены не участвуют достаточно активно в финансировании общей обороны. В то же время, ФРГ остается одним из главных союзников США в рамках НАТО и продолжает участвовать в международных операциях [3].

Как и многие другие страны в мире, Германия сталкивается с повышенным риском террористических атак на своей территории. Поводом для этого могут служить различные факторы, включая наличие экстремистских групп, нестабильность в регионе, присутствие беженцев и мигрантов, и рост онлайн-терроризма.

В ответ на этот риск, правительство Германии принимает ряд мер по предотвращению террористических атак и укреплению национальной безопасности. Некоторые из этих мер включают:

Укрепление контроля на границах и улучшение работы служб безопасности.

- Развитие механизмов сбора и анализа информации о потенциальных террористических угрозах.
- Укрепление сотрудничества с другими странами в области борьбы с терроризмом.
- Развитие программ профилактики и дерадикализации для лиц, подверженных радикализации.
- Повышение осведомленности населения о рисках терроризма и методах его предотвращения.

Несмотря на все меры безопасности, полностью исключить риск террористических атак невозможно. Поэтому, кроме предотвращения террористических актов, правительство Германии сосредоточено на развитии программ помощи жертвам терроризма и улучшении качества жизни населения в целом, чтобы создать более стабильное и безопасное общество.

Сохранение баланса между экономическими интересами и геополитической безопасностью является важным вопросом для любой страны, включая Германию. На фоне глобализации и ускоренного развития экономики, экономические интересы страны становятся все более важными, но необходимо учитывать и геополитические риски и вызовы, которые могут угрожать национальной безопасности.

Германия является одним из крупнейших экономических партнеров в мире, и ее экономика тесно связана с другими странами и регионами. Германия сталкивается с рядом геополитических вызовов, таких как конфликты и напряженности в отношениях с Россией, угрозы терроризма и растущее влияние Китая в мировой политике.

Чтобы сохранить баланс между экономическими интересами и геополитической безопасностью, Германия принимает ряд мер [5]:

- Развитие сильной и надежной экономики, которая способна справиться с вызовами и кризисами.
- Укрепление национальной безопасности, в том числе улучшение работы служб безопасности и сотрудничества с другими странами в области борьбы с терроризмом.

- Развитие дипломатических отношений и сотрудничества с другими странами в рамках международных организаций, чтобы решать проблемы и конфликты мирным путем.

- Соблюдение международного права и уважение прав и интересов других стран.

- Развитие новых экономических стратегий и инновационных решений, которые могут помочь уменьшить зависимость Германии от экономических связей с рискованными странами и регионами.

Сохранение баланса между экономическими интересами и геополитической безопасностью является сложным и динамичным процессом, который требует постоянного мониторинга и адаптации. Германия продолжает развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям, чтобы обеспечить свою экономическую стабильность и национальную безопасность. Для этого необходимо сбалансировать свои экономические интересы с геополитической стратегией и действовать в рамках международных норм и законов, чтобы поддерживать стабильность и мир в мировом сообществе. Только так Германия сможет добиваться своих экономических целей и обеспечивать свою безопасность в меняющемся мире.

В заключение, внешняя политика Германии на современном этапе является одним из ключевых факторов ее международной роли и влияния. Германия является активным участником международных организаций и международной политики, и стремится к мирному разрешению конфликтов и сотрудничеству с другими странами.

Одним из основных принципов внешней политики Германии является стремление к мирному решению конфликтов на основе дипломатии и международного права. Германия активно участвует в решении мировых проблем, таких как борьба с терроризмом, и оказывает гуманитарную помощь беженцам и пострадавшим от конфликтов.

Германия сталкивается с рядом вызовов и рисков, включая террористические угрозы, геополитические конфликты и экономические проблемы. В ответ на это, правительство Германии принимает ряд мер по укреплению национальной безопасности, сотрудничеству с другими странами и развитию новых экономических стратегий.

В целом, внешняя политика Германии на современном этапе отражает ее стремление к международному сотрудничеству, уважению прав и интересов других стран и решению мировых проблем.

Литература

1. Внешняя политика Германии: баланс между ценностями и интересами. Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/vneshnjaja-politika-germanii-balans-mezhdu-cennostjami-i-interesami/a-55683802>

2. Внешняя политика Германии. Министерство иностранных дел Германии. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik>

3. Германия в международных отношениях. Европейская исследовательская служба Европейского парламента. URL:

[https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATA G/2020/652080/EPRS_ATA\(2020\)652080_RU.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATA G/2020/652080/EPRS_ATA(2020)652080_RU.pdf)

4. Стратегические приоритеты Германии: глобальные вызовы, региональная динамика и внутренние дебаты. Испанский королевский институт Эльcano. URL:

<https://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/29574012-23a7-49a1-8d77-9a9bca7991f2/ARI131-2019-Padiglione-Segovia-Elcano.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=ROOTWORLDKSPACE-29574012-23a7-49a1-8d77-9a9bca7991f2-I7CJZTi>

5. Внешняя политика Германии под руководством канцлера Меркель. Global Policy Journal. URL: <https://globalpolicyjournal.com/blog/08/01/2019/foreign-policy-germany-under-chancellor-merkel-russian-translation>

Foreign Policy of Germany in the Modern Era

Abdullina M.B., Mumladze R.G.

Diplomatic Academy under the Ministry of Foreign Affairs of Russia, RGAZU

This article is devoted to the analysis of the foreign policy of Germany in the modern era. The article provides a brief overview of the history of Germany's foreign policy, describes its main principles and strategies, and also examines Germany's relations with key international partners and its role in solving global problems and conflicts.

Germany is a major economic and political power that plays an important role in the European Union and on the world stage. One of the main principles of Germany's foreign policy is a commitment to peaceful conflict resolution based on diplomacy and international law. Germany also actively participates in solving global problems, such as fighting terrorism, and provides humanitarian assistance to refugees and those affected by conflicts.

However, Germany also faces challenges and risks, including terrorist threats, geopolitical conflicts, and economic problems. Therefore, the German government takes measures to strengthen national security, cooperate with other countries, and develop new economic strategies.

The article examines Germany's relations with key international partners, such as the United States, Russia, China, and the EU, as well as its role in solving global problems and conflicts, including Syria, the Middle East, and Ukraine. Special attention is given to the issue of maintaining a balance between economic interests and geopolitical security.

Keywords: Foreign policy of Germany, European Union, international cooperation, global conflicts, geopolitical security, economic interests, terrorism, international law.

References

1. Germany's foreign policy: balancing values and interests. Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/germanys-foreign-policy-balancing-values-and-interests/a-55683802>
2. Germany's Foreign Policy. German Federal Foreign Office. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik>
3. Germany in international relations. European Parliamentary Research Service. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/652080/EPRS_ATA\(2020\)652080_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/652080/EPRS_ATA(2020)652080_EN.pdf)
4. Germany's strategic priorities: global challenges, regional dynamics and internal debates. Elcano Royal Institute. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/germanys-strategic-priorities-global-challenges-regional-dynamics-and-internal-debates>
5. The Foreign Policy of Germany under Chancellor Merkel. Global Policy Journal. URL: <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/08/01/2019/foreign-policy-germany-under-chancellor-merkel>

Политическая идентичность жителей Республики Крым в контексте специальной военной операции

Цуприк Мария Ивановна,

аспирант Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, mari.tsuprik.97@mail.ru

В современном динамичном политическом процессе человек является непосредственным участником политических отношений. В условиях политической нестабильности у индивида может произойти существенное изменение политической идентичности. Кризис политической идентичности ведет как к росту политической пассивности, так и массового проявления недовольства, что может выступить одним из факторов социально-политической нестабильности. В настоящей статье анализируются вопросы, связанные с возможным изменением политической идентичности под влиянием событий специальной военной операции, определяются значимые факторы, под влиянием которых возможны данные изменения. Основной исследовательский вопрос, который поднимается в статье заключается в следующем: «оказала ли специальная военная операция влияние на политическую идентичность крымчан и если да, то каким образом».

Объектом исследования является политическая идентичность жителей Республики Крым и г. Севастополя.

Предмет исследования – факторы, влияющие на возможное изменение политической идентичности 2022-2023 года.

Цель статьи – определить, претерпела ли изменений политическая идентичность крымчан в связи со специальной военной операцией. Для достижения цели данного исследования представлены данные опроса жителей Крыма о своем политическом позиционировании на март 2023 года.

Ключевые слова: политическая идентичность, регионалистика, Республика Крым, понятие идентичности, социально-политическая ситуация.

В наиболее общем смысле, идентичность представляет собой осознанное или неосознанное ощущение принадлежности к той или иной общности по определенным основаниям. Такие основания представляют собой свойства той или иной социальной группы, значимые для человека и принятые им. Как правило, идентичность всегда связана с ответами на вопросы «Кто я?», «Кто такие мы?», «Кто такие другие?». В процессе ответов на них человек или группа соотносит себя иными, идентифицирует со своими мировоззренческими установками.

В процессе политической социализации у каждого человека складываются представления осознано или, напротив, не осознано о своей принадлежности к тем или иным политическим нарративам. Благодаря этому формируется понимание того, что отличает его от одних и сближает с другими. Это свою очередь сказывается на отношениях с разными людьми, восприятии и оценки собственных политических взглядов и действий.

В самом общем виде политическая идентичность представляет собой осознанное соотнесение личности (группы) с определенными политическими позициями, символами, сообществами. Основными факторами, определяющими политическую идентичность, являются система ценностей, транслируемая политической системой, наличие устойчивых политических стереотипов, специфика настоящего исторического момента в котором находится общество, а также индивидуальные ориентации и опыт субъектов [2, с. 32]. На политическую идентичность индивида оказывают влияние различные внешние (обстановка в стране, средства массовой информации, общественные настроения и т.д.) и внутренние (уровень включенности в политические процессы, политическое воспитание, окружающая микросреда личности и т.д.) факторы.

Согласимся с мнением Качанова Ю. Л. о том, что формирование политической идентичности должно быть связано с интеграцией сообщества на основе осознания собственной тождественности людей, в основе которых лежит совокупность фундаментальных принципов, образующих единства политического общества. Идентичность – это комплексное образование, которое состоит из национальных, цивилизационных и социокультурных аспектов, также выступает основой территориальных сообществ, поэтому она в какой-то степени может выступить фундаментом для становления и территориальных сообществ [5, с. 90].

Политическая идентичность представляет собой ассоциирование принадлежности субъекта полити-

ческого процесса с определённой политической позицией, признаваемой другими субъектами политических отношений. Она также характеризуется ощущением принадлежности к какой-либо партии, идеологическому течению, или как отождествление группой себя с какой-либо политической позицией и признание этого со стороны других субъектов политического процесса. Самоопределение индивида как члена политической группы на основе ценностей, разделяемых им и группой, понимается как групповая политическая идентичность [1].

Несмотря на то, что политическая идентичность является определённым результатом политической социализации, определено представляет собой нестатическое явление, поэтому ее необходимо изучать как в современной динамике, так и в историческом контексте. Данное положение особенно наглядно проявляется при исследовании политической идентичности жителей Республики Крым и г. Севастополя. С 2014 года по настоящий момент, в Крыму продолжается период адаптации к российской реальности (социальной, культурной, политической) и её нарративам, которые для многих коренных жителей полуострова оказались малознакомыми. Это можно связать с иным опытом политической социализации, а также стремительным вхождением Крыма в Российскую Федерацию.

Согласно официальным данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2021 году среди жителей Республики Крым в возрасте от 18 лет, 70% крымчан отметили, что вхождение в Российскую Федерацию положительно сказалось на их жизни и жизни их семей, 16% ответили, что это событие не сказалось на их жизни, а 9% считают, что сказалось отрицательно. Положением дел в Республике Крым были довольны 75% жителей. Подавляющее большинство опрошенных (85%) отметили, что за период с 2014 по 2021 года, ситуация в Республике Крым улучшилась, только 5% отметили ухудшение [8].

Посредством множественных анализов общественного мнения за данный временной период, можно констатировать в основном статичное политическое настроение и поведение крымчан [7], [8]. Однако, в ситуации возникшей политической турбулентности нередко возникают реакции, когда вопрос идентификации «Кто я?» априори предполагает следующий вопрос «За кого я?». А по средствам подобной идентификации и примыкая к одной стороне, возникает опасность отсутствия адекватного диалога и понимания другой, искать общие точки и осознавать свою общность становится невозможно. В частности, в связи с началом специальной военной операции в 2022 году, жителей региона, в основном, в возрастном диапазоне 19–26 лет, захлестнули защитные реакции невротической вины, отрицания, чувство незащищенности и неопределенности по отношению к конфликтной ситуации между Украиной и Российской Федерацией.

Исходя из последних данных об общественных настроениях крымчан, после объявления о начале специальной военной операции, «уровень тревожности в обществе повысился. Затем он снизился, но нельзя сказать, что специальная военная операция

стало обыденностью. Всё неизвестное порождает тревогу. Сейчас уже есть понимание развития событий, понимание своего участия, поэтому люди относятся к специальной военной операции как к данности, соответственно, и реакция уже не такая острая, как была в начале» [7].

Для понимания состояния политической идентичности, автор провела анкетный опрос жителей Крыма, которые проживали на полуострове до 2014 года и имели на тот момент гражданство Украины. Анкетирование было осуществлено в формате онлайн-опроса. Выборку составила 100 респондентов (50 мужчин и 50 женщин), которые являются жителями Республики Крым и г. Севастополя. Сам опрос проходил с 24 по 28 февраля 2023 года, спустя год после начала специальной военной операции на территории Украины. Возрастная категория лиц, участвовавших в данном исследовании – от 19 до 75 лет, из которых представлены все значимые для выборки социальные слои полуострова (студенты, рабочие, пенсионеры). Территорию проживания опрошенных граждан Республики Крым в процентном соотношении показана на Рисунке 1.

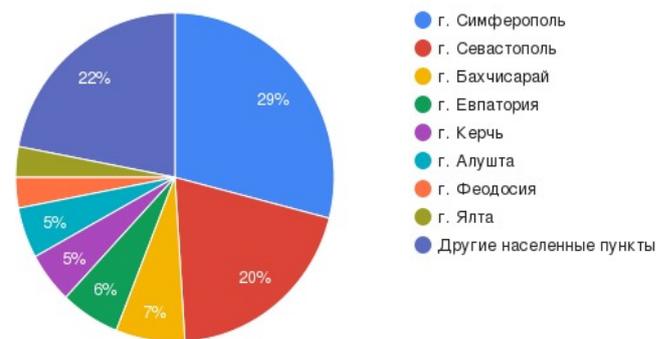

Рисунок 1. Территориальная принадлежность опрошенных граждан

Первый раздел анкеты включает в себя общие вопросы, касающиеся возраста пола, профессии и места проживания участников исследования. Второй блок вопросов касался оценки факторов, оказывающих возможное влияние на политическую идентичность: экономического состояния и безопасности региона, поддержки специальной военной операции, а также других аспектов, составляющих условия для возможного изменения политической идентичности. Далее в работе представлены основные результаты анкетирования.

На вопрос об экономическом положении региона, 48% респондентов отметили, что экономика Республики Крым ухудшится, 35% – останется неизменной и 9% – улучшится. В то же время, уровень личного заработка для многих остался неизменным: 57% респондентов отметили свое неизменное экономическое положение спустя год спецоперации, 10% отметили улучшение и 30% – ухудшение материального положения. Отметим, что ухудшение экономического состояния во многом жители Крыма связывают со снижением туристической привлекательности региона, который отмечают 65% респондентов.

Для некоторых жителей Республики Крым, в основном людей пенсионного и предпенсионного возраста четко прослеживается зависимость уровня заработной платы с доверием к действующей власти. Так, на открытый вопрос о личном мнении по поводу собственной политической идентичности и ее возможных изменениях, 51% респондентов (возрастом от 45 до 75 лет) указывают на всестороннюю поддержку действий Российской Федерации, усиление патриотических чувств по отношению к ней и ассоциацию себя с пророссийской позицией. Представленные данные также указывают на то, что работники бюджетной сферы, чье экономическое положение практически не пострадало, высказывают беспрекословную лояльность и поддержку действий Правительства.

Относительно ощущения защищенности от военных угроз, в Республике Крым и г. Севастополе, 44% респондентов считают, что он улучшился, по сравнению с ситуацией на начало 2022 года, 30%, что он остался неизменным и 21%, что он ухудшился. Тогда как годом ранее уровень безопасности оценивался жителями полуострова почти единогласно как стабильный и достаточный для защиты населения.

На вопрос об отношении жителей Республики Крым к специальной военной операции, 49% выразили явное одобрение и поддержку действий Российской Федерации, 21% придерживаются позиции нейтралитета. При этом 5% считают спецоперацию вынужденной мерой, 13% относятся к ней отрицательно и 12% не могут однозначно определить свою позицию. Кроме того, важным представляется, что поддержку специальной военной операции выражают, прежде всего, люди в возрастной группе от 45 до 75 лет, наименьший показатель поддержки наблюдается у возрастной группы от 19 до 35 лет. Также следует отметить, что возрастная группа активной молодежи настроена более критически к ситуации, сложившейся в ходе специальной военной операции.

Следует отметить, что изначально прямой вопрос об одобрении действий специальной военной операции вызвал противоречивые реакции у респондентов. Так основным беспокойством, которые высказывали анкетированные были опасения за возможные негативные санкции за критику государственной власти. Стоит уточнить, что взаимосвязь отношения властей к критике и боязнь обывателя высказать личное мнение не всегда находится в прямой связи. Широкая общественность, находясь под влиянием средств массовой информации, может негативно трактовать ужесточение уголовного законодательства в сфере дискредитации армии Российской Федерации. Вторым барьером, способствующим опасению граждан, явилась информация о штрафах и судебных процессах над теми, кто публично критикует власть за специальную военную операцию. Вместе с тем, когда респонденты убеждались, что анкетирование проводится анонимно и исключительно в исследовательских целях, они охотно отвечали на вопросы анкеты. В этой связи релевантность полученных результатов не вызывает сомнения.

Исследуя влияние специальной военной операции отношения с близким окружением (родственниками), связанные с политической оценкой ситуации, выявлено, что 17% респондентов с начала спецоперации стали хуже понимать друг друга, поскольку их позиции не совпадали; 22% – стали лучше понимать и относиться друг к другу; у 58% респондентов не изменились отношения с ближайшим окружением. При этом важно отметить, что респонденты, имеющие родственников на территории Украины, в открытом вопросе особо подчеркивают тревогу за их жизнь и здоровье.

Отвечая на вопрос об осознанной ассоциации себя с определенной страной, 75% респондентов считают себя жителями России, 5% причисляют себя к жителям Украины, остальные 20% считают себя исключительно жителями Республики Крым. При этом, сопричастность к государству, исходя из данных исследования, не зависит от возрастной категории, пола или профессии. Среди факторов, влияющих на данное самоопределение, респонденты выделяют жизненный опыт, принадлежность к государству и социальное положение. Фактор разделения позиции ближайшего окружения распространена среди возрастной группы молодежи от 19 до 35 лет, что подтверждает тезис о её еще не сформировавшейся полностью политической идентичности.

В целом, несмотря на проблемы в социально-экономической и гуманитарной сферах, из опроса видно, период специальной военной операции существенно не изменил пророссийские политические ориентации населения Крыма. На вопрос об изменении политической позиции с февраля 2022 г. по сегодняшнее время, 86% опрошенных людей в Крыму ответили отрицательно. Подавляющее большинство крымчан, несмотря на высказывание критических замечаний о тех или иных сторонах жизни, связывают своё будущее с Россией. На вопрос, каким образом отразится ее проведение на жителях территории Республики Крым, 29% респондентов отмечают положительное влияние, 35% выражают нейтральную позицию, 28% считают последствия отрицательными для полуострова.

Таким образом, социальное самочувствие и политические ориентиры жителей Крыма, которые до 2014 года имели украинское гражданство, преимущество остается пророссийским. Вместе с тем, обращает на себя внимание, что наиболее нестабильной социальной группой относительно своего политического позиционирования является молодежь от 19 до 35 лет. Такое положение дел обусловлено, прежде всего, её нестабильным экономическим положением, желанием отстраниться от выражения политических ориентиров вплоть до занятия позиции политического абсентеизма, в том числе и по отношению специальной военной операции. В целом, следует отметить, что ведущим трендом является патриотический настрой и желание как можно скорее достичь стабильности.

Литература

1. Абашин, И.Г. Политическая идентичность: полидисциплинарные аспекты исследования / И.Г.

Абашин // Психопедагогика в правоохранительных органах. Серия «Социологические науки». – №2 (45). – 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-polidistsiplinarnye-aspekty-issledovaniya/viewer> (дата обращения 10.04.2023). – Текст: электронный.

2. Брега, А.В., Власов, А.А. Крым и политика легитимности в международных отношениях / А.В. Брега, А.А. Власов // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 1(58). – С. 26-41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krym-i-politika-legitimnosti-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 10.04.2023). – Текст: электронный.

3. Денисов, Ю.П. Феномен идентичности и политические технологии ее формирования / Текст: электронный // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – Т. 7. – № 1 (25) – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-identichnosti-i-politicheskie-tehnologii-eyo-formirovaniya/viewer> (дата обращения 10.04.2023). – Текст: электронный.

4. Евгеньева, Т.В. «Свои» и «чужие»: образы зарубежных государств в контексте восприятия России ее гражданами / Т.В. Евгеньева, З.Р. Усманова. Текст: электронный // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – №2 – 2018. – URL: <http://elib.fa.ru/art2018/bv2943.pdf> (дата обращения 10.04.2023). – Текст: электронный

5. Качанов, Ю.Л. Опыты о поле политики: [интерференция] / Ю.Л. Качанов; Ин-т эксперим. социол., Рус.-фр. центр социол. исслед. – Москва: Ин-т эксперим. социол., 1994. – 159 с. – ISBN 5-87637-001-0. – Текст: электронный.

6. Коротаев, С.А. Что интересует россиян? Репертуар новостного медиапотребления // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Социальные аспекты цифровых неравенств: результаты эмпирических исследований. – № 1. – С. 31-42. – 2022. – URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2022/INAB_2022_1/Korotaev2_INAB_2022_1.pdf (дата обращения 10.04.2023). – Текст: электронный

7. Попова П. Год СВО: как менялись Крым и крымчане // Севастопольский новостной портал ForPost. – 2023. – URL: <https://sevastopol.su/news/god-svo-kak-menyalis-nastroeniya-krymchan> (дата обращения 10.04.2023). – Текст: электронный.

8. Российский Крым: семь лет после воссоединения // ВЦИОМ: официальный сайт. – 2021. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-krym-sem-let-posle-voossoedineniya> (дата обращения 10.04.2023). – Текст: электронный.

Political identity of residents of the Republic Of Crimea in the context of a special military operation

Tsuprik M.I.

Financial University under the Government

In the modern dynamic political process, a person is a direct participant in political relations. In conditions of political instability, an individual may experience a significant change in political identity. The crisis of political identity leads both to an increase in political passivity and mass manifestations of discontent, which can be one of the factors of socio-political instability. This article analyzes the issues related to the possible change of political identity under the influence of the events of a special military operation, identifies significant factors under the influence of which these changes are possible. The main research question raised in the article is as follows: «Did the special military operation have an impact on the political identity of the Crimeans and, if so, in what way?»

The object of the study is the political identity of residents of the Republic of Crimea and Sevastopol. The subject of the study is the factors influencing the possible change of political identity in 2022-2023. The purpose of the article is to determine whether the political identity of the Crimeans has changed in connection with the special military operation. To achieve the purpose of this study, data from a survey of Crimean residents on their political positioning for March 2023 are presented.

Keywords: political identity, regionalism, the Republic of Crimea, the concept of identity, socio-political situation.

References

1. Abashin, I.G. Political identity: multidisciplinary aspects of research. Psihopedagogika v pravooxranitel'nyh organah. Seriya «Sociologicheskie nauki» [Psychopedagogy in law enforcement agencies. The series «Sociological Sciences»], 2011, vol. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-polidistsiplinarnye-aspekty-issledovaniya/viewer> (Accessed 10 april 2023) (in Russian)
2. Brega, A.V., Vlasov, A.A. Crimea and the politics of legitimacy in international relations. Vestnik MGIMO Universiteta [Bulletin of MGIMO University], 2018, vol.1, pp. 26-41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krym-i-politika-legitimnosti-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (Accessed 10 april 2023) (in Russian)
3. Denisov, YU. P. The phenomenon of identity and political technologies of its formation. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» [Bulletin of Omsk University. The series «Historical Sciences»], 2020, vol. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-identichnosti-i-politicheskie-tehnologii-eyo-formirovaniya/viewer> (Accessed 10 april 2023) (in Russian)
4. Evgen'eva, T.V. «Own» and «foreign»: images of foreign states in the context of the perception of Russia by its citizens. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Politicheskie nauki» [Bulletin of the Moscow University. Series «Political sciences»], 2018, vol.2. URL: <http://elib.fa.ru/art2018/bv2943.pdf> (Accessed 10 april 2023) (in Russian)
5. Kachanov, YU. L. Experiments on the field of politics: [interference]. Institut eksperimental'noj sociologii [Institute of Experimental Sociology], 1994, Moscow, Institute of Experimental Sociology, 159 p. (in Russian)
6. Korotaev, S.A. What are Russians interested in? Repertoire of news media consumption. Informacionno-analiticheskij byulleten' (INAB). Social'nye aspekty cifrovyyh neravenstv: rezul'taty empiricheskikh issledovaniy [Information and Analytical Bulletin (INAB). Social aspects of digital inequalities: results of empirical research], 2022, vol.1, pp.31-42. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2022/INAB_2022_1/Korotaev2_INAB_2022_1.pdf (Accessed 10 april 2023) (in Russian)
7. Popova P. The year of the special military operation: how Crimea and Crimeans changed. Sevastopol'skij novostnoj portal ForPost. [Sevastopol news portal ForPost], 2023. URL: <https://sevastopol.su/news/god-svo-kak-menyalis-nastroeniya-krymchan> (Accessed 10 april 2023) (in Russian)
8. Russian Crimea: seven years after reunification. VCIOM: oficial'nyj sajt [VCIOM: official website], 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-krym-sem-let-posle-voossoedineniya> (Accessed 10 april 2023) (in Russian)

Конституционные основы молодежной политики Российской Федерации в области институтов народовластия

Григорьев Антон Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», ggray15@gmail.com

Наиболее важной правовой категорией молодежной политики, связанной с политической активностью молодых граждан, является народовластие. Основной вектор государственной молодежной политики в области основных форм народовластия выбран в целом правильно. Однако, на сегодняшнем этапе ее реализации возникает необходимость в принятии Правительством Российской Федерации, в дополнение к действующему Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации», новой Стратегии государственной молодежной политики, в которой будут конкретизированы основные меры по совершенствованию правового регулирования интеграции молодых граждан в процессы осуществления способов народовластия. Данные меры должны касаться не только Правительства Российской Федерации в целом, но и других федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в области науки, образования, цифровых технологий. В условиях существования такой Стратегии, Центральной избирательной комиссии будет значительно проще выбирать дальнейший план действий и находить более конкретные способы разрешения текущей проблематики в вопросах правового просвещения и обучения молодых избирателей.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, институты народовластия, молодежь, Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации»

В современном комплексе общественных наук понятие «молодежь», обычно определяется как «совокупность людей, которым общество предоставляет возможность социального становления, обеспечивая их льготами, но ограничивая в возможности активного участия в определенных сферах жизни общества»[1]. В философской традиции такой способ определения категории носит так называемый негативный или апофатический метод, заключающийся в выражении сущности путём последовательного отрицания всех возможных его определений[2]. Фактически, общность «молодежь» в ней определяется как зависимая категория, обладающая некоторыми ограниченными преимуществами, но несущими также серьезные ограничения воли. Однако, необходимо понимать, что молодежь имеет серьезное значение для правовой политики государства, как способа регуляции общественных отношений[3]. В соответствии с объективными данными, в 2014 году в Российской Федерации проживали 33,22 миллиона граждан в возрасте от 14 до 30 лет. После увеличения возраста молодежи с 30 до 35 лет включительно, численность молодежи в возрасте 14-35 лет в РФ увеличилась на 12,6 миллиона человек и достигла 39,1 миллиона[4]. Следовательно, молодежь является значительной социальной группой, которая может оказывать влияние на принятие и реализацию общественно значимых решений.

Важность молодежи для общественного и государственного развития были подчеркнуты в Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ[5]. В частности, отнесение в соответствии с пунктом е) части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации молодежной политики к предметам совместного ведения Российской Федерации ее субъектов означает необходимость принятия правовых решений как федеральным законодателем, так и разработки законодательных гарантий непосредственно субъектами Российской Федерации. Как отмечают Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас «особенности молодежной политики предполагают разработку комплекса взаимосвязанных мер по содействию развитию потенциала молодежи, что соотнобразуется с логикой повышения конституционных гарантий прав граждан и корреспондирующих им обязанностей государства»[6].

Необходимо также понимать, что в пункте е) части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации реализация общих вопросов молодежной политики находится в системной связи с такими важными понятиями как воспитание, образование и наука. Без взаимного влияния этих понятий, являющихся также

и непрерывными процессами, молодежная политика как таковая являлась бы термином без конкретного правового содержания и не могла бы быть действенным инструментом в руках государства. Следует отметить, что именно Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области науки и образования и это определяет в дальнейшем логику нормативно-правового регулирования в указанной области.

В развитии указанных ключевых положений Конституции Российской Федерации был принят Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» [7]. В частности, им был точно определен возрастной диапазон молодых граждан: от 14 до 35 лет включительно, который может быть расширен в случаях, предусмотренных самим Федеральным законом «О молодежной политике в Российской Федерации» другими федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, законами субъектов Российской Федерации, а также же иными органами публичной власти Российской Федерации или должностными лицами органов публичной власти Российской Федерации. Указанный возрастной диапазон свидетельствует о том, что к категории молодых граждан относится наиболее активная и наиболее работоспособная часть населения Российской Федерации, представители которой могут занимать должности руководителей органов государственной власти или местного самоуправления. Примером могут быть кандидаты на должность Президента Российской Федерации (возрастной критерий 35 лет в соответствии с частью 2 статьи 81 Конституции Российской Федерации), сенаторы Российской Федерации (возрастной критерий 30 лет в соответствии с частью 4 статьи 95 Конституции Российской Федерации), депутаты Государственной Думы Российской Федерации (возрастной критерий от 21 года в соответствии с частью 1 статьи 97 Конституции Российской Федерации), судьи Российской Федерации (возрастной критерий 25 лет в соответствии с статьей 119 Конституции Российской Федерации). Следовательно, особое внимание государства к указанной возрастной группе является конституционно-обусловленным и связанным с тем, что молодые граждане могут участвовать в выработке и принятии общественно значимых решений, осуществлять функции управления государством.

Пунктом 3 статьи 4 Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» одной из целей молодежной политики является создание условий для участия молодежи в политической жизни общества. Кроме того, еще одной социально значимой целью молодежной политики в Российской Федерации является формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим

негативным социальным явлениям. Представляется, что достижение указанных целей органически связано с общей политикой государства в области конституционного права на участие граждан в управлении делами государства, закрепленного статьей 32 Конституции Российской Федерации. Право на участие в управлении делами государства является одним из ключевых конституционных прав граждан в сфере политического функционирования социума. Представляется, что выстраивание эффективной системы морально-нравственных ориентиров, выполняющих функцию противодействия экстремистским и антиобщественным тенденциям невозможно без создания механизмов открытого диалога между органами публичной власти и общественностью, органической частью которой являются граждане молодого возраста. На это ориентируют конкретные принципы осуществления молодежной политики в Российской Федерации, указывающие на необходимость сочетания интересов личности, общества и государства, обеспечение сбалансированности интересов и прав молодежи, молодежных общественных объединений и иных граждан, общественных объединений и организаций. К тому же, принципы молодежной политики в Российской Федерации требуют от законодателей и правоприменителей осуществления комплексного, научного и стратегического подхода при формировании и реализации молодежной политики. Это означает широкое привлечение к формированию правовых позиций в области молодежной политики представителей научного и экспертного сообщества и квалифицированной общественности. Выработка надлежащего нормативного правового регулирования также невозможна без обязательного участия молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений в формировании и реализации молодежной политики, что закреплено п. 6 ст. 5 Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации». Кроме того, к основным направлениям реализации молодежной политики относится воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций. Представляется, что перечисленные цели, принципы и основные направления молодежной политики в Российской Федерации невозможно реализовать без повышенного внимания органов публичной власти к политической активности молодых граждан, формирования их адекватного правосознания. Необходимость ухода от чистой декларативности принципов реализации важных направлений государственной деятельности должна диктовать усиление научно-аналитической деятельности в области теоретического осмысления осуществления и дальнейшего совершенствования правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации. Безусловно, такая широкая научно-теоретическая работа будет неполной без учета мнения самой молодежи и привлечения к ней молодых специалистов. Учитывая, что сама категория «молодежь» до сих пор не имеет абсолютно четких границ, и имеет тенденцию к расширению, некоторые исследователи указывают на то,

что данная категория граждан Российской Федерации преимущественно осуществляет деятельность, связанную с получением среднего специального и высшего образования[8]. Это определяет необходимость ориентации учебных учреждений обращать постоянное внимание на вовлечение учащихся в научную активность, касающуюся молодежной политики.

Одной из реальных проблем в описываемой сфере является аполитичность молодых граждан. Сам термин «аполитичность» означает «отрицательное или безразличное отношение к политике, либо уклонение и отказ от участия в общественно-политической жизни», причем ее частным случаем является так называемый «абсентеизм», то есть уклонение избирателей от участия в выборах представительных органов[9]. Как указывалось ранее в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, в выборах федерального уровня участвует менее половины молодых россиян, лишь 33 % молодых граждан в возрасте до 35 лет интересуются политикой и только 2,7 % молодых людей принимают участие в деятельности общественных организаций[10]. Безусловно, указанные данные нуждаются в уточнении и проведении дополнительных социологических исследований, однако указанная тенденция уклонения от реализации избирательных прав представляется тревожной и является одной из причин замедления гражданско-политического развития Российской Федерации.

В связи с этим наиболее важной правовой категорией молодежной политики, связанной с политической активностью молодых граждан, является народовластие. Как указывала Е.Ю. Бархатова структура народовластия складывается из институтов непосредственной демократии, права граждан на осуществление власти через структуры публичной власти, к которым относятся органы государственной власти и местного самоуправления[11]. В структуре народовластия особую роль играют именно институты непосредственной демократии, являясь ее важнейшим элементом. В соответствии с частью 3 статьи 3 Конституции Российской Федерации высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

Очевидно, что сам по себе институт референдума в Российской Федерации находится в некотором «спящем» состоянии. Последний общенациональный референдум в Российской Федерации состоялся в 1993 году: - 25 апреля 1993 года по вопросу о доверии политике Президента Российской Федерации[12]. Не в последнюю очередь это обусловлено действующим законодательством о референдуме в Российской Федерации, в частности положениями статей 14 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме»[13]. Так, одной из возможных проблем являются завышенные требования к численности инициаторов референдума. В соответствии со статьей 14 Федерального конституционного закона «О референдуме в Российской Федерации» ими должны быть не менее чем два

миллиона граждан Российской Федерации, имеющих право на участие в референдуме, - при условии, что на территории одного субъекта Российской Федерации или в совокупности за пределами территории Российской Федерации находится место жительства не более 50 тысяч из них. С другой стороны, процессуальный порядок реализации инициативы проведения референдума, принадлежащей гражданам Российской Федерации, содержащийся в статье 15 Федерального конституционного закона «О референдуме в Российской Федерации» очень сложен и тесно связан с деятельностью государственных органов с особым статусом, таких как Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, так и высших судебных органов в Российской Федерации – Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного суда Российской Федерации. Все указанные, а также некоторые другие факторы привели к тому, что за последние 30 лет представители политических сил различного уровня, в том числе парламентской системной оппозиции ни разу успешно не инициировали проведение общенационального референдума в Российской Федерации. Однако это не значит, что в среде молодых граждан Российской Федерации отсутствует интерес к данному институту непосредственной демократии. Та же самая проблема существует и в отношении референдумов в субъектах Российской Федерации. К примеру, возможность проведения референдума города Москвы и местного референдума предусмотрена Уставом города Москвы[14], а также Законом города Москвы «О референдумах в городе Москве»[15]. Однако практика реализации данных норм до сих пор отсутствует. На уровне субъектов Российской Федерации, если не касаться практики вступления в Российскую Федерацию новых субъектов, голосование на референдумах проходило очень ограничено. На региональном уровне проходили голосования о переносе столицы (в Республике Коми), о местном времени (в Волгоградской области), о поправках в региональную конституцию (в Чечне и Туве), об объединении регионов (в Красноярском крае, Пермской области, Забайкальском крае и других субъектах)[16]. Следовательно, данная практика не достаточна и нет признаков что государство хочет осуществлять какую-то иную политику в указанной области. Следствием этого становится падение интереса к правовому регулированию референдумов в Российской Федерации со стороны молодых граждан.

Молодежная политика в части регулирования свободных демократических выборов предлагает нам большое количество правовых инструментов. Так, если Федеральный закон «О молодежной политике» лишь косвенно раскрывает основные направления обеспечения гарантий политических прав молодых граждан, то, к примеру Стратегия государственной молодежной политики содержала гораздо более конкретный их перечень. В частности, Стратегией государственной молодежной политики в Российской Федерации для реализации приоритетного направления, включающего развитие созидательной активности молодежи, предусмотрен

проект «Команда». Одной из целей реализации плана проекта «Команда» являлось привлечение молодежи к участию в выборах законодательных органов власти. Ожидаемыми результатами вклада молодежи в социально-экономическое, общественно-политическое и социокультурное развитие страны по итогам воплощения Стратегии должно было стать увеличение числа молодых людей, участвующих в выборах органов власти всех уровней. Однако не приводится сведений, удалось ли органам государственной власти добиться указанных результатов.

Правительством Российской Федерации были приняты, взамен утратившей силу Стратегии государственной молодежной политики, Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года[17]. В Основах содержится определение «работы с молодежью», которая определяется как профессиональная деятельность, направленная на решение комплексных задач по реализации молодежной политики в сферах труда, права, политики, науки и образования. Однако в дальнейшем, в Плана мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года[18] не было предусмотрено конкретных мер по вовлечению молодых граждан в разработку и реализацию внутренней политики государства. Представляется, что указанные документы должны быть приведены в соответствие с концепцией Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации», и в них должны быть предусмотрены меры по поддержке политической активности молодежи, в особенности связанной с формами непосредственной демократии.

Таким образом, основной вектор государственной молодежной политики в области непосредственной демократии стал переходить от Правительства Российской Федерации к государственным органам с особым конституционным статусом, в сферу компетенции которых непосредственно входят вопросы организации избирательного процесса – к Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Основным документом, определяющим «дорожную карту» действий Центральной избирательной комиссии Российской Федерации является Молодежная электоральная концепция[19]. Этот комплексный документ является концептуальной программой взаимодействия избирательных комиссий различного уровня с одной стороны и избирателями молодого возраста с другой. Молодежная электоральная концепция в своем тексте учитывает опыт реализации предыдущих подобных документов, таких как Постановление Центральной избирательной комиссии «О проведении Дня молодого избирателя»[20]. Молодежная электоральная концепция отличается от подобных прежде всего серьезным уровнем теоретической проработанности – на должном уровне обоснована актуальность Молодежной электоральной концепции, которая основывается на точных социологических и правовых данных. Надлежащим образом обоснованы цели Моло-

дежной электоральной концепции, ориентированные на преодолении правового нигилизма, политической апатии среди молодежи, достигаемые с помощью правового просвещения и информирования молодых избирателей. В частности, указывается, что правовое просвещение и обучение молодых и будущих избирателей должно начинаться с начального школьного образования и поэтапно продолжаться вплоть до получения высшего образования, должно включать элементы творческой деятельности, организацию таких мероприятий как конкурсы, деловые игры, в том числе с использованием информационных технологий[21]. Молодежной электоральной концепцией предусмотрено проведение на постоянной основе «Дней молодых избирателей» в субъектах Российской Федерации. Отдельное внимание уделено привлечению молодежи к работе в избирательных комиссиях, а также обучению наблюдателей из числа молодых избирателей. Существенной новеллой Молодежной электоральной концепции также является взаимодействие Центральной избирательной комиссии с молодежными парламентами как с органами представительной демократии.

Также, Центральной избирательной комиссией были сформулированы меры по правовому просвещению и гражданскому становлению молодых избирателей в Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2022-2024 годы[22]. Ее главной отличительной чертой является установление конкретного перечня мероприятий на указанный период времени и список ответственных органов.

При этом несмотря на значительное количество направлений деятельности, Концепция нуждается в дальнейшей конкретизации. В частности, необходимо выявить какие меры на сегодняшний день оказались эффективными, а какие нуждаются в доработке. Кроме того, необходимо уяснить, нуждается ли молодежная электоральная политика в дальнейшем законодательном совершенствовании.

По мнению автора, целесообразно внесение изменений как в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[23], так и в акты Центральной избирательной комиссии, регулирующие вопросы гласности избирательных комиссий, направленные на установление квот для наблюдателей молодого возраста на выборах, в том числе для проходящих обучение в юридических высших учебных заведениях.

Подводя итог, следует отметить, что основной вектор государственной молодежной политики в области основных форм народовластия выбран в целом правильно. Однако, на сегодняшнем этапе ее реализации возникает необходимость в принятии Правительством Российской Федерации, в дополнение к действующему Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации», новой Стратегии государственной молодежной политики, в которой будут конкретизированы основные меры по совершенствованию правового регулиро-

вания интеграции молодых граждан в процессы осуществления способов народовластия. Данные меры должны касаться не только Правительства Российской Федерации в целом, но и других федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в области науки, образования, цифровых технологий. В условиях существования такой Стратегии, Центральной избирательной комиссии будет значительно проще выбирать дальнейший план действий и находить более конкретные способы разрешения текущей проблематики в вопросах правового просвещения и обучения молодых избирателей.

Литература

1. Кон И. С. // Мёзия — Моршанск. — М. : Советская энциклопедия, 1974. — (Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров ; 1969—1978, т. 16).
2. Попов И. Н. Метафизика абсолютного дуализма: оратория преодоления. Барнаул, 2010. Гл. 9.
3. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС Консультант-Плюс.
4. Росстат: в стране сокращается количество молодых людей, которые не учатся, не работают и не приобретают профессиональных навыков [Электронный ресурс] // URL: <https://indubnacity.ru/news/obrazovanie/rosstat-v-strane-sokrashchaetsya-kolichestvo-molodyh-lyudey-kotorye-ne-uchatsya-ne-rabotayut-i-ne-priobretayut-professionalnyh-navykov2> (дата обращения: 02.04.2023).
5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС Консультант-Плюс.
6. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. — Москва: Норма : ИНФРА-М, 2020. С. 66-67.
7. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СПС Консультант-Плюс.
8. Усынина Надежда Игоревна Определение сущности понятия «Молодежь» // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2013. № 1. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-suschnosti-ponyatiya-molodezh> (дата обращения: 02.04.2023).
9. Аполитичность // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1969—1978.
10. Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 N 1760-р (ред. от 16.07.2009) «О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации», документ утратил силу с 29 ноября 2014 года в связи с изданием распоряжения Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р // СПС Консультант-Плюс.
11. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2020. С 16. // СПС Консультант-Плюс.
12. Постановление СНД РФ от 29.03.1993 № 4684-1 (с изм. от 21.04.1993) «О всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года, порядке подведения его итогов и механизме реализации результатов референдума» // СПС Консультант-Плюс.
13. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» // СПС Консультант-Плюс.
14. Закон г. Москвы от 28.06.1995 (ред. от 28.12.2022) «Устав города Москвы» // СПС Консультант-Плюс.
15. Закон г. Москвы от 18.04.2007 N 11 (ред. от 25.05.2022) «О референдумах в городе Москве» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2023) // СПС Консультант-Плюс.
16. История референдумов в СССР и России // Коммерсантъ — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4220658> (дата обращения 02.04.2023)
17. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС Консультант-Плюс.
18. Распоряжение Правительства РФ от 12.12.2015 N 2570-р (ред. от 29.04.2021) и «О плане мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. N 2403-р»)
19. Постановление ЦИК России от 12.03.2014 N 221/1429-6 (с изм. от 07.10.2015) «О Молодежной электоральной концепции», «Вестник ЦИК России», N 3, 2014 // СПС Консультант-Плюс.
20. Постановление ЦИК России от 28.12.2007 N 83/666-5 «О проведении Дня молодого избирателя» // СПС Консультант-Плюс.
21. Постановление ЦИК России от 06.12.2017 N 113/931-7 (с изм. от 06.06.2018) «О проведении Всероссийского конкурса на лучшую работу по вопросам избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов в органы государственной власти, органы местного самоуправления в Российской Федерации и участников избирательных кампаний» // СПС Консультант-Плюс.
22. Постановление ЦИК России от 15.12.2021 N 74/629-8 (ред. от 24.08.2022) «О Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации»

Федерации на 2022 - 2024 годы» // СПС Консультант-Плюс.

23. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС Консультант-Плюс.

Constitutional foundations of the youth policy of the Russian Federation in the field of institutions of democracy

Grigoriev A.V.

Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

The most important legal category of youth policy associated with the political activity of young citizens is democracy. The main vector of the state youth policy in the field of the main forms of democracy is generally chosen correctly. However, at the current stage of its implementation, there is a need for the Government of the Russian Federation to adopt, in addition to the current Federal Law "On Youth Policy in the Russian Federation", a new State Youth Policy Strategy, which will specify the main measures to improve the legal regulation of the integration of young citizens in processes of implementation of methods of democracy. These measures should apply not only to the Government of the Russian Federation as a whole, but also to other federal executive bodies exercising powers in the field of science, education, and digital technologies. Under the conditions of the existence of such a Strategy, it will be much easier for the Central Electoral Commission to choose a further plan of action and find more concrete ways to resolve the current problems in matters of legal education and training of young voters.

Keywords: state youth policy, institutions of democracy, youth, Federal Law "On Youth Policy in the Russian Federation"

References

1. Kon I. S. // Moesia - Morshansk. - M.: Soviet Encyclopedia, 1974. - (Great Soviet Encyclopedia: [in 30 volumes] / editor-in-chief A. M. Prokhorov; 1969-1978, vol. 16).
2. Popov I. N. Metaphysics of absolute dualism: an oratorio of overcoming. Barnaul, 2010. Ch. 9.
3. Decree of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 N 2403-r "On approval of the Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period until 2025" // SPS Consultant-Plus.
4. Rosstat: the country is reducing the number of young people who do not study, do not work and do not acquire professional skills [Electronic resource] // URL: <https://indubnacity.ru/news/obrazovanie/rosstat-v-strane-sokrashchaetsya-kolichestvo-molodyh-lyudey-kotorye-ne-uchatsya-ne-rabotayut-i-ne-priobretayut-professionalnyh-navykov2> (date of access: 04/02/2023).
5. Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities" // SPS Consultant-Plus.
6. Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority" / T.Ya. Khabrieva, A.A. Klishas. - Moscow: Norma : INFRA-M, 2020. S. 66-67.
7. Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
8. Usynina Nadezhda Igorevna Definition of the essence of the concept of "Youth" // Bulletin of the Udmurt University. Series "Philosophy, Psychology, Pedagogy". 2013. No. 1. [Electronic resource] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-suschnosti-ponyatiya-molodezh> (date of access: 04/02/2023).
9. Apoliticality // Great Soviet Encyclopedia: [in 30 volumes] / ch. ed. A. M. Prokhorov. - 3rd ed. - M.: Soviet Encyclopedia, 1969-1978.
10. Order of the Government of the Russian Federation of December 18, 2006 N 1760-r (as amended on July 16, 2009) "On the Strategy of the State Youth Policy in the Russian Federation", the document became invalid on November 29, 2014 due to the issuance of the order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014. 2014 N 2403-r // SPS Consultant-Plus.
11. Barkhatova E.Yu. Commentary on the Constitution of the Russian Federation: new edition (item-by-article). 3rd ed., revised. and additional Moscow: Prospekt, 2020. From 16. // ATP Consultant-Plus.
12. Decree of the Council of People's Commissioners of the Russian Federation of March 29, 1993 No. 4684-1 (as amended on April 21, 1993) "On the All-Russian referendum on April 25, 1993, the procedure for summarizing its results and the mechanism for implementing the results of the referendum" // SPS Consultant-Plus.
13. Federal constitutional law of June 28, 2004 No. 5-FKZ (as amended on December 30, 2021) "On the referendum of the Russian Federation" // ATP Consultant Plus.
14. Law of the city of Moscow dated 06/28/1995 (as amended on 12/28/2022) "Charter of the city of Moscow" // SPS Consultant-Plus.
15. Law of the City of Moscow dated 04/18/2007 N 11 (as amended on 05/25/2022) "On referendums in the city of Moscow" (as amended and supplemented, effective from 01/01/2023) // SPS Consultant-Plus.
16. History of referendums in the USSR and Russia // Kommersant - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4220658> (accessed 04/02/2023)
17. Decree of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 N 2403-r "On approval of the Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period until 2025" // SPS Consultant-Plus.
18. Order of the Government of the Russian Federation of December 12, 2015 N 2570-r (as amended on April 29, 2021) and "On the Action Plan for the Implementation of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025" (together with the "Action Plan for the Implementation of the Fundamentals of the State youth policy of the Russian Federation for the period up to 2025, approved by the order of the Government of the Russian Federation dated November 29, 2014 N 2403-r")
19. Decree of the CEC of Russia dated March 12, 2014 N 221/1429-6 (as amended on October 7, 2015) "On the Youth Electoral Concept", "Bulletin of the CEC of Russia", N 3, 2014 // SPS Consultant-Plus.
20. Decree of the CEC of Russia dated December 28, 2007 N 83 / 666-5 "On holding the Day of the Young Voter" // ATP Consultant Plus.
21. Decree of the CEC of Russia dated 06.12.2017 N 113 / 931-7 (as amended on 06.06.2018) "On holding an All-Russian competition for the best work on issues of electoral law and the electoral process, improving the legal and political culture of voters (referendum participants), organizers of elections to state authorities, local governments in the Russian Federation and participants in election campaigns" // SPS Consultant-Plus.
22. Decree of the CEC of Russia of December 15, 2021 N 74 / 629-8 (as amended on August 24, 2022) "On the Concept for Improving the Legal Culture of Voters in the Russian Federation for 2022-2024" // SPS Consultant Plus.
23. Federal Law of June 12, 2002 N 67-FZ (as amended on December 28, 2022) "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" // SPS Consultant-Plus.

Основы общей долевой собственности: проблемы и перспективы

Лиман Анна Анатольевна

аспирант, кафедра «Гражданского права и процесса», НИУ «БелГУ», zoloto.09@inbox.ru

Статья обсуждает вопросы общей долевой собственности на здания и общее имущество. Представлено определение долевой собственности, виды общей долевой собственности, преимущества и недостатки этой формы собственности.

Проблемы общей долевой собственности рассматриваются в контексте возникновения и регулирования, приводятся способы их решения. Один из способов - создание товарищества собственников жилья, которое будет управлять общим имуществом. Еще один способ - приватизация общего имущества. Также можно решить проблемы, связанные с общей долевой собственностью, заключением договоров между участниками долевой собственности о распределении расходов и доходов от использования общего имущества.

Перспективы общей долевой собственности связаны с ее использованием как инструмента инвестирования в недвижимость, и повышения доступности жилья для граждан. Так же перспективами являются усовершенствование правового регулирования общей долевой собственности и использование ее для реализации программ государственной поддержки жилищного строительства.

Статья представляет собой важный вклад в понимание общей долевой собственности на здания и общее имущество, а также ее проблем и перспектив.

Ключевые слова: общая долевая собственность, недвижимость, правовое регулирование, проблемы, перспективы, товарищество собственников жилья.

В гражданском праве Российской Федерации возможно возникновение права собственности на один объект у нескольких лиц, которое характеризуется как общая долевая собственность [3]. В контексте права собственности, несколько собственников не могут иметь исключительное право на одно и то же имущество, что исключает возможность "расщепления" права собственности, то есть совместного существования нескольких прав на одно имущество. Долевая собственность возникает, когда каждый из собственников имеет определенную долю в праве собственности на имущество, которая может быть выражена в виде дроби или процентного соотношения.

Режим долевой собственности дает возможность выделить долю в праве собственности в качестве объекта гражданского оборота, помимо самого имущества, находящегося в общей собственности. Каждый собственник распоряжается своей долей самостоятельно, учитывая законодательные ограничения, в то время как осуществление прав в отношении общего имущества возможно только на основании соглашения всех собственников.

Кроме долевой собственности, существует следующая форма собственности - совместная собственность, которая возможна только в определенных случаях, прописанных в законодательстве. Например, супружеское имущество в соответствии со статьей 256 Гражданского Кодекса РФ относится к общей совместной собственности.

Одним из главных преимуществ общей долевой собственности является возможность изначального определения доли каждого сособственника и в соответствии с этим распределения доходов от общего имущества, и расходов на его содержание. Общая долевая собственность позволяет субъекту распоряжаться своей долей. Недостатками этого режима являются возможность несогласованного решения сособственников по поводу осуществления правомочий и сложность принятия решений, особенно при наличии большого числа сособственников.

Общая долевая собственность возникает в случаях, когда два или более лица становятся собственниками имущества, которое не может быть разделено без нарушения его функциональности (например, неделимые вещи) или не подлежит разделу в соответствии с законодательством. Общая долевая собственность может быть установлена для делимого имущества, которое переходит в собственность нескольких лиц, в соответствии с законодательством или договором.

Согласно третьему пункту данной статьи, при передаче имущества нескольким лицам предполагается, что такое имущество находится в их общей долевой собственности, если закон не предусматривает иного режима совместной собственности. Четвертый пункт определяет, что режим общей собственности возникает, если имущество не может быть разделено без изменения его назначения (неделимые вещи) или не подлежит разделу в соответствии с законодательством, и передается в собственность двум или нескольким лицам.

В соответствии с пунктом 6 статьи возможно изменение режима общей совместной собственности на режим общей долевой собственности. Для изменения режима необходимо заключить договор (соглашение) между сособственниками или обратиться в суд в случае недостижения согласия [4].

Общая долевая собственность является одним из наиболее сложных режимов права собственности, который часто сталкивается с проблемами. Одной из таких проблем является право преимущественной покупки. Согласно действующему законодательству, каждый участник общей долевой собственности вправе распоряжаться своей долей. В случае продажи доли третьей стороне, другие сособственники имеют преимущественное право на ее покупку. Продавец должен уведомить других участников о продаже своей доли третьей стороне путем направления письменного извещения. Срок уведомления составляет 30 дней, а для движимого имущества - 10 дней.

В процессе осуществления преимущественного права на покупку доли в общей собственности возникает ряд спорных вопросов и проблем, связанных, в первую очередь, с правильным порядком и формой уведомления других сособственников о намерении продать свою долю. Однако не всегда необходимо уведомлять других участников о предстоящей сделке. Например, при отчуждении земельных участков, предназначенных для сельскохозяйственного использования, каждый сособственник имеет право свободно продать свою долю третьим лицам без предварительного оповещения других участников [5].

Могут возникать сложности, связанные с отсутствием информации о местонахождении других сособственников при продаже доли. В таких ситуациях возможным решением может быть предоставление доказательств, что уведомление о продаже доли было направлено по последнему известному месту жительства отсутствующих сособственников либо их местонахождение неизвестно. Такие доказательства могут быть представлены в виде адресного бюро, сообщения местной администрации или налоговых органов о задолженности отсутствующего лица по уплате налогов, сборов и других платежей по доле в общем имуществе [6].

Еще одним важным аспектом долевой собственности на недвижимость являются вопросы, связанные со зданиями. Владение квартирами в многоквартирных домах осуществляется на праве общей долевой собственности. В этом случае все общие

помещения, несущие конструкции здания, оборудование и инфраструктура, обслуживающие более одной квартиры, также являются собственностью собственников квартир на праве общей долевой собственности. Для управления и обслуживания жилого дома может быть создано товарищество собственников жилья. Законодательство не регулирует отношения между собственниками зданий и другими лицами, которые могут приобрести часть здания. Разделение имущества, находящегося в долевой собственности, возможно только по соглашению участников или по решению суда, если участники не могут достичь соглашения [2]. В связи с этим возникают сложности в случае, если собственником всех помещений в здании является одно лицо, а затем появляются третьи лица, желающие приобрести часть здания. В этом случае права и интересы собственников здания и новых владельцев могут столкнуться вопреки друг другу. Вопросы возникают в связи с обязанностью уведомления о продаже доли в праве собственности и способом ее продажи, это может привести к возникновению споров и неразрешимых вопросов.

При обсуждении проблем, связанных с общей долевой собственностью, следует уделить внимание распределению расходов и доходов, связанных с использованием общего имущества. В соответствии со статьей 248 ГК РФ, доходы от использования общего имущества, находящегося в долевой собственности, должны распределяться между сособственниками пропорционально их долям. Ранее, когда здание находилось в единоличной собственности, доходы получал только единственный собственник, но теперь, когда здание находится в долевой собственности, все доходы и расходы должны быть справедливо распределены между всеми сособственниками [1].

В соответствии со статьей 249 ГК РФ каждый сособственник обязан пропорционально своей доле вносить налоги, сборы и иные платежи по общему имуществу и обеспечивать сохранность и содержание здания. Таким образом, все расходы, связанные с обслуживанием здания, должны быть распределены между сособственниками с учетом их долей. Ранее такие расходы возлагались только на собственников отдельных помещений, но теперь, когда здание находится в общей долевой собственности, расходы и доходы должны четко распределяться между всеми сособственниками.

Проблема связанная с расходами на содержание общего имущества здания может привести к необоснованной недоимке налога на прибыль. Согласно статье 249 ГК РФ, все расходы на содержание общего имущества должны быть распределены между всеми собственниками в соответствии с их долями. Таким образом, при расчете налога на прибыль каждый сособственник должен учитывать только свою долю расходов. Однако, расходы на общее имущество могут быть значительными и могут вызвать проблемы с недоимкой налога на прибыль, если расходы не будут признаны обоснованными. В случаях, когда налогоплательщик не может полно-

стью принять на себя расходы по содержанию общего имущества, возникает проблема с НДС. В таких случаях невозможно требовать возмещения НДС из бюджета в отношении таких расходов.

Проблемы, связанные с общей долевой собственностью на здания и общее имущество, требуют срочного решения. Одним из способов решения проблем является создание товарищества собственников жилья (ТСЖ), которое будет управлять общим имуществом. В соответствии со статьей 290 ГК РФ, собственники квартир в многоквартирном доме имеют право на общие помещения дома, конструктивные элементы здания, оборудование, предназначенное для обслуживания нескольких квартир, а также сантехнические и электрические системы, находящиеся как внутри, так и за пределами квартир. Для обеспечения управления и эксплуатации жилого дома, а также общего имущества, собственники квартир образуют ТСЖ, которое является некоммерческой организацией и регулируется законом о товариществах собственников жилья в соответствии со статьей 291 ГК РФ.

Для решения проблемы, связанной с общим имуществом в долевой собственности, может быть использован способ приватизации. Согласно статье 252 ГК РФ, имущество, находящееся в общей долевой собственности, может быть разделено между участниками по их соглашению, и каждый участник имеет право требовать выдела своей доли из общего имущества. Если участники не могут достичь соглашения о способах раздела или выдела доли, то участник долевой собственности может обратиться в суд для решения этого вопроса [7]. Приватизация общего имущества может решить проблему, связанную с необходимостью согласования всех расходов на его содержание между сосособственниками.

Также можно решить проблемы, связанные с общей долевой собственностью, путем заключения договоров между участниками долевой собственности о распределении расходов и доходов от использования общего имущества. Это позволит сосредоточить внимание на конкретных обязательствах каждого сосособственника, и определить ответственность за неисполнение этих обязательств. Такие договоры могут регулировать расходы на обслуживание и ремонт общего имущества, использование общего имущества и принятие решений по его управлению. Такие договоры должны соответствовать законодательству РФ, в том числе ГК РФ и закону о долевом строительстве, и быть заключены с соблюдением необходимых формальностей.

Так для решения проблем общей долевой собственности на здания и общее имущество, могут применяться различные способы, в том числе создание ТСЖ, приватизация общего имущества и заключение договоров между участниками долевой собственности. Каждый из этих способов имеет свои преимущества и недостатки, и выбор конкретного подхода должен быть основан на конкретных обстоятельствах каждого случая.

Перспективы общей долевой собственности на здания и общее имущество имеют значение для

развития экономики и социальной сферы. Общая долевая собственность может стать мощным инструментом развития малого и среднего бизнеса, и способом повышения доступности жилья для граждан.

Одной из перспектив развития общей долевой собственности является использование ее в качестве механизма инвестирования в строительство новых объектов недвижимости. В этом случае несколько инвесторов могут объединить свои средства и купить земельный участок или готовое здание для строительства нового объекта. После завершения строительства объекта каждый инвестор получает долю в собственности нового объекта пропорционально внесенным ими средствам. Такой подход может стать эффективным механизмом для развития недвижимости в регионах, где отсутствуют крупные инвесторы, и для реализации инфраструктурных проектов.

Еще одной перспективой является возможность использования ее для повышения доступности жилья для граждан. Создание ТСЖ позволяет обеспечить более эффективное управление общим имуществом многоквартирных домов, что может привести к снижению расходов на содержание жилья и повышению его качества. Использование общей долевой собственности может стать механизмом реализации программ государственной поддержки жилищного строительства, направленных на обеспечение доступности жилья для различных категорий граждан.

Перспективы развития правового регулирования общей долевой собственности связаны с необходимостью уточнения и дополнения нормативной базы, регулирующей отношения между участниками долевой собственности на здания и общее имущество. Одним из направлений развития правового регулирования может стать упрощение процедур выдела доли в общей долевой собственности и ускорение процессов по разделу общего имущества между сосособственниками. Также возможно усовершенствование порядка управления общим имуществом и урегулирование вопросов, связанных с использованием общего имущества в коммерческих целях. Можно усилить контроль за выполнением обязательств по содержанию общего имущества и разработать механизмы защиты прав сосособственников в случае нарушения этих обязательств. Однако развитие правового регулирования должно учитывать различные особенности общей долевой собственности в зависимости от типа объекта и количества участников долевой собственности, чтобы обеспечить баланс интересов между ними и обеспечить устойчивое функционирование общей долевой собственности.

В заключении можно отметить, что общая долевая собственность на здания и общее имущество имеет свои проблемы, связанные с необходимостью согласования расходов и доходов между сосособственниками, и с разделом общего имущества в случае его приватизации. Наряду с проблемами, у общей долевой собственности есть перспективы

развития, связанные с использованием ее в качестве механизма инвестирования в недвижимость, повышением доступности жилья для граждан и усовершенствованием правового регулирования общей долевой собственности.

Литература

1. Асламурзаева Ф.А. Проблемы общей долевой собственности // Проблемы Науки. - 2014. - №1 (19). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obshchey-dolevoy-sobstvennosti> (дата обращения: 03.05.2023).

2. Астапова Т.Ю. Некоторые аспекты осуществления преимущественного права покупки доли в праве общей собственности на жилое помещение // Семейное и жилищное право. - 2021. - №1. - С. 38-40.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023).

4. Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Постатейный комментарий. - Москва: Издательство, 2019.

5. Лиман А.А. Преимущественное право покупки доли // Форум молодых ученых. - 2023. - №1 (77). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestvennoe-pravo-pokupki-doli> (дата обращения: 03.05.2023).

6. Нестерович А.А. Преимущественное право покупки доли. - Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью "Сибирская академическая книга", 2020. - С. 43-46.

7. Пьянкова А.Ф. Правовое регулирование малоэтажных жилых комплексов // Ex jure. - 2023. - №1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-maloetazhnyh-zhilyh-kompleksov> (дата обращения: 03.05.2023).

Basics of Shared Ownership: Problems and Prospects

Liman A.A.

National Research University "BelGU"

The article discusses issues related to shared ownership of buildings and common property. It presents the definition of shared ownership, types of shared ownership, advantages, and disadvantages of this form of ownership. Problems of shared ownership are considered in the context of their emergence and regulation, and methods for their resolution are provided. One way to solve these problems is by creating a housing cooperative, which will manage the common property. Another way is the privatization of common property. Additionally, problems related to shared ownership can be solved through agreements between the owners regarding the distribution of expenses and revenues from the use of common property.

Prospects for shared ownership are associated with its use as an investment tool in real estate and improving accessibility to housing for citizens. The development of legal regulations for shared ownership and its use in implementing state-supported housing construction programs are other prospects.

The article represents an important contribution to understanding shared ownership of buildings and common property, as well as its problems and prospects.

Keywords: shared ownership, real estate, legal regulation, problems, prospects, housing cooperative.

References

1. Aslamurzaeva F.A. Problems of co-ownership // Problems of Science. - 2014. - No. 1 (19). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obshchey-dolevoy-sobstvennosti> (accessed: 03.05.2023).
2. Astapova T.Yu. Some aspects of exercising the preemptive right to purchase a share in the right of common ownership of residential premises // Family and Housing Law. - 2021. - №1. - P. 38-40.
3. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on April 14, 2023) (with amendments and additions, effective from April 28, 2023).
4. Grishaev S.P., Bogacheva T.V., Svitt Yu.P. Civil Code of the Russian Federation. Part one. Article-by-article commentary. - Moscow: Publishing House, 2019.
5. Liman A.A. Preemptive right to purchase a share // Forum of young scientists. - 2023. - No. 1 (77). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestvennoe-pravo-pokupki-doli> (accessed: 03.05.2023).
6. Nesterovich A.A. Preemptive right to purchase a share. - Novosibirsk: Limited Liability Company "Siberian Academic Book", 2020. - P. 43-46.
7. Pyankova A.F. Legal regulation of low-rise residential complexes // Ex jure. - 2023. - №1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-maloetazhnyh-zhilyh-kompleksov> (accessed: 03.05.2023).

Проблемы правового регулирования института конкуренции в Российской Федерации

Малфыгин Алексей Андреевич,

аспирант кафедры «Гражданско-правовых дисциплин», АО ЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», alexmalf@mail.ru

Веселкова Евгения Евгеньевна,

доктор юридических наук, доцент, АО ЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», 29207792@s.mfua.ru

Статья посвящена анализу проблем правового регулирования института конкуренции в Российской Федерации. Автор исследует недостатки антимонопольного законодательства, отсутствие эффективных механизмов защиты прав потребителей и низкую эффективность органов контроля за выполнением антимонопольного законодательства. Анализируются возможные пути решения этих проблем. Исследование показывает, что недостаточное внимание к правовому регулированию института конкуренции в России может негативно сказаться на развитии экономики и привести к нарушению прав потребителей. В статье также актуализируется вопрос совершенствования правового регулирования института конкуренции в условиях цифровой экономики. Автор статьи делает вывод о необходимости усовершенствования антимонопольного законодательства и усиления контроля за его соблюдением.

Ключевые слова: институт конкуренции, правовое регулирование, антимонопольное законодательство, права потребителей, органы контроля.

В современном мире конкуренция играет ключевую роль в экономическом развитии страны. Конкуренция стимулирует предпринимательскую активность, инновационный потенциал и повышение качества товаров и услуг. В России институт конкуренции регулируется антимонопольным законодательством, которое направлено на предотвращение монополизации рынков и защиту прав потребителей. Однако, существуют проблемы в правовом регулировании института конкуренции в Российской Федерации, которые могут привести к нарушению прав потребителей и негативно сказаться на развитии экономики.

Вопросы правового регулирования института конкуренции в России изучались многими исследователями и экспертами в разных областях, таких как экономика, право, социология и т.д. Среди отечественных авторов, которые занимались исследованием проблем правового регулирования института конкуренции в России, можно отметить следующих:

- Исаева А.Ю., является канд. филол. наук, доцентом кафедры Тульского государственного университета, которая в своих работах пришла к выводу, что прослеживается «тенденция дальнейшего совершенствования конкурентного права и антимонопольного процесса, которые направлены на укрепление национальной экономики, дальнейшее развитие конкуренции и недопущение монополистической деятельности» [9];

- Гарькавенко Л.В., которая является старшим преподавателем кафедры административного права ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», пришла в своих публикациях к мнению, что «конкуренция – это некий вид экономического соперничества, в результате которого достигаются поставленные цели» [7];

- Петров И.В., доктор экономических наук, профессор Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, который пришел к выводу в своих публикациях, что «в настоящее время, для нормального развития конкурентных отношений создает проблемы санкционная политика иностранных государств. В этих тяжелых условиях для хозяйствующих субъектов необходима разработка целостного системного правового механизма конкурентоспособной российской экономики» [12].

Эти и многие другие отечественные авторы внесли значительный вклад в исследование проблем правового регулирования института конкуренции в России. Их работы помогли выявить слабые места существующей системы регулирования, предложить новые подходы к решению проблем и способы повышения эффективности работы органов контроля за соблюдением антимонопольного законодательства.

Конституция Российской Федерации устанавливает нормативное регулирование института конкуренции в России. В частности, статья 8 Конституции Российской Федерации устанавливает правовые гарантии конкуренции [1]. Институт конкуренции в Российской Федерации представляет собой систему правил и механизмов, которые регулируют экономические отношения между предпринимателями и организациями на рынке. Более чем за двадцать пять лет существования антимонопольного законодательства было принято большое количество нормативных актов, изменяющих или дополняющих его содержание, что «вызвано поступательным развитием общественных отношений по развитию конкуренции, с одной стороны, и стремлением государства обеспечить наиболее полноценную защиту прав и интересов субъектов конкурентных правоотношений, с другой стороны» [11].

Гарантия права на добросовестную конкуренцию заключается в обеспечении соблюдения принципов свободы конкуренции и предотвращении любых форм недобросовестной конкуренции. Это достигается через законодательные акты, которые регулируют конкуренцию и борьбу с монополизацией рынков, а также через систему контроля и надзора со стороны соответствующих государственных органов [5]. Кроме того, гарантия права на добросовестную конкуренцию предполагает существование эффективных механизмов защиты прав потребителей и бизнеса, которые пострадали от недобросовестных действий со стороны других участников рынка. Это могут быть как гражданские и административные, так и уголовные меры ответственности, в зависимости от характера нарушений. В целом, гарантия права на добросовестную конкуренцию является важным фактором для обеспечения развития экономики и улучшения условий жизни граждан, поэтому ее соблюдение должно быть одним из приоритетов государственной политики.

Суть института конкуренции заключается в том, что он создает условия для свободной конкуренции между производителями и продавцами товаров и услуг, что в свою очередь способствует эффективному функционированию экономики и повышению уровня благосостояния населения [8].

Принцип свободы конкуренции является одним из основополагающих принципов правового регулирования предпринимательской деятельности. Его генезис и эволюция связаны с историей развития экономической мысли и практики. Истоки принципа свободы конкуренции уходят в глубокую историю. Однако, принцип свободы конкуренции в современном понимании был сформулирован в XIX веке в связи с развитием капитализма и свободного рынка. Этот принцип заключается в том, что каждый участник рынка должен иметь возможность свободно войти и выйти с рынка, свободно определять цены на товары и услуги, а также свободно выбирать партнеров для торговли [6]. В Российской Федерации, принцип свободы конкуренции был закреплен в 1991 году с принятием Закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на

товарных рынках», который установил правила конкуренции на рынке и запретил монополии и договоры, ограничивающие конкуренцию [2]. В последующем был принят Федеральный закон «О защите конкуренции» в 2006 году [3].

Сегодня принцип свободы конкуренции продолжает эволюционировать и развиваться. Вместе с тем, в некоторых случаях возникают вопросы о необходимости баланса между свободой конкуренции и защитой потребителей и мелких предпринимателей от доминирования крупных компаний. В связи с этим в некоторых странах принимаются антимонопольные законы и правила, которые ограничивают деятельность крупных компаний и защищают интересы потребителей и мелких предпринимателей.

Кроме того, в современном мире существуют новые вызовы для принципа свободы конкуренции, такие как развитие цифровой экономики, когда крупные технологические компании получают значительное преимущество на рынке благодаря доступу к большому количеству данных и возможности собирать информацию о потребителях. В связи с этим возникают вопросы о том, как правильно регулировать деятельность крупных технологических компаний и защищать интересы потребителей [14].

Таким образом, принцип свободы конкуренции является важным элементом правового регулирования предпринимательской деятельности, который позволяет создавать условия для развития конкуренции и повышения качества товаров и услуг. Однако, для обеспечения баланса между свободой конкуренции и защитой интересов потребителей и мелких предпринимателей необходимо постоянно анализировать и улучшать правовое регулирование на данной области.

В Российской Федерации, институт конкуренции регулируется антимонопольным законодательством и контролируется Федеральной антимонопольной службой (ФАС). Основными задачами ФАС являются защита конкуренции, предотвращение и пресечение монополистических практик, регулирование концентрации предприятий и контроль за государственными закупками [13].

В целом, институт конкуренции в Российской Федерации является ключевым элементом развития рыночной экономики и его правильное функционирование является необходимым условием для достижения экономической стабильности и роста.

Несмотря на существующее антимонопольное законодательство, все еще существуют недостатки, которые могут негативно повлиять на институт конкуренции и права потребителей. Одним из недостатков является недостаточное совершенство законодательства, что приводит к неопределенности его толкования и применения. Также наблюдается отсутствие эффективных механизмов защиты прав потребителей, что может приводить к монопольному поведению производителей и продавцов, ущемляющему интересы потребителей.

Кроме того, в Российской Федерации наблюдается низкая эффективность органов контроля за выполнением антимонопольного законодательства.

Недостаточная квалификация и недостаточный уровень независимости органов контроля могут привести к неправильному применению закона, а также к коррупции и взяточничеству.

Эти недостатки антимонопольного законодательства и отсутствие эффективных механизмов защиты прав потребителей могут быть решены путем его усовершенствования и улучшения работы органов контроля за его соблюдением.

Другими недостатками антимонопольного законодательства Российской Федерации являются низкая эффективность мер пресечения нарушений антимонопольного законодательства, отсутствие эффективных механизмов защиты прав конкурентов от злоупотреблений доминирующими позициями, а также недостаточная прозрачность работы антимонопольных органов и отсутствие достаточного уровня их независимости от государственных и экономических структур.

Можно согласиться с мнением Коркмазовой М.Х., по мнению которой «за нарушение законодательства в сфере защиты конкуренции установлена как гражданско-правовая и административная, так и уголовная ответственность, в зависимости от нанесенного ущерба» [10]. Так, гражданско-правовая ответственность позволяет потребителям получить компенсацию за ущерб, причиненный им нарушением правил конкуренции, а административная и уголовная ответственность являются эффективными мерами для предотвращения нарушений закона и наказания виновных лиц. Однако, для эффективной борьбы с нарушениями в сфере конкуренции необходимо не только установление ответственности, но и создание эффективных механизмов контроля и надзора за выполнением законодательства, а также совершенствование самого антимонопольного законодательства.

Отсутствие эффективных механизмов защиты прав потребителей также является серьезной проблемой антимонопольного законодательства в России. Потребители часто сталкиваются с недобросовестными практиками со стороны компаний, такими как завышение цен, недостаточная информация о товарах и услугах, ограничение выбора и т.д. Несмотря на наличие законодательных актов, которые защищают права потребителей, в реальности эффективность их применения остается невысокой.

Все эти недостатки антимонопольного законодательства в Российской Федерации приводят к неравенству на рынке, снижению качества товаров и услуг, ограничению конкуренции, что в итоге отрицательно влияет на экономическое развитие страны и ущемляет права потребителей.

Приходим к выводу, что недостаточное внимание к правовому регулированию института конкуренции в России может негативно сказаться на развитии экономики и привести к нарушению прав потребителей. Например, отсутствие здоровой конкуренции на рынке может привести к монополизации отдельных отраслей экономики, что может привести к увеличению цен на товары и услуги, ухудшению качества продукции, снижению инноваций и развития.

Кроме того, низкая эффективность механизмов контроля за выполнением антимонопольного законодательства и защиты прав потребителей может привести к тому, что компании будут нарушать законы, несмотря на штрафы и другие меры ответственности. Это может привести к нарушению прав потребителей и их интересов, что может отрицательно сказаться на общественном благополучии.

Важным представляется отметить, что в текущих условиях развития экономики в условиях санкций, Российская Федерация столкнулась с новыми вызовами в области конкуренции, так как были введены ограничения на ввоз товаров из-за рубежа. Это привело к тому, что многие российские компании укрепили свои позиции на внутреннем рынке, но в то же время возникла проблема недостаточной конкуренции.

Одной из проблем правового регулирования конкуренции в России является несовершенство антимонопольного законодательства. Некоторые нормы и правила закона не согласованы между собой, что затрудняет их понимание и применение в практике. Кроме того, существует проблема недостаточного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства со стороны государственных органов. В условиях санкций также возникли новые проблемы в области защиты прав интеллектуальной собственности. Появилось большое количество подделок и нелегальных копий продукции, что приводит к потере доходов для компаний и нарушению прав потребителей.

Однако, несмотря на эти проблемы, в России существуют позитивные моменты в области конкуренции. Например, в последнее время активно развиваются малые и средние предприятия, что способствует увеличению конкуренции на рынке. Также в России проводятся реформы в области антимонопольного регулирования, направленные на улучшение механизмов контроля и предотвращение нарушений конкуренции. В целом, проблемы правового регулирования конкуренции в России в условиях санкций остаются актуальными и требуют дальнейшего улучшения законодательства и механизмов контроля.

Следующим направлением выступает развитие и внедрение информационных технологий в антимонопольное регулирование. Антимонопольное законодательство должно быть готово своевременно и эффективно решать проблемы современной действительности. Для этого необходимо синхронизировать требования нового времени и закон [15].

В программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [4] в качестве одного из препятствий в развитии цифровой экономики России названо отставание от ведущих иностранных государств в развитии конкурентоспособных информационных технологий, что объясняется пробелами нормативной базы для цифровой экономики и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций и, как следствие, низким уровнем применения цифровых технологий бизнес-структурами.

Важно отметить, что в условиях цифровой экономики в Российской Федерации возникают новые проблемы в правовом регулировании института конкуренции. Одной из таких проблем является неэффективность существующих механизмов защиты прав потребителей в онлайн-среде, а также недостаточная прозрачность работы интернет-корпораций и их алгоритмов, что может приводить к дискриминации потребителей и снижению конкуренции. Также в условиях цифровой экономики возникают проблемы с определением рынков и доминирующих позиций, а также с контролем за слияниями и поглощениями компаний. В целом, существует необходимость в совершенствовании антимонопольного законодательства и разработке новых механизмов контроля за конкуренцией в условиях цифровой экономики.

В рамках решения выявленных проблем правового регулирования института конкуренции в России, видится возможным реализация следующих направлений:

1) Усовершенствование антимонопольного законодательства: необходимо разработать новые законы и внести изменения в существующие для более эффективного регулирования института конкуренции. Важно также устранить противоречия между законами и их неоднозначность, которые создают проблемы для органов контроля и бизнеса;

2) Улучшение механизмов защиты прав потребителей: необходимо разработать эффективные механизмы, которые бы помогли защитить права потребителей, в том числе через более быстрое и эффективное рассмотрение жалоб и исков;

3) Усиление контроля за выполнением антимонопольного законодательства: важно улучшить эффективность органов контроля и усилить меры ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, в том числе через более высокие штрафы и уголовное преследование;

4) Повышение осведомленности об институте конкуренции: важно улучшить осведомленность всех заинтересованных сторон, включая бизнес, государственные органы, академические круги и потребителей, об институте конкуренции, его целях и принципах, а также о том, как соблюдать антимонопольное законодательство;

5) Развитие конкуренции на рынках: важно стимулировать развитие конкуренции на рынках, например, через поощрение развития малого и среднего бизнеса, упрощение процедур регистрации и лицензирования, уменьшение государственного вмешательства в экономику и др.

При этом, уточнение понятия недобросовестной конкуренции и дополнение списка ее проявлений в Федеральном законе «О защите конкуренции», могло бы усилить контроль за нарушениями в этой области и предотвратить произвол. Также, возможно, стоило бы ужесточить ответственность за нарушения антимонопольного законодательства и повесить штрафы до уровня, который будет в состоянии оттолкнуть хозяйствующих субъектов от намерения нарушать правила конкуренции. В целом, улучшение правового регулирования института конкуренции в Российской Федерации является важным шагом для поддержания здоровой конкурентной среды и защиты прав потребителей.

Для совершенствования правового регулирования института конкуренции в условиях цифровой экономики в РФ могут быть предприняты следующие меры:

1) Разработка новых нормативных актов, учитывающих специфику цифровой экономики и ее влияние на конкуренцию. Это может включать в себя уточнение определений, расширение списка запрещенных действий и методов нарушения антимонопольного законодательства, а также установление новых механизмов контроля за выполнением антимонопольного законодательства в цифровой сфере;

2) Укрепление ответственности за нарушение антимонопольного законодательства в цифровой экономике. Это может быть достигнуто через повышение штрафов и усиление мер административной и уголовной ответственности за нарушения конкуренции в цифровой сфере;

3) Развитие механизмов защиты прав потребителей в цифровой экономике. Это может включать в себя установление требований к защите данных и конфиденциальности, повышение прозрачности и доступности информации о товарах и услугах, а также расширение прав потребителей на возврат товара или услуги в цифровой сфере;

4) Усиление механизмов контроля за доминирующим положением в цифровой экономике. Это может быть достигнуто через установление новых критериев определения доминирующей позиции на цифровых рынках, а также через усиление механизмов контроля за слияниями и поглощениями в цифровой сфере;

5) Развитие международного сотрудничества в области правового регулирования конкуренции в цифровой экономике. Это может включать в себя обмен опытом, разработку общих стандартов и принципов, а также совместное рассмотрение крупных международных дел о нарушении конкуренции в цифровой сфере.

В целях преодоления отставания от стран-лидеров в применении информационных технологий необходимо повышение конкурентоспособности российских компаний на мировых рынках. В связи с чем одним из ключевых направлений развития государственного регулирования является антимонопольное регулирование в условиях развития цифровой экономики и ее глобализации. Также перед государством остро встает вопрос о необходимости актуализации правовых и технологических средств антимонопольного регулирования в условиях цифровой реальности с целью обеспечения благоприятной конкурентной среды и защиты конкуренции.

Основополагающими информационно-коммуникационными инструментами, которые могут быть использованы при осуществлении антимонопольного регулирования, должны стать:

- технологии обработки больших данных;
- блокчейн-технологии;
- интернет вещей;
- виртуальная и дополненная реальность;

- искусственный интеллект [15].

В качестве следующего направления необходимо закрепить антимонопольного комплаенса на законодательном уровне. Антимонопольный комплаенс представляет собой систему мер, направленных на соблюдение антимонопольного законодательства и предотвращение нарушений конкуренции на рынке. Он включает в себя правовое обучение, систему мониторинга и контроля, а также ответственность за нарушения. В настоящее время формирование правовой культуры соблюдения антимонопольного законодательства является необходимым базисом для улучшения ситуации в экономике с развитой конкуренцией, где хозяйствующие субъекты действуют добросовестно, не нарушая Закон о защите конкуренции, и это стало нормой для многих хозяйствующих субъектов [13].

Во многих странах, включая Россию, антимонопольный комплаенс не является обязательным требованием законодательства, но предприятия все чаще внедряют его, чтобы избежать штрафов и судебных разбирательств. Однако, закрепление антимонопольного комплаенса на законодательном уровне может повысить его эффективность и значимость для бизнеса. В законодательстве также могут быть предусмотрены меры стимулирования предприятий к внедрению антимонопольного комплаенса, такие как льготы, снижение штрафов или возможность участия в государственных закупках. Следовательно, закрепление антимонопольного комплаенса на законодательном уровне может помочь повысить эффективность его внедрения в бизнесе и обеспечить справедливую конкуренцию на рынке.

Исходя из вышеизложенного, автор статьи приходит к выводу, что на сегодняшний день, существует определенный ряд проблем в правовом регулировании института конкуренции в Российской Федерации. Недостатки антимонопольного законодательства и отсутствие эффективных механизмов защиты прав потребителей могут негативно сказаться на экономике и нарушить права потребителей. Для решения этих проблем необходимо усовершенствовать антимонопольное законодательство и усилить контроль за его соблюдением. Кроме того, важно проводить образовательную работу среди населения по вопросам конкуренции и защиты прав потребителей. Только таким образом можно обеспечить справедливую конкуренцию на рынке и защитить интересы всех участников экономических отношений.

В заключении можно отметить, что проблемы правового регулирования института конкуренции в Российской Федерации являются серьезными и требуют внимания со стороны государства. Недостатки антимонопольного законодательства, неэффективные механизмы защиты прав потребителей и низкая эффективность органов контроля за выполнением антимонопольного законодательства могут привести к нарушению конкуренции и ущербу для экономики и потребителей. Современные технологии и появление цифровой экономики также вносят свои коррективы в правовое регулирование конкуренции. Необходимо разработать новые механизмы контроля за деятельностью компаний в цифровой

сфере и ужесточить ответственность за нарушения антимонопольного законодательства. В целом, совершенствование правового регулирования института конкуренции в России является важным направлением для обеспечения эффективной конкуренции и защиты прав потребителей в условиях современной экономики.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Закон РСФСР от 22.03.1991 N 948-1 (ред. от 26.07.2006) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»
3. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О защите конкуренции»
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. «1632-р «Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»»
5. Андрианов Д.Н., Павлов Е.В. Проблемы правового регулирования конкуренции в российской федерации // Молодая инновационная Чувашия: творчество и активность. Сборник трудов XIX Международной Открытой научной конференции молодежи и студентов. - Чебоксары, 2022. - С. 456-459.
6. Белых С.В. Конституционно-правовое регулирование конкуренции в российской федерации // Конкурентное право. - 2022. - № 1. - С. 2-7.
7. Гарькавенко Л.В. Административно-правовое регулирование конкуренции // Сборник научных работ серии «Право». - 2021. - № 3 (23). - С. 43-55.
8. Дашин А.В., Шаповалов А.В., Павлисова Т.Е. Анализ правового регулирования конкуренции по российскому и зарубежному законодательству // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 7 (170). - С. 58-62.
9. Исаева Э.А., Косякин Ю.В. Правовое регулирование защиты конкуренции на товарных рынках // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». - 2021. - Т. 2. - С. 172-174.
10. Кормазова М.Х. Некоторые проблемы правового регулирования института конкуренции в Российской Федерации // Молодой ученый. - 2018. - № 41 (227). - С. 48-49.
11. Мачкалова А.Г., Гаджиакаева А.Я. Особенности административно-правовой поддержки и защиты конкуренции в РФ // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сб. статей по результатам международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Под редакцией Е.В. Евсиковой, И.В. Хмиль. - Симферополь, 2022. - С. 301-305.
12. Петров И.В. Актуальные вопросы правового регулирования конкуренции в условиях санкций // Власть Закона. - 2022. - № 4 (52). - С. 37-45.
13. Троценко О.С. Правовое регулирование отношений в сфере защиты конкуренции // Управление, экономика и право: проблемы, исследования, результаты. Сборник статей Международной научно-практической конференции. - Пенза, 2021. - С. 221-225.

14. Фан Т.А. Модернизация правового регулирования конкуренции в международных экономических отношениях // Вопросы устойчивого развития общества. - 2022. - № 6. - С. 661-668.

15. Щербак Е.Н. Правовое регулирование конкуренции на финансовом рынке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2022. - Т. 8. - № 2. - С. 224-234.

Legal regulation problems of the competition institution in the Russian Federation

Malfigin A.A., Veselkova E.E.

Moscow Finance and Law University MFLA

The article is dedicated to the analysis of problems in the legal regulation of the competition institution in the Russian Federation. The author examines the shortcomings of antitrust legislation, the lack of effective mechanisms for protecting consumer rights, and the low efficiency of regulatory bodies in enforcing antitrust laws. Possible ways to solve these problems are analyzed. The research shows that insufficient attention to the legal regulation of the competition institution in Russia may have a negative impact on economic development and lead to violations of consumer rights. The article also addresses the issue of improving the legal regulation of the competition institution in the context of the digital economy. The author concludes that it is necessary to improve antitrust legislation and strengthen control over its implementation.

Keywords: competition, legal regulation, antitrust legislation, consumer rights, control bodies.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).
2. RSFSR Law of 22.03.1991 No. 948-1 (as amended on 26.07.2006) «On Competition and Restriction of Monopolistic Activities on Commodity Markets».
3. Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ (as amended on 29.12.2022) «On Protection of Competition».
4. Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-р «Program "Digital Economy of the Russian Federation"».
5. Andrianov D.N., Pavlov E.V. Problems of Legal Regulation of Competition in the Russian Federation // Young Innovative Chuvashia: Creativity and Activity. Collection of Proceedings of the XIX International Open Scientific Conference of Youth and Students. - Cheboksary, 2022. - P. 456-459.
6. Belykh S.V. Constitutional and Legal Regulation of Competition in the Russian Federation // Competition Law. - 2022. - No. 1. - P. 2-7.
7. Garkavenko L.V. Administrative and Legal Regulation of Competition // Collection of Scientific Papers of the «Law» Series. - 2021. - No. 3 (23). - P. 43-55.
8. Dashin A.V., Shapovalov A.V., Pavlisova T.E. Analysis of Legal Regulation of Competition under Russian and Foreign Legislation // Eurasian Law Journal. - 2022. - No. 7 (170). - P. 58-62.
9. Isaeva E.A., Kosyakin Yu.V. Legal Regulation of Competition Protection in Commodity Markets // Proceedings of the International Symposium «Reliability and Quality». - 2021. - Vol. 2. - P. 172-174.
10. Korkmazova M.Kh. Some Issues of Legal Regulation of the Institute of Competition in the Russian Federation // Young Scientist. - 2018. - No. 41 (227). - P. 48-49.
11. Matchkalova A.G., Gadzhiakaeva A.Ya. Features of Administrative and Legal Support and Protection of Competition in the Russian Federation // Protection and Defense of Rights and Legitimate Interests in Modern Law: Collection of Articles Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. Edited by E.V. Evsikova, I.V. Khmil. - Simferopol, 2022. - P. 301-305.
12. Petrov I.V. Current Issues of Legal Regulation of Competition under Sanctions // Rule of Law. - 2022. - No. 4 (52). - P. 37-45.
13. Trotsenko O.S. Legal regulation of relations in the field of competition protection // Management, Economics and Law: Problems, Research, Results. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. - Penza, 2021. - P. 221-225.
14. Fan T.A. Modernization of legal regulation of competition in international economic relations // Issues of Sustainable Development of Society. - 2022. - No. 6. - P. 661-668.
15. Shcherbak E.N. Legal regulation of competition in the financial market // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. - 2022. - Vol. 8. - No. 2. - P. 224-234.

Правовые проблемы, связанные с задействованием искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности

Перькова Вера Васильевна

аспирант, кафедра гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургского Государственного экономического университета, adv9516455071@gmail.com

В настоящей публикации рассматривается юридический аспект использования искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности. На основе действующего законодательства раскрывается содержание искусственного интеллекта, устанавливаются правовые и юридические основания участия искусственного интеллекта в генерации охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности. В заключении делается вывод о том, что искусственный интеллект де-факто способен участвовать в фактических отношениях по формированию результатов интеллектуальной деятельности, однако де-юре не способен обладать какими-либо правами на последние

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, результаты интеллектуальной деятельности, авторское право, исключительное право

В настоящее время мировое экономическое и технологическое развитие в контексте постиндустриального общества в силу складывающихся объективно-исторических причин выдвинуло на передний план тренд цифровизации социального пространства. Причем цифровизация (диджитализация) – это закономерный этап эволюции информационного общества, целиком укладываемый в локус постиндустриализма. Данный вывод можно сделать на основе фундаментального труда Даниэля Белла, основателя идеи информационного общества, под названием «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования». Ученый, не говоря о цифровизации как таковой, обозначает критерии постиндустриального социума, под которые подпадает в том числе диджитализация: «1) масштабы и пределы технического подхода к решению социальных проблем; 2) оценка отраслей, производящих «знания», а не товары, и доли этих отраслей (коммерческих и некоммерческих) в экономике страны; 3) основы сплоченности любого нового класса, базирующегося на умениях, а не на владении собственностью; 4) возможность того, что технические специалисты и технократы превратятся в новый, господствующий класс (подобно буржуазии, которая появилась раньше развертывания крупной промышленности), заменяющий прежний класс буржуа»[5]. Отсюда следует, что цифровизация, хотя и является качественно новым этапом информатизации, но основывается на технократическом, компетенционном, инновационном и интеллектуальном фундаменте постиндустриализма.

Заметим, что цифровизацию в научной литературе нередко именуют цифровой трансформацией. По мнению М.А. Склера и К.В. Кудрявцевой, последняя включает в себя следующие тренды: «автоматизация бизнес-процессов с минимизацией участия человека, «интернет вещей», дополненная реальность, виртуальная реальность, 3-D моделирование и 3-D печать, технологии машинного обучения и искусственного интеллекта, связь цифровой экономики с робототехникой»[12]. При этом одним из основных, мейнстримных, направлений цифровизации в юридическом контексте, на наш взгляд, является искусственный интеллект, его юридический статус, пределы ответственности и возможность участия в правоотношениях с соответствующими правовыми последствиями.

Проблематика искусственного интеллекта в разрезе юриспруденции в последнее время стала активно разрабатываться отечественными учеными.

Авторы уделяют особое внимание правосубъектности искусственного интеллекта (А.В. Степанова)[14], участию искусственного интеллекта в судопроизводстве (Н.Н. Апостолова)[6], правовому статусу искусственного интеллекта и проблемам его нормативного правового регулирования (А.А. Васильев, И.Г. Крысанова-Кирсанова, А.В. Минбалева, С.А. Соменков, И.О. Трушина, Д. Шпопер, А.А. Щитова.) [8, 9, 11, 13, 15], влиянию искусственного интеллекта на трудовые правоотношения (Э.И. Лескина)[10] и уголовный процесс (А.Ю. Афанасьев)[7]. При этом надо понимать, что отмеченный перечень правовых проблем в сфере функционирования искусственного интеллекта носит далеко не полный характер, а перечисление всех юридических аспектов вовлеченности искусственного интеллекта в российское правовое поле потребовало бы отдельного исследования. Тем не менее, по нашему убеждению, в настоящее время остается слабо изученной проблема соотношения искусственного интеллекта с российским правом интеллектуальной собственности.

Из наиболее авторитетных исследований по данному вопросу следует выделить фундаментальное диссертационное изыскание П.М. Морхата под названием «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы»[3], в котором автор разбирает следующие аспекты затрагиваемой тематики: детерминанты неопределенности понятия «искусственный интеллект», исследование критериев творческого вклада искусственного интеллекта в создание результатов интеллектуальной деятельности, гражданско-правовое исследование потенциальной правосубъектности юнитов искусственного интеллекта, изучение правовых и фактических опций и последствий «экстраполяции модифицированных прав человека на юниты искусственного интеллекта»[3].

Однако рамками одного, пусть даже серьезного и концептуального, исследования невозможно исчерпать правовые нюансы вовлечения искусственного интеллекта в отношения, сопряженные с правом интеллектуальной собственности. Стало быть, назрела актуальная потребность в установлении действительных возможностей искусственного интеллекта в гражданско-правовых отношениях в сфере интеллектуальной собственности и результатов интеллектуальной деятельности и, в частности, в исследовании процесса задействования искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности.

Рассматривая обозначенную нами проблематику, заметим, прежде всего, что к настоящему времени в российской системе законодательства имеет место легальное определение понятия «искусственный интеллект». Содержание указанной правовой категории отражено в Федеральном законе «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и

внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ[2]. Не имея надобности дословно отражать законодательное определение искусственного интеллекта, раскроем компоненты последнего на основе нормы-дефиниции обозначенного федерального закона: 1) технологический (имитация когнитивных функций человека, в том числе свойства самообучаемости и поиска неалгоритмизированных решений отдельно взятых казусов, сопоставимость результатов деятельности искусственного интеллекта с итогами деятельности действительного (органического) интеллекта человека); 2) инфраструктурный («информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации»[2]); 3) программно-процессный (специальное программное обеспечение и сервисы).

Искусственный интеллект понимается российским законодателем, в первую очередь, как технология, а точнее, как набор технологий по обработке человеческого языка и речи, в том числе по распознаванию и синтезированию последней, а также по интеллектуальной поддержке генерирования и обоснования тех или иных решений. Потому не вызывает удивления то обстоятельство, что термин «интеллект» применяется в данном случае условно, ибо презюмируется, что комплекс технологических решений не способен в принципе обладать правовой субъектностью, присущей физическим лицам как носителям правоспособности (возможности субъекта права иметь гражданские права) и дееспособности (способности субъекта права своей активностью приобретать субъективные права и нести установленные законом юридические обязанности), включая сделкоспособность (способность участвовать в юридических фактах, влекущих становление, изменение и прекращение гражданских правоотношений) и деликтоспособность (способность нести юридическую ответственность за совершенные правонарушения). В свете вышесказанного соотношение человеческого интеллекта (который, между прочим, ложится в интеллектуальный компонент правового статуса физического лица наряду с компонентом волевым, целеполагательным) с интеллектом искусственным можно уподобить соотношению между организмом и композицией, где организм – это набор элементов, объединенных прочными и уникальными системными связями, детерминирующими уникальность, непохожесть и своеобразие, а композиция – это набор разрозненных консолидированных частей (пусть даже способных в целокупности решать некоторые задачи), не объединенных «органическим» единством.

Обозначим причины невозможности обладания искусственным интеллектом гражданско-правовой субъектностью. Во-первых, в отечественном праве отсутствует указание на юридически значимые обстоятельства, могущие свидетельствовать о появлении у искусственного интеллекта правосубъектности. Во-вторых, искусственный интеллект есть лишь совокупность технологий, используемых чело-

веком, что говорит не об их субъектности, а об объектности. В-третьих, важным компонентом правосубъектности является деликтоспособность, сопряженная с волевым компонентом, отсутствующим у искусственного интеллекта. В-четвертых, стоит обратиться к телеологической проблеме: внедрение технологии искусственного интеллекта направлено на улучшение качества жизни, повышение эффективности публичного управления, улучшение социальных отношений. То есть искусственный интеллект – это способ совершенствования общества, сопутствующий механизм, но никак не обладающая самоцелью субъектность, существующая для самой себя.

Теперь перейдем к характеристике результатов интеллектуальной деятельности (далее возможно сокращение – «РИД»). Под ними, согласно статье 1225 Части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ»), понимаются «произведения науки, литературы и искусства, программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ), базы данных, исполнения, фонограммы, сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания), изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, географические указания, наименования мест происхождения товаров, коммерческие обозначения»[1].

РИД входят в перечень объектов гражданских прав (статья 128 ГК РФ), что означает необходимость их правовой регламентации и охраны. Результаты интеллектуальной деятельности, с точки зрения гражданского законодательства, раскрываются в контексте принадлежности субъекту гражданских правоотношений имущественных (в первую очередь, исключительное право) и неимущественных (право следования, право доступа и пр.) прав (статья 1226 ГК РФ). Носителем первоначальных имущественных и неимущественных прав на РИД в настоящее время является только автор соответствующих результатов, однако он уполномочен передать свои исключительные права иным лицам на основании участия в договорных и иных отношениях (пункт 3 статьи 1228 ГК РФ).

В контексте вовлеченности искусственного интеллекта в процесс создания охраняемых РИД все вышеозначенное говорит о следующем.

Во-первых, искусственный интеллект как комплекс технологических решений по имитации человеческого интеллекта, конечно, может принимать фактическое участие в разработке результатов интеллектуальной деятельности, однако последние не могут закрепляться за искусственным интеллектом в силу отсутствия у него какой-либо гражданской правосубъектности.

Во-первых, в правоотношения в части результатов интеллектуальной деятельности (обладания исключительными правами, передачи таких прав, охраны авторских прав на результаты творческого

труда) могут быть вовлечены только граждане и юридические лица, а также публично-правовые субъекты. Это значит, что искусственный интеллект не обладает никакими правами на результаты интеллектуальной деятельности – как первоначальными, так и производными.

В-третьих, законодатель четко установил непреодолимую пропасть между носителем искусственного интеллекта (объектом вещных правоотношений) и теми результатами, которые были генерированы посредством технологии искусственного интеллекта. Это значит, что результаты интеллектуальной деятельности как исключительные права автора (физического лица) приобретают собственное юридическое значение и отделяются от материального носителя, в котором соответствующие результаты запечатлены (пункт 1 статьи 1227 ГК РФ).

В заключение заметим, что искусственный интеллект как часть материального мира способен участвовать в фактических отношениях по формированию результатов интеллектуальной деятельности, однако он не способен обладать какими-либо правами на последние как технология, априори лишённая гражданской и всякой другой правосубъектности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 декабря 2006 г. № 52 (часть I) ст. 5496.
2. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 апреля 2020 г. № 17 ст. 2701.
3. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Дисс. докт. юрид. наук: 12.00.03 / Российская государственная академия интеллектуальной собственности. М., 2018. 420 с.
4. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Автореф. дисс. докт. юрид. наук: 12.00.03 / Российская государственная академия интеллектуальной собственности. М., 2018. 48 с.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
6. Апостолова Н.Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. №3. С. 135-141.
7. Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Юридическая техника. 2021. №15. С. 571-574.

8. Васильев А.А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104). С. 23-26.

9. Крысанова-Кирсанова И.Г., Трушина И.О. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник экономической безопасности. 2022. №2. С. 104-107.

10. Лескина Э.И. Искусственный интеллект в сфере труда // Российское право: образование, практика, наука. 2020. №4. С. 111-117.

11. Минбалеев А.В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. №4. С. 82-87.

12. Скляр М. А., Кудрявцева К. В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. №3 (61). С. 103–114.

13. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №2. С. 75-84.

14. Степанова А.В. Проблематика правосубъектности искусственного интеллекта // Символ науки. 2020. №12-2. С. 62-67.

15. Щитова А.А. О потенциальной правоспособности искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2019. № 5 (173). С. 94-98.

Legal problems associated with the use of artificial intelligence in the creation of the results of intellectual activity

Perkova V.V.

St. Petersburg State University of Economics

This publication discusses the legal aspect of the use of artificial intelligence in the creation of the results of intellectual activity. On the basis of the current legislation, the content of artificial intelligence is disclosed, the legal and legal grounds for the participation of artificial intelligence in the generation of legally protected results of intellectual activity are established. In conclusion, it is concluded that artificial intelligence is de facto able to participate in actual relations for the formation of the results of intellectual activity, but de jure is not able to have any rights to the latter.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, results of intellectual activity, copyright, exclusive right

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of December 18, 2006 No. 230-FZ // December 18, 2006 No. 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of December 25, 2006 No. 52 (Part I) Art. . 5496.
2. Federal Law "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulations in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in a Subject of the Russian Federation – the Federal City of Moscow and Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" dated April 24 .2020 No. 123-FZ// Collection of Legislation of the Russian Federation dated April 27, 2020 No. 17 Art. 2701.
3. Morhat P.M. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: Diss. doc. legal Sciences: 12.00.03 / Russian State Academy of Intellectual Property. M., 2018. 420 p.
4. Morhat P.M. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: Abstract of the thesis. diss. doc. legal Sciences: 12.00.03 / Russian State Academy of Intellectual Property. M., 2018. 48 p.
5. Bell D. The coming post-industrial society. Experience of social forecasting. M.: Academia, 2004. 788 p.
6. Apostolova N.N. Artificial Intelligence in Legal Proceedings // North Caucasian Legal Bulletin. 2019. №3. pp. 135-141.
7. Afanasiev A.Yu. Artificial Intelligence in Criminal Procedure // Legal Technique. 2021. No. 15. pp. 571-574.
8. Vasiliev A.A., Shpopov D. Artificial intelligence: legal aspects // Proceedings of the Altai State University. 2018. No. 6 (104). pp. 23-26.
9. Krysanova-Kirsanova I.G., Trushina I.O. Legal status of artificial intelligence // Bulletin of economic security. 2022. №2. pp. 104-107.
10. Leskina E.I. Artificial intelligence in the sphere of labor // Russian law: education, practice, science. 2020. №4. pp. 111-117.
11. Minbaleev A.V. Problems of regulation of artificial intelligence // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2018. No. 4. pp. 82-87.
12. Sklyar M. A., Kudryavtseva K. V. Digitalization: main directions, advantages and risks // Economic revival of Russia. 2019. No. 3 (61). pp. 103–114.
13. Somenkov S.A. Artificial intelligence: from object to subject? // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. 2019. №2. pp. 75-84.
14. Stepanova A.V. The problem of the legal personality of artificial intelligence // Symbol of science. 2020. No. 12-2. pp. 62-67.
15. Shchitova A.A. On the potential legal capacity of artificial intelligence // Agrarian and land law. 2019. No. 5 (173). pp. 94-98.

Проблема правосубъектности носителей искусственного интеллекта

Перькова Вера Васильевна

аспирант, кафедра гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургского Государственного экономического университета, adv9516455071@gmail.com

В статье рассматривается проблема правосубъектности носителей искусственного интеллекта. Автор, рассматривая категорию правосубъектности в теоретико-правовой и цивилистической науке, понимает под ней неотъемлемую черту субъекта права, позволяющую последнему за счет обладания правоспособностью и дееспособностью иметь субъективные права и нести юридические обязанности в рамках существующего в определенном правовом порядке легального поля. Обозначается легальное определение искусственного интеллекта. Заявляется аргументация в пользу невозможности обладания искусственным интеллектом и его носителями правосубъектностью: 1) отсутствие в российском законодательстве указания на обстоятельства, могущие свидетельствовать о появлении у носителя искусственного интеллекта правосубъектности; 2) характеристика носителя искусственного интеллекта как вещи, которая не может одновременно являться субъектом; 3) невозможность носителя искусственного интеллекта обладать деликтоспособностью ввиду отсутствия волевого компонента; 4) искусственный интеллект есть технологические решения, которые не могут быть объектом; 5) искусственный интеллект и его носители есть средство улучшения жизни субъектов права, которое существует не для себя, а для удовлетворения потребностей субъектов

Ключевые слова: правосубъектность, искусственный интеллект, правоотношения, цифровизация

Развитие экономических отношений и непрекращающиеся технологические новации в условиях постиндустриального общества породили к настоящему времени всемирный тренд цифровизации, затрагивающий как общественное производство и сферу услуг, так и политико-правовую материю. Как отмечают исследователи процесса цифровой трансформации, характерными чертами последней являются «автоматизация бизнес-процессов с минимизацией участия человека, «интернет вещей», дополненная реальность, виртуальная реальность, 3-D моделирование и 3-D печать, технологии машинного обучения и искусственного интеллекта, связь цифровой экономики с робототехникой»[8]. Вместе с тем наибольший интерес исследователей и практиков сейчас привлекает именно искусственный интеллект, который внедряется почти что повсеместно: от банкинга и энергетики до оказания государственных услуг населению и политического управления обществом. При этом у специалистов юридической направленности в свете экспансии технологии искусственного интеллекта могут справедливо возникать вопросы о правовой субъектности виртуального «интеллекта». Подобный интерес, с нашей точки зрения, объясняется тем, что существуют опасения замены подлинного, человеческого интеллекта в бизнес-процессах и государственном управлении на интеллект цифровой, рукотворный. Стало быть, серьезному и всестороннему осмыслению должен подлежать вопрос о том, может ли искусственный интеллект в принципе являться субъектом юридической жизни в текущем отечественном правовом поле.

Однако, для того чтобы развить обозначенную во вступительном абзаце статьи проблематику, следует для начала дать общую характеристику правосубъектности как таковой, раскрыть ее сущность и содержание. Это позволит затем перейти к описанию искусственного интеллекта и последующему ответу на вопрос о том, можно ли перенести актуальные признаки правосубъектности на носителей искусственного интеллекта.

Говоря об общей характеристике правосубъектности, ее сущности и содержании, нам необходимо отметить, что категория «правосубъектность» в юридической науке относится, с одной стороны, к теории государства и права, а, с другой стороны, к цивилистической науке.

С точки зрения теории государства и права, правосубъектность «представляет собой правоспособность и дееспособность вместе взятые, т.е. правоспособность»[4]. Понятие правосубъектности «отражает те ситуации, когда правоспособность и дееспособность неразделимы во времени, органически сливаются воедино». Т.Н. Радько обращает внимание на привязку правовой субъектности к той или иной отрасли права. По его убеждению, «отраслевая право-

субъектность выступает как закрепленная правом способность лица иметь и реализовывать конкретные (в соответствии с отраслями права) юридические права, обязанности и законные интересы: конституционные, административные, гражданские, трудовые»[5]. Лако-ничное определение правосубъектности можно встретить у А.Г. Хабибулина и В.В. Лазарева; для ученых правосубъектность – это «способность быть субъектом права»[7]. Таким образом, из всего вышеизложенного мы можем заключить, что правосубъектность – это неотъемлемая черта субъекта права, позволяющая ему за счет обладания правоспособностью и дееспособностью иметь субъективные права и нести юридические обязанности в рамках существующего в определенном правопорядке легального поля.

Отметим, что, с точки зрения теоретико-правовой науки, правосубъектность – это атрибут субъекта права. А субъект права, в свою очередь, выступает в качестве компонента правовых отношений. В сущности, под правоотношением понимается «общественное отношение, урегулированное нормами права и участниками которого обладают соответствующими субъективными правами и юридическими обязанностями»[3]. Правоотношение как данность юридической материи возникает ввиду воздействия действительных (в данном случае – позитивных) правовых норм на поведение людей и отношения между ними. Кроме того, надо понимать, что правовая связь между самостоятельными в интеллектуальном и волевом отношении субъектами права, выражающаяся в валидных субъективных правах и юридических обязанностях, строится на нормах объективного права.

В рамках правовых отношений в теории государства и права принято выделять четыре составляющие: субъекты, объект, субъективное право и юридическую обязанность (иногда в качестве компонента правоотношений также обозначают юридические факты). Субъекты права могут быть представлены индивидуально (физические лица) и коллективно (юридические лица и публично-правовые образования – органы государственной власти и органы местного самоуправления). Объект права – это то, на что направлены действия субъектов права. В юридической теории в части объекта до сих пор отсутствует единая точка зрения по вопросу о том, что же представляет собой объект. Сторонники монистической концепции полагают, что объект – это только действия субъектов права, последователи плюралистического подхода убеждены в том, что объект следует понимать шире, так как к нему относится вся действительность – природная и социальная.

Субъективное право – это установленные в нормах позитивного права виды и границы возможного и/или дозволенного поведения. Структура субъективного права включает в себя: 1) право на самостоятельные, автономные активно-преобразовательные действия; 2) право требовать от правообязанного лица соответствующего поведения; 3) право притязания – то есть правомочие требовать применения государственного принуждения к правонарушителю; 4) возможность использования благ, вытекающих из правовых установлений. В отличие от субъективного права юридиче-

ская обязанность раскрывается посредством необходимости совершения определенных действий или отказа от их совершения, необходимости адекватного реагирования на законные требования управомоченного лица, необходимости несения правовой ответственности при нарушении юридических норм, необходимости воздерживаться от препятствования другому лицу в активной реализации своих прав и законных интересов.

В гражданско-правовой науке, где по очевидным причинам исследованию подлежит другой объект, понятие правосубъектности не привязывается к правоотношению, хотя и предусматривает включение правоспособности и дееспособности. Так, гражданская правосубъектность – это «социально-правовая возможность субъекта быть участником гражданских правоотношений»[6]. В русле цивилистического знания правосубъектность рассматривается как единство правоспособности (возможности субъекта права иметь гражданско-правовые права) и дееспособности (способности субъекта права своей активностью приобретать субъективные права и нести установленные законом юридические обязанности). При этом в содержание дееспособности включается сделкоспособность (способность участвовать в юридических фактах, влекущих становление, изменение и прекращение гражданских правоотношений) и деликтоспособность (способность нести юридическую ответственность за совершенные правонарушения).

С точки зрения действующего гражданского законодательства, правоспособность физического лица возникает в момент рождения и прекращается после смерти (пункт 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации)[1], дееспособность физического лица начинает действовать в полном объеме после достижения совершеннолетия (пункт 1 статьи 21 Гражданского кодекса Российской Федерации) и прекращается либо вследствие смерти, либо после вступления в законную силу решения суда о признании недееспособным. В случае с юридическими лицами момент возникновения правоспособности и дееспособности совпадает (дата регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц), как и момент прекращения (исключение из отмеченного ранее реестра).

Теперь необходимо разобраться с тем, что же представляет собой искусственный интеллект и носитель искусственного интеллекта. Согласно легальному определению[2], искусственный интеллект представляет собой набор технологических решений, посредством использования которых появляется возможность «имитировать когнитивные функции человека... и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Искусственный интеллект, согласно отмеченному акту, обладает способностями по самообучению и поиску неалгоритмизированных решений. Искусственный интеллект как составляющая технологической жизни включает в себя соответствующую информационную инфраструктуру, программное обеспечение, а также процессы и сервисы по работе с данными и поиску решений.

По нашему убеждению, сопоставления вышеназванной характеристики искусственного интеллекта с теоретическими положениями о правосубъектности вполне достаточно для того, чтобы заключить об отсутствии у искусственного интеллекта как такового и его носителей правовой субъектности. Во-первых, правосубъектность порождается и изменяется на основе какого-либо юридического факта (регистрация юридического лица, рождение, достижение совершеннолетия, эмансипация и пр.), а в российском законодательстве отсутствует указание на юридически значимые обстоятельства, могущие свидетельствовать о появлении у носителя искусственного интеллекта правосубъектности. Конечно, создание носителя искусственного интеллекта и запуск процессов, имитирующих когнитивную деятельность, может относиться к юридическим фактам, но к тем, которые не связаны с правами и обязанностями. Во-вторых, сам носитель искусственного интеллекта представляет собой техническое средство обработки информации, которое расценивается как объект правоотношений, но никак не в качестве субъекта. А объект права, очевидно, не может породить правовой субъект. В-третьих, важным компонентом правосубъектности является деликтоспособность, а для ее возникновения недостаточно интеллектуальных процессов и/или их имитации, как в случае с искусственным интеллектом. Также необходим волевой компонент деликтоспособности, который у искусственного интеллекта отсутствует и который не способен воссоздать его носитель. В-четвертых, как явствует из легального определения, искусственный интеллект есть комплекс технологических решений, а последние, как и носитель искусственного интеллекта, могут быть только объектами правоотношений. Наконец, в-пятых, если обратиться к названному ранее федеральному закону, можно заметить, что внедрение технологии искусственного интеллекта (что влечет воспроизводство соответствующих носителей) направлено на улучшение качества жизни, повышение эффективности публичного управления, улучшение социальных отношений. Проще говоря, искусственный интеллект – это способ совершенствования общества, сопутствующий механизм. И этот способ не может являться субъектом, потому как последние существуют для самих себя, а искусственный интеллект «существует» для обслуживания субъектов права – граждан, юридических лиц, институтов публичной власти.

Таким образом, в завершение статьи заметим, что искусственный интеллект и его носители к настоящему времени предстают, согласно действующему законодательству, в качестве объектов правоотношений. Это значит, что они не могут обладать правосубъектностью и активно участвовать в юридических отношениях.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

2. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 апреля 2020 г. № 17 ст. 2701.

3. Альбов А.П., Николюкин С.В. Теория государства и права. М.: Издательство Юрайт, 2016. 466 с.

4. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: курс лекций. М.: Юрист, 2007. 768 с.

5. Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Академический Проект, 2005. 816 с.

6. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник. В четырех томах. Том первый. Общая часть. М.: Статут, 2019. 576 с.

7. Хабибулин А.Г., Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2009. 624 с.

8. Скляр М. А., Кудрявцева К. В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. №3 (61). С. 103–114.

The problem of the legal personality of carriers of artificial intelligence Perkova V.V.

St. Petersburg State Economic University

The article deals with the problem of the legal personality of carriers of artificial intelligence. The author, considering the category of legal personality in theoretical legal and civil science, understands it as an integral feature of the subject of law, allowing the latter, due to the possession of legal capacity and legal capacity, to have subjective rights and bear legal obligations within the framework of the legal field existing in a certain legal order. The legal definition of artificial intelligence is indicated. Arguments are presented in favor of the impossibility of possessing artificial intelligence and its carriers as legal personality: 1) the absence in Russian legislation of an indication of circumstances that may indicate the appearance of legal personality in the carrier of artificial intelligence; 2) characterization of the carrier of artificial intelligence as a thing that cannot simultaneously be a subject; 3) the impossibility of the carrier of artificial intelligence to have tortiousness due to the absence of a volitional component; 4) artificial intelligence is technological solutions that cannot be an object; 5) artificial intelligence and its carriers are a means of improving the lives of subjects of law, which exists not for itself, but to meet the needs of subjects

Keywords: legal personality, artificial intelligence, legal relations, digitalization

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated December 5, 1994 No. 32 Art. 3301.
2. Federal Law "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulations in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in a Subject of the Russian Federation – the Federal City of Moscow and Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" dated April 24, 2020 No. 123-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated April 27, 2020 No. 17 Art. 2701.
3. Albov A.P., Nikolyukin S.V. Theory of Government and Rights. M.: Yurait Publishing House, 2016. 466 p.
4. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law: a course of lectures. M.: Yurist, 2007. 768 p.
5. Radko T.N. Theory of state and law: a textbook for universities. Moscow: Academic Project, 2005. 816 p.
6. Sukhanov E.A. Civil law: textbook. In four volumes. Volume one. A common part. M.: Statut, 2019. 576 p.
7. Khabibulin A.G., Lazarev V.V. Theory of state and law: textbook. M.: ID "FORUM": INFRA-M, 2009. 624 p.
8. Sklyar M. A., Kudryavtseva K. V. Digitalization: main directions, advantages and risks // Economic revival of Russia. 2019. No. 3 (61). pp. 103–114.

Правовые вопросы квалификации недобросовестного поведения, нарушающего публичный порядок

Седова Жанна Игоревна,

кандидат юридических наук, Российский государственный университет правосудия, Zhanna.sedova@EL5-energo.ru

С целью выявления особенностей квалификации недобросовестного поведения, нарушающего публичный порядок, на конкретных практических ситуациях, примерах судебной и арбитражной практики необходимо рассмотреть некоторые виды такого недобросовестного поведения, появившиеся в современном историческом периоде. Особенности соотношения принципа добросовестности, являющегося общим и общепризнанным принципами права, и оговорки о публичном порядке, являющейся императивной нормой права, в контексте квалификации недобросовестного поведения, нарушающего публичный порядок, представляет важную задачу в условиях введения государствами взаимных односторонних мер ограничительного характера (недружественных санкций). Заблуждение о том, что за применение недружественных санкций на территории РФ не установлена ответственность, должно быть развеяно, так как ответственность в этом случае наступает за нарушение публичного порядка РФ. Убытки, причиненные нарушением публичного порядка, также подлежат возмещению.

Ключевые слова: принцип добросовестности, общий принцип права, общепризнанный принцип права, отрицание недобросовестного поведения, публичный порядок, односторонние меры ограничительного характера.

Принцип добросовестности является общим принципом права для всех правовых систем, представляющим собой императивную норму права, которая обладает высшей юридической силой, и общепризнанным принципом международного права, характеризующимся сверхимперативностью и наивысшей юридической силой. Общий принцип права и общепризнанный принцип права соотносятся по своей юридической силе как категорический и сверхкатегорический императивы юридической силы. Из принципа добросовестности, обладающего свойством нормативной автономности, выкристаллизовываются требования к поведению субъектов любого правоотношения. Эти требования, сложенные в нормы-предписания императивного и сверхимперативного характера, направлены на защиту общества и государства от недобросовестного поведения как частных, так и публичных субъектов правоотношений.

В современных условиях геополитической турбулентности наиболее актуальное значение имеет необходимость защиты публичного порядка Российской Федерации. Соотношение двух таких императивных норм, как принципа добросовестности и оговорки о публичном порядке, требует отдельного исследования. Выявление недобросовестных практик, попирающих фундаментальные принципы и основы национального правопорядка, необходимо для оценки достаточности и эффективности правовых средств защиты публичного порядка.

Можно выделить следующие виды недобросовестного поведения, нарушающего публичный порядок:

1. Применение хозяйствующими субъектами односторонних недружественных мер ограничительного характера иностранного государства на территории Российской Федерации представляет собой недобросовестное поведение, нарушающее публичный порядок РФ.

Односторонние меры ограничительного характера представляют собой закрепленные в нормах национального права государства меры, предписывающие физическим и юридическим лицам, находящимся под его юрисдикцией, воздерживаться под страхом привлечения к юридической ответственности от совершения определенных действий [1, с. 108], в частности, не взаимодействовать с теми физическими и юридическими лицами, которые включены в специальные блокирующие перечни («санкционные списки»).

Российские юридические лица, не относящиеся к юрисдикции вводящего ограничительные меры ино-

странного государства, но опасаящиеся негативного влияния таких мер на их бизнес, в поисках защиты от односторонних ограничительных мер иностранных государств создают специальные правовых механизмы, направленные на их персональную защиту от негативного влияния ограничительных мер.

К таким правовым механизмам, самостоятельно и стихийно выработанным современной бизнес-практикой, можно отнести следующие:

1) включение в договоры положений (оговорок) о немедленном расторжении договора в случае включения контрагента в санкционный список определенного государства (в бизнес-практике такие положения контрактов принято называть «санкционными оговорками»);

2) требование иностранным контрагентом выдачи «сертификата конечного пользователя» (end-use certificate), в котором от российского контрагента требуется подтвердить: (а) что продаваемые ему товары будут использоваться исключительно в целях, описанных предметом договора; (б) что товары не будут использоваться, целиком либо частично, для проектов, имеющих отношение к определенным отраслям российской экономики; (в) что приобретаемые российским лицом товары не будут передаваться физическим или юридическим лицам, субъектам или объектам, находящимся на определенных территориях РФ и(или) использоваться на этих территориях; (г) что товары (их части), услуги или технологии не будут переданы или использованы на конкретных месторождениях;

3) включение в договор с иностранным контрагентом оговорки о применении иностранного права и применимой юрисдикции, чтобы была возможность воспользоваться мерами защиты, предусмотренными в нормативно-правовых документах государств, устанавливающих ограничительные меры. Если сторона договора отказалась от исполнения обязательств по договору в связи с введенными государством односторонними санкциями и в результате этого нарушила договор, то выдвинутые контрагентом требования по договору об исполнении обязательств в натуре, выплате договорных штрафов или убытков будут отклонены судами государства, вводящего санкции. Национальное законодательство о санкциях, как правило, защищает национальных физических и юридических лиц от таких требований: например, в санкционном праве ЕС предусмотрены положения о том, что суды ЕС должны отклонять требования, предоставленные им на рассмотрение, когда нарушение договора или исполнение с нарушениями вызвано соблюдением нарушившей стороной санкций и правил ЕС. Чтобы воспользоваться этой мерой защиты, сторонам договора следует понимать, что договор должен регулироваться законодательством ЕС, споры должны передаваться на рассмотрение в суд страны-члена ЕС, поскольку суды за пределами ЕС не обязаны соблюдать правила санкционного режима. Такие оговорки о применимом иностранном праве встречаются в договорах с контрагентами, расположенными

в юрисдикции, в отношении которой действуют ограничительные меры. Действительность такой оговорки в настоящее время обсуждается правоведами со ссылкой на то, что правовой основой ее включения в контракт могут являться Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 года и принцип «автономии воли сторон» (см. пункты 3.3.1 – 3.3.2 Принципов УНИДРУА 2016 г. и дело Арбитражного суда города Москвы № А40-126531/17-68-571) [5, с. 132], что делает такую оговорку с точки зрения права: допустимой, юридически действительной, закрепленной прямым волеизъявлением обеих сторон в договоре и отражающими справедливый баланс правоотношений участников бизнеса, действующих в условиях нескольких санкционных режимов разных стран;

4) утверждение в юридическом лице внутрикорпоративной политики о воздержании (Recusal Policy) членов совета директоров или топ-менеджеров от участия в обсуждении и решении вопросов, которые относятся к заключению сделок с контрагентом, включенным в санкционный список иностранного государства (такие положения могут быть инкорпорированы в устав компании и в положение о совете директоров, если члены совета директоров относятся к юрисдикции, в отношении которой действуют ограничительные меры). В частности, протокол заседания совета директоров должен содержать информацию о том, какие иностранные члены совета директоров не обсуждали, не участвовали в принятии решения, не голосовали, а также их участие в заседании не требовалось для обеспечения кворума такого заседания совета директоров, если вопрос повестки дня совета директоров, например, касался одобрения сделки с заблокированным лицом;

5) создание в холдинге регламента (основных принципов) по заключению сделок с заблокированными контрагентами, включенными в санкционные списки иностранного государства, в условиях «невозможности избегания» заключения таких сделок из-за обязательности соблюдения императивных норм собственного национального законодательства и других существенных причин;

6) расширение компетенции внутрикорпоративного комитета по комплаенсу относительно вопросов заключения сделок с заблокированными контрагентами, включенными в санкционные списки иностранного государства или интеграционных группировок государств (союза) [4, с. 164-184].

Возникает проблема того, что реализация российскими юридическими лицами на практике всех вышеприведенных выработанных «на скорую руку» механизмов и «санкционных оговорок» может создать факт нарушения публичного порядка Российской Федерации (статья 1193 Гражданского кодекса РФ). Стремление изобрести свои правовые механизмы защиты от санкционного режима иностранных государств может привести к косвенному признанию (или признанию «де факто») действия иностранных ограничительных мер в России и их фактическому применению на территории нашей

страны, что не допустимо в принципе. Факт признания юридическим лицом на территории собственного государства действия односторонних недружественных мер ограничительного характера иностранного государства будет являться нарушением публичного порядка отечественного государства – места инкорпорации такого юридического лица.

На Российской энергетической неделе в октябре 2022 года и на межрегиональном российском форуме классической юридической университетской науки «XII Пермский конгресс ученых-юристов» было отмечено новое применение статьи 1193 Гражданского кодекса РФ: если российскому лицу причинены убытки применением российским контрагентом, находящимся под контролем недружественного иностранного лица, норм иностранного права, а именно, односторонних недружественных мер ограничительного характера, которые противоречат публичному порядку Российской Федерации, то такие убытки подлежат возмещению на основании статьи 15 Гражданского кодекса РФ. Причинение частному лицу убытков нарушением публичного порядка должно быть наказуемо, поэтому несмотря на то, что в статье 1193 Гражданского кодекса РФ содержится только одна санкция – неприменение нормы иностранного права, противоречащей публичному порядку РФ, – можно утверждать, что за нарушение публичного порядка есть еще вторая косвенная санкция – возмещение убытков, причиненных нарушением публичного порядка.

Таким образом, если третейский суд (международный коммерческий арбитраж) вынесет решение, последствия исполнения которого, по сути, представляют собой признание иностранных государственных односторонних мер ограничительного характера, то такое решение нарушает публичный порядок Российской Федерации. Вследствие изложенного представляется возможным утверждать, что о нарушении публичного порядка Российской Федерации может также свидетельствовать: (1) признание на основании решения третейского суда действия иностранных государственных односторонних мер ограничительного характера (т.е. односторонних недружественных мер ограничительного характера иностранного государства) в Российской Федерации и их фактического применения на территории Российской Федерации в отношении российских физических и юридических лиц; (2) нарушение решением иностранного суда, третейского суда международного публичного порядка (например, нарушение присущих государству международных иммунитетов, нарушение порядка выдачи уполномоченным от имени государства лицом согласия на рассмотрение спора с участием государства в третейском разбирательстве или международном коммерческом арбитраже на территории другого иностранного государства) [4, с. 164-184].

Более того, последствия признания и исполнения решений иностранных судов, третейских судов надо проверять на непротиворечие публичному порядку через призму того, что последствия исполнения решения иностранного суда, третейского суда

свидетельствуют (не свидетельствуют) ли о признании действия иностранных государственных односторонних мер ограничительного характера (т.е. односторонних недружественных мер ограничительного характера иностранного государства) в Российской Федерации и их фактического применения на территории Российской Федерации в отношении российских физических и юридических лиц.

2. Нарушение юридическим лицом, подведомственным государству, порядка выдачи согласия государства на арбитрабельность спора в третейском суде (международном коммерческом арбитраже), представляет собой недобросовестное поведение, нарушающее международный публичный порядок.

Кроме того, элементом международного публичного порядка является порядок (правила) выдачи согласия государства на арбитрабельность в третейском суде (международном коммерческом арбитраже) споров с участием как самого государства (его органов), так и подведомственного ему юридического лица, что подтверждается, в частности, следующими примерами: Саудовская Аравия запрещает государственным компаниям соглашаться на арбитрабельность споров с их участием без согласия государства [8]. Правоспособность публичных субъектов права ОАЭ заключать арбитражные соглашения: (1) ограничена на федеральном уровне (любое федеральное правительственное ведомство, заключающее контракт, который включает арбитражную оговорку, должно получить предварительное одобрение Совета Министров ОАЭ после рассмотрения Министерством юстиции ОАЭ (Решение Совета Министров ОАЭ № 406/2 2003 от 15.09.2003); (2) имеет дополнительные особенности на локальном уровне, например, в Дубае (Правительство Дубая и его агентства: не должны заключить договор, регулируемый законами где-либо, кроме ОАЭ (Дубайская инструкция от 06.02.1988); не должны предусматривать в любом контракте арбитражное разбирательство за пределами Дубая (статья 36 Закона о правительственных контрактах Дубая, Закон Дубая № 6 от 1997 года) [6].

В международном праве отсутствует правило о том, что национальные нормы, ограничивающие участие в третейском разбирательстве (международном коммерческом арбитраже) государства или публичного юридического лица (то есть юридического лица, подведомственного государству), не оказывают влияние на признание недействительным арбитражного соглашения, заключенного государством, которое ввело такие национальные ограничения. Такое правило международного права не могло бы возникнуть наряду с Нью-Йоркской Конвенцией 1958 г., так как эта конвенция прямо касается вопроса правоспособности сторон обязывать себя с учетом требований (национального) персонального права (подпункт «а» пункта 1 статьи V Нью-Йоркской Конвенции 1958 г.). Также, статья 46 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969 не дает достаточной юридической базы для отказа государствам в получении выгоды от собственных национальных правил. В первую

очередь должно быть установлено одно важное обстоятельство, было ли способно государство или публичное юридическое лицо, заключившее арбитражное соглашение, отказаться в законном порядке от «защищающей» его нормы собственного национального права, ограничивающей его правоспособность на участие в третейском разбирательстве (международном коммерческом арбитраже). Такое поведение государства является допустимым в случае надлежащего представительства от имени государства. Подведомственное государству юридическое лицо (публичное юридическое лицо) не может в законном порядке отказаться от правового ограничения, установленного государством, к подведомственности которого это юридическое лицо относится. Арбитражное соглашение будет в таких случаях иметь порок, который не может быть реализован публичным юридическим лицом, если другая сторона (частный субъект права) сможет доказать «prima facie», что она не знала о существовании ограничения на участие публичного субъекта в третейском разбирательстве или международном коммерческом арбитраже (со ссылкой на злоупотребление правом). Для справки: концепция доказательств «prima facie» подразумевает под собой очевидное и достаточное доказательство, кажущееся достоверным при отсутствии опровержения; такие доказательства представляются в порядке опровержимой презумпции «при отсутствии доказательств в пользу противного». И наоборот, публичное юридическое лицо может ссылаться на недействительность арбитражного соглашения, если обеим сторонам был известен его порок, наносящий ущерб действительности арбитражного соглашения. В любом случае только публичное юридическое лицо (не частная компания) вправе возражать против действительности арбитражного соглашения, заключенного в противоречии с национальными правилами, за исключением случая, если в национальном праве есть прямое указание на возможность публичного лица заключать арбитражное соглашение [7, с. 192-193].

В одном из рассматриваемых МКАС при ТПП РФ дел (см. решение МКАС при ТПП РФ от 05.02.2019 по делу № М-59/2018) ответчик является органом государственного управления Республики Узбекистан, для которого установлен законодательный запрет на участие в третейском соглашении. Ответчик имеет имущество, переданное ему на праве полного хозяйственного ведения Республикой Узбекистан. При этом спор из договора, рассмотренный МКАС при ТПП РФ, подпадает под исключительную компетенцию государственных судов Республики Узбекистан, в силу чего выдача согласия государства Республики Узбекистан на арбитрабельность в международном коммерческом арбитраже спора с участием ответчика, как органа государственного управления или как юридического лица, подведомственного государству, в принципе является невозможным. Иначе такое согласие нарушило бы исключительную компетенцию национальных судов, установленную тем же государством.

С 1 апреля 2018 года согласно статье 240 Экономического процессуального кодекса Республики Узбекистан спор из договора купли-продажи подпадает под исключительную компетенцию судов Республики Узбекистан, как спор с участием иностранных лиц в отношении имущества, являющегося собственностью Республики Узбекистан. При этом частью 2 статьи 5 Закона Республики Узбекистан «О третейских судах» и пунктом 3 Постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Узбекистан № 238 от 15.06.2012 установлен прямой запрет на участие органов государственной власти и управления в третейских соглашениях, при этом ответчик является органом государственного управления согласно Указу Президента Республики Узбекистан от 28.01.1992 № УП-326 «О создании Национальной авиакомпании Узбекистана».

Таким образом, МКАС при ТПП РФ не имел компетенции на рассмотрение спора из Договора как в связи с отсутствием согласия Республики Узбекистан на рассмотрение спора в международном коммерческом арбитраже, так и в связи с невозможностью нарушения исключительной компетенции национальных судов Республики Узбекистан. Более того, посредством признания своей компетенции по спору МКАС при ТПП РФ нарушил принцип недопустимости изменения соглашением сторон исключительной компетенции национального суда, вытекающей из внутреннего законодательства Республики Узбекистан.

Игнорирование принципа невозможности (недопустимости) обхода исключительной компетенции национальных государственных судов соглашением сторон спора является обходом закона. Запрет обхода закона представляет собой предел осуществления субъективных прав участников коммерческого оборота [3, с. 21-25].

Кроме того, следует обратить внимание на соблюдение принципа добросовестности при оценке самим третейским судом (международным коммерческим арбитражем) исполнимости (неисполнимости) выносимого решения. Нарушение решением третейского суда международного публичного порядка в части игнорирования третейским судом принципа недопустимости изменения соглашением сторон исключительной компетенции национального государственного суда, вытекающей из внутреннего законодательства страны места исполнения данного решения, является нарушением публичного порядка стран как места вынесения решения, так места исполнения решения. В результате такое решение третейского суда объективно является заведомо неисполнимым, а вынесение заведомо неисполнимого решения является нарушением принципа добросовестности. Зная о невозможности исполнения такого решения вследствие нарушения международного публичного порядка и национального публичного порядка, российский уполномоченный суд должен отменить данное решение по основанию подпункта 2 пункта 2 статьи 34 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 № 5338-1 в порядке части 5 статьи 233 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Таким образом, если третейским судом при вынесении решения был нарушен международный публичный порядок, который составляет часть публичного порядка Российской Федерации, то для нарушения международного публичного порядка не имеет значение, каким правом (иностранном или российским) он нарушен, так как нарушение международного публичного порядка может быть допущено посредством ненадлежащего применения любого национального права.

Анализ и обобщение иностранной судебной практики демонстрирует возможность применение оговорки о публичном порядке для предотвращения нарушения международного публичного порядка и для целей предотвращения обхода закона.

Существует соподчиненность национального публичного порядка общему международному публичному порядку, так как любое государство является элементом мирового публичного порядка [2, с. 10-13]. Таким образом, нарушение международного публичного порядка, выразившееся в: (1) нарушении третейским судом (международным коммерческим арбитражем) посредством признания своей компетенции по спору принципа недопустимости изменения соглашением сторон исключительной компетенции национального суда, вытекающей из внутреннего законодательства страны; (2) игнорировании третейским судом (международным коммерческим арбитражем) запрета обхода закона; (3) нарушении принципа добросовестности посредством вынесения третейским судом (международным коммерческим арбитражем) заведомо неисполнимого решения, – является одновременно нарушением как международного публичного порядка, так и любого национального публичного порядка, что делает применимой норму подпункта «b» пункта 2 статьи V Нью-Йоркской Конвенции 1958 г.

Вынесенное по российскому праву решение третейского суда может нарушать публичный порядок Российской Федерации как неотъемлемую часть международного публичного порядка, если будет доказано, что такое решение третейского суда нарушило международный публичный порядок.

Вышеприведенные примеры видов недобросовестного поведения, нарушающего публичный порядок, характеризуются сложностью квалификации такого поведения из-за множества фактических обстоятельств, совокупность которых необходимо устанавливать судам в каждом конкретном деле с учетом того, какой именно публичный порядок попирается, национальный или международный. Следует отметить также разнообразие фактических обстоятельств дела, влияющих на квалификацию добросовестности или недобросовестности поведения сторон, а также необходимость установления нарушенных норм и правил, составляющих публичный порядок.

Отдельный интерес в сфере международного права представляют **заверения государств, являющихся сторонами международного договора, о соответствии предмета их соглашения основам публичного порядка.**

В частности, в пункте 4 статьи 14 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Узбекистан атомной электростанции от 07.09.2018 и в пункте 4 статьи 15 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Замбии о сотрудничестве в сооружении Центра ядерной науки и технологий на территории Республики Замбии от 16.02.2017 даны заверения по поводу соответствия публичному порядку, согласно которым Республика Узбекистан и Республика Замбии соответственно подтверждают, что деятельность, осуществляемая в рамках указанных международных соглашений, полностью соответствует национальному публичному порядку и интересам общества этих стран и никоим образом не противоречит им.

Таковыми заверениями стороны соглашения исключили возможность ограничения по основаниям публичного порядка в дальнейшем деятельности по сооружению атомной электростанции на территории Узбекистана и деятельности по осуществлению пусконаладочных работ, ввода в эксплуатацию и эксплуатации Центра ядерной науки и технологий на территории Замбии, выполняемым на основе проектов Российской Федерации. Однако открытым остаётся вопрос о том, какой круг вопросов согласован как соответствующий публичному порядку этих стран, так как понятие «деятельности, осуществляемой в рамках соглашения» является широким и не исключающим ситуацию осуществления такой деятельности застройщиком с нарушениями императивных норм национального права места строительства.

Учитывая, что, как правило, правовое регулирование государства направлено на защиту собственного национального публичного порядка, то интерес представляет предоставление правовой защиты публичному порядку других государств. Например, статья 9 «Модельного закона об основах регулирования Интернета (новая редакция)», принятого 25.11.2016 Постановлением 45-12 на 45-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, предусматривает в рамках международного сотрудничества в области регулирования Интернета, что национальный регистратор должен принять такие правила регистрации доменных имен второго уровня в национальном сегменте Интернета, которые бы позволяли аннулировать регистрацию доменных имен, нарушающих публичный порядок других государств.

Данный пример демонстрирует, что несмотря на научную полемику по поводу включения в понятие «территория государства» киберпространства (хотя бы в части его национального сегмента, образуемого инкорпорацией субъектов, обеспечивающих работу сети «Интернет», и местонахождением соответствующего оборудования, необходимого для работы сети «Интернет»), категория публичного порядка уже вводится первыми нормами права, направленными на регулирование киберпространства. При этом важным моментом является то, что

эти нормы защищают национальные публичные порядки других государств, то есть, по сути, направлены на защиту международного публичного порядка.

Вышеприведенный анализ примеров судебной и арбитражной практики, коммерческих отношений как между частными, так и между публичными субъектами указывает на актуальность защиты публичного порядка через требования принципа добросовестности в период сложной геополитической ситуации в мире из-за взаимного введения государствами односторонних мер ограничительного характера. Недопустимость нарушения публичного порядка является одним из видов отрицания недобросовестного поведения в праве. При этом отрицание недобросовестного поведения представляет собой универсальный метод правового регулирования, присущий принципам справедливости и добросовестности. Отрицание поведения, нарушающего публичный порядок, выражено в обязательных нормах-запретах международного и национального права. Однако сложность применения этих запретов обусловлена, во-первых, критерием исключительности их применения и, во-вторых, трудностями квалификации недобросовестного поведения, нарушающего публичный порядок, в условиях постоянно изменяющихся фактических обстоятельств.

Литература

1. Гландин С. Экстерриториальность санкций в действии // *Международное правосудие*. 2018. № 2(26). С. 105-122.
2. Морозова Ю.Г. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: понятие и современный порядок применения», М. - 2001.
3. Ряполова О.А. Запрет на обход закона как предел осуществления субъективных прав участниками гражданского оборота // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. № 11. С. 21-25.
4. Седова Ж.И. Государственные односторонние меры ограничительного характера и правовые механизмы защиты бизнеса от негативного влияния иностранных ограничительных мер // *Российский ежегодник международного права*. - Санкт-Петербург: Российская ассоциация международного права. Изд-во ООО «Контраст», 2019. С. 164-184.
5. Старженецкий В., Бутырина В., Драгунова Ю. Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов бизнеса // *Международное правосудие*, № 4(28). 2018. С. 126-139.
6. Arbitration in Dubai and the UAE // Herbert Smith Freehills: сайт. 23.09.2013. URL: <https://hsfnotes.com/wp-content/uploads/sites/4/2013/09/Middle-East-Briefing-Note.pdf>.
7. Jean-Francois Poudret, Sebastien Besson. Comparative Law of International Arbitration. Second Edition Updated And Reviewed // Thomson, Sweet&Maxwell, Schulthess. 2007.
8. Nicole O'Donnel. International Commercial Court in Middle East // *The American Review of International Arbitration (Columbia Law School)*: сайт. 25.01.2018. URL: <http://aria.law.columbia.edu/international-commercial-arbitration-in-the-middle-east/>.

Legal issues of qualification of bad faith conduct violating public policy Sedova Zhanna Iгореvna,

Russian State University of Justice

In order to identify the specifics of qualification of bad faith conduct that violates public policy, on specific practical situations, examples of judicial and arbitration practice, it is necessary to consider some types of such unconscientious behavior that have appeared in the modern historical period. Features of the correlation between the principle of good faith, which is a general and generally recognized principles of law, and the public policy clause, which is a peremptory norm of law, in the context of qualification of bad faith behavior that violates public policy, is an important task in the context of the introduction by States of mutual unilateral restrictive measures (unfriendly sanctions). The misconception that there is no liability for the application of unfriendly sanctions on the territory of the Russian Federation should be dispelled, since liability in this case comes from violation of the public policy of the Russian Federation. Losses caused by the violation of public policy are also subject to compensation.

Keywords: principle of good faith, general principle of law, generally recognized principle, denial of bad faith conduct, public policy (order), unilateral restrictive measures.

References

1. Glandin, S. Extraterritoriality of sanctions in action // *International Justice*. 2018. № 2(26). С. 105-122. (In Russ.)
2. Morozova, Y.G. Author's thesis for the degree of Candidate of Sciences "Reservation of public order in international private law: concept and modern procedure of application", Moscow - 2001. (In Russ.)
3. Ryapolova, O.A. The prohibition on circumvention of the law as a limit to the exercise of subjective rights by participants of civil circulation // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2015. № 11. С. 21-25. (In Russ.)
4. Sedova, J.I. State unilateral restrictive measures and legal mechanisms of protection of business from negative influence of foreign restrictive measures // *Russian Yearbook of International Law*. - Saint Petersburg: Russian Association of International Law. Izdvo LLC "Contrast", 2019. p. 164-184. (In Russ.)
5. Starzhenetsky, V., Butyrina, V., Dragunova, Y. Economic sanctions through the eyes of Russian judges: between the protection of public order and business interests // *International Justice*, No. 4(28). 2018. С. 126-139. (In Russ.)
6. Arbitration in Dubai and the UAE // Herbert Smith Freehills: сайт. 23.09.2013. URL: <https://hsfnotes.com/wp-content/uploads/sites/4/2013/09/Middle-East-Briefing-Note.pdf>.
7. Jean-Francois Poudret, Sebastien Besson. Comparative Law of International Arbitration. Second Edition Updated And Reviewed // Thomson, Sweet&Maxwell, Schulthess. 2007.
8. Nicole O'Donnel. International Commercial Court in Middle East // *The American Review of International Arbitration (Columbia Law School)*: сайт. 25.01.2018. URL: <http://aria.law.columbia.edu/international-commercial-arbitration-in-the-middle-east/>.

Транссексуализм в современном обществе – проблемы медицинского и трудового права: национальный опыт и международная практика

Смолина Юлия Васильевна

аспирант кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, julias.uzts@mail.ru

В данной статье рассмотрены основные проблемы относительно соблюдения трудовых прав трансгендеров в Российской Федерации, проведен анализ зарубежной практики относительно решения данной проблемы, также в статье подробно проведен анализ отнесения транссексуализма к психическим расстройствам личности либо к нарушению полового самопознания, в связи с этим поставлен вопрос о том – не приведет ли лояльность действующего законодательства Российской Федерации в будущем к проблемам в медицинском и трудовом праве.

Ключевые слова: трудоустройство; транссексуализм; дискриминация; трансгендеры; пол.

Тенденция развития современного российского общества относительно свободного выбора половой принадлежности выявила неподготовленность законодательства Российской Федерации к подобным изменениям. В нашей стране к подобным тенденциям развития оказалось не готово не только действующее законодательство, но и общество в целом. В настоящее время общество осознало, что острым встал вопрос относительно позиции по отношению к трансгендерам как отдельной категории. И в данном случае, если общество проявит толерантность, то и действующему законодательству придется готовиться к глобальным изменениям, если же общество в настоящее время будет не готово принять подобные современные взгляды, то и действующее законодательство не претерпит изменений относительно половой принадлежности личности и всех вытекающих из этого прав и обязанностей. Уже несколько десятилетий активно защищаются права трансгендеров в западных странах, данная тенденция коснулась и нашей страны, в связи с чем и назрела необходимость решения вопроса о внесении изменений в действующее законодательство либо путем признания прав трансгендеров и определения данного типа людей как отдельного пола и, соответственно, внесения глобальных изменений в действующее законодательство Российской Федерации либо признания транссексуализма проблемой психического сознания личности и, соответственно, внесение изменений в отдельные нормативные акты относительно необходимости лечения данного заболевания. Стоит отметить, что лишь западные страны выступают за права трансгендеров в современном обществе, в то время как большинство мусульманских стран не видит в данном явлении проблемы, так как в данных странах, в связи с вероисповеданием, такое явление как транссексуализм не нашло отражение в современном обществе.

Проблема действующего законодательства Российской Федерации состоит в том, что работодатель оказывается наиболее уязвимым субъектом в данной цепочке отношений, возникающих в связи со сменой пола работника, так как в действующем трудовом законодательстве Российской Федерации имеются гендерные ограничения на занятие определенных должностей лицами женского пола [8]. Законодатель объясняет данные ограничения заботой о репродуктивной функции женщины, при этом не объясняя, что делать в случае смены пола, но с сохранившейся репродуктивной функцией женщины. Ведь в этом и состоит сущность транссексуализма – происходит смена пола на бумажных носителях (документах) и появляются «атрибуты» другого пола в

виде щетины и макияжа, маникюра и т.д., при этом по сути не происходит смены пола, который заложен природой при рождении. Также существует проблема медицинской тайны относительно смены пола, но как ее сохранить при ведении трудовой книжки на бумажном носителе? Но наиболее скрытая, но от этого не менее важная проблема состоит в том, что трансгендеры (лица женского пола, которые при смене документов на лицо мужского пола) оставляют за собой возможность сохранения репродуктивной функции женщины. То есть в теории, в настоящее время могут появиться лица мужского пола, которые могут оказаться беременными, в связи с чем вскроются огромные проблемы медицинского права относительно родоразрешения, получения родового сертификата, обменной карты, материнского капитала и т.д. Каким образом в данном случае будет оформляться отпуск по беременности и родам, который в настоящее время положен только женщинам? Также отдельным пунктом стоит поставить вопрос относительно пенсионного обеспечения лиц, сменивших пол – как в таком случае рассчитывать пенсионный возраст, а также момент наступления пенсионного обеспечения. И что делать в случае, если лицо после назначения пенсии снова сменило пол? Если рассматривать данную проблему не только в контексте трудового и медицинского права, а расширить поле рассуждений, тогда мы можем увидеть, что действующее законодательство столкнется с проблемами и в уголовном праве относительно места отбывания наказания данных лиц – в исправительное учреждение какого типа помещать данных лиц - в женской или мужской исправительной колонии им придется отбывать наказание? Разрешение подобных вопросов и должно стать основанием внесения изменений в действующее законодательство Российской Федерации.

Проблемы, возникающие в медицинском и трудовом праве относительно трансгендеров в настоящее время не могут быть в полном объеме разрешены, так как до сих пор в медицине не решен вопрос относительно того, относится ли транссексуализм в психическим расстройствам личности либо является нарушением полового самопознания. Если придерживаться точки зрения врачей-психиатров, которые считают, что транссексуализм является нарушением полового самосознания, проявляющимся в стойком убеждении своей принадлежности к противоположному полу, чувством дискомфорта, связанным с полом и неуместностью своей половой роли, несмотря на правильное развитие репродуктивных органов и вторичных половых признаков, то можно провести параллель о том, что это добровольный выбор каждого человека, а значит и добровольный выбор изменения прав и обязанностей, в том числе и трудовых, которые впоследствии произойдут. В российском законодательстве долгое время отсутствовали правила об основаниях, условиях и порядке проведения операций по смене пола, а о правовом положении лиц, подвергшихся подобной операции, правила отсутствуют до сих пор. Лишь статья 70 Федерального закона «Об актах

гражданского состояния»[7] содержит упоминание: орган записи актов гражданского состояния составляет заключение о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния, если представлен документ об изменении пола, выданный медицинской организацией по форме, установленной Министерством здравоохранения Российской Федерации[6].

В западных странах уже существует судебная практика по данной категории споров. В 2008 году проходил один из примечательных судебных процессов в США (в г. Нью-Йорк) в 2008 году. Лицо мужского пола приняло решение стать женщиной, в связи с чем была сделана операция смене пола. После этого данное лицо приняло решение устроиться в магазин женской парфюмерии и косметики. При трудоустройстве данное лицо не сообщило своему работодателю о проведенной операции, следовательно, данное лицо было принято в женский коллектив. В должностные обязанности данного лица помимо продажи косметики и парфюмерии входили и погрузо-разгрузочные работы, данные работы оплачивались как работы за выполнение тяжелого (мужского) труда, так как работодатель был уверен, что в данном коллективе работают только женщины, и данные работы требуют физических усилий. Также данный работник в конце каждого квартала бесплатно получал косметическую и парфюмерную продукцию в качестве дополнительного бонуса от компании (подобный бонус получали все сотрудницы женского пола, работающие в компании). Спустя определенное время у работодателя возникли подозрения по поводу половой принадлежности данного лица. По приказу работодателя и с письменного согласия работника были проведены анализы (в том числе анализ гормонов), результаты которых показали, что работник является лицом мужского пола. Работодатель уволил работника и обратился в суд, который признал действия работника злоупотреблением правом, так как при трудоустройстве данный работник не предоставил работодателю информацию о своей половой принадлежности. Суд в своем решении обязал работника произвести возврат работодателю денежных средств, полученных в качестве денежной надбавки за выполнение тяжелого для женщины труда, а также вернуть денежную сумму, эквивалентную стоимости всей полученной в качестве дополнительного бонуса парфюмерии и косметики. В данном случае злоупотребление правом заключается в том, что один субъект реализует свои законные права за счет пренебрежения законными правами и интересами другого субъекта или даже их ущемления.. Если провести сравнительный анализ наличия в действиях данного работника злоупотребления правом, с позиции российского законодательства, то прежде всего необходимо ответить на вопрос – должен ли соискатель при приеме на работу и работник, заключивший трудовой договор, сообщать работодателю о факте смены пола? Статьей 65 Трудового кодекса Российской Федерации[5] установлен исчерпывающий перечень документов, которые соискатель предъявляет работодателю при приеме на

работу. Согласно части 3 указанной статьи, работодателю запрещено требовать от лица, поступающего на работу, иные документы, помимо тех, которые предусмотрены нормативными правовыми актами не ниже по юридической силе, чем постановления Правительства Российской Федерации. В связи с этим встает вопрос о расширении данного перечня документов, с связи с реалиями современного общества

В зарубежных странах данная проблема разрешается по-разному. В 2007 г. в Испании был принят Закон «О половой идентичности», позволивший транссексуалам официально менять имя и документы, удостоверяющие личность, не делая предварительно операции по изменению пола. Постепенно встал вопрос о механизмах защиты транссексуалов от дискриминации. Международное сообщество предпринимает попытки обеспечить их эффективную защиту от различных сфер дискриминации. Так, в Замечаниях общего порядка № 20 Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам заявил, что «в качестве одного из запрещенных оснований для дискриминации признается гендерная идентичность». Общий подход к проблематике обеспечения прав человека в контексте вопросов сексуальной ориентации и гендерной идентичности был сформулирован в документе под названием Джокьякартские принципы 2006 г., подготовленные экспертами в области прав человека. В данных принципах декларируется, что государства должны признать и гарантировать право на равенство и недискриминацию, проводить образовательные и просветительские мероприятия, направленные на обеспечение обладания всеми правами и свободами для всех лиц в полном объеме вне зависимости от их гендерной идентичности. Документ рекомендует государствам принимать «все необходимые меры законодательного, административного и иного характера с целью обеспечения равного доступа, без дискриминации по признаку гендерной идентичности, содействие “лицам, заинтересованным в физической коррекции тела в связи с изменением пола” (Аблятипова Н. А., Тихомаева В. С., 2019).

Еще одна проблема трансгендеров – пенсионное обеспечение. Право на пенсию определяется, исходя из паспортного пола на текущий момент. Если речь идет о трансгендерной женщине, которая сменила паспортный пол с мужского на женский, то она вправе получать пенсию по старости с 60 лет, а если о трансгендерном мужчине, изменившем пол в документах – с 65 лет. Практика по данному вопросу формируется и у Европейского суда по правам человека – Постановление ЕСПЧ от 23.05.2006 по делу «Грант (Grant) против Соединенного Королевства» (жалоба N 32570/03)» (Калайтанова Н. А., 2017).

В связи с вышеизложенным, становится очевидно, что существует необходимость законодательного регулирования многих вопросов, относящихся к данной категории лиц. Но самый главный ответ на вопрос должен быть предоставлен медицинским правом, которое и определит является ли

транссексуализм психическим заболеванием или все же данное отклонение от существующих норм является нарушением полового самосознания. В случае, если признать транссексуализм психическим заболеванием, то значительно уменьшится круг нормативных актов, в которые стоит вносить изменения. Если же признать транссексуализм нарушением полового самосознания, то стоит готовиться не только к значительным изменениям действующего законодательства Российской Федерации, но и к глобальным переменам действующего сознания нашего общества, которое, на мой взгляд, к этому пока не готово.

Помимо определения отнесения транссексуализма к психическим заболеваниям или половому самосознанию, стоит обратить и еще на один аспект данного вопроса – не противоречит ли данное явление действующим нормам относительно пропаганды ЛГБТ сообществ, которые закреплены в законе [4]. Также Кодексом об административных нарушениях (статья 6.21) пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо смены пола, выразившаяся в распространении информации и (или) совершении публичных действий, направленных на формирование нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо смены пола или искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях и (или) предпочтениях либо смене пола, вызывающей интерес к таким отношениям и (или) предпочтениям либо смене пола, за исключением случаев, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, -влечет наложение административного штрафа. В настоящее время в нашем законодательстве происходит противоречие норма права относительно трансгендеров. Действующее законодательство не запрещает смену пола, даже без проведения операции, но в тоже время и вносит запрет на пропаганду нетрадиционных предпочтений. В данном случае, видимо, стоит разбираться в другом вопросе – а что такое пропаганда – это призыв остальных быть такими как трансгендеры или достаточно появления в общественном месте?

Подводя итог исследованию такого явления как транссексуализм и его появления в нашем обществе, стоит отметить, что российское общество придерживается традиционных семейных ценностей относительно половой принадлежности личности, следовательно и такое явление как транссексуализм воспринимается негативно в нашем обществе, в связи с чем, стоит отнести транссексуализм к психическим заболеваниям личности, тем самым избежав внесения глобальных изменений в действующее законодательство Российской Федерации.

Литература

1. Аблятипова Н. А., Тихомаева В. С. Правовые последствия изменения пола в Российской Федера-

ции: гражданско-правовой и семейно-правовой аспект // Вопросы российского и международного права. 2019. № 7-1. С. 91-99.

2. Калайтанова Н. А. Смена пола. Повторный процесс социализации трансгендеров // Проблемы и перспективы развития гуманитарных и социально-экономических наук: материалы Междунар. Науч. конф. Белгород, 2017, С. 30- 33.

3. Офман Е. М., Станскова У. М. Противодействие злоупотреблению правом: зарубежный опыт и трудовое законодательство Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 57-62.

4. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 14.04.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28042023g

5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 65.

6. Федеральный закон "Об актах гражданского состояния" от 15.11.1997 N 143-ФЗ от 15 ноября 1997 года. СПС Консультант Плюс// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/. Дата обращения 20.03.2023г.

7. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 850н «Об утверждении формы и порядка выдачи медицинской организацией документа об изменении пола» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.01.2018 № 49695) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. Дата обращения 20.03.2023г.

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 г. № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 10. Ст. 1130

Transsexualism in modern society – problems of medical and labor law: national experience and international practice

Smolina Yu.V.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

This article examines the main problems regarding the observance of the labor rights of transgender people in the Russian Federation, analyzes foreign practice regarding the solution of this problem, and also analyzes in detail the attribution of transsexuality to mental personality disorders or to a violation of sexual self-knowledge, in this regard, the question is raised whether loyalty to the current legislation of the Russian Federation Federation in the future to problems in medical and labor law.

Keywords: employment; transsexualism; discrimination; transgender people; gender.

References

1. Abyatipova N. A., Tikhomaeva V. S. Legal consequences of gender reassignment in the Russian Federation: civil law and family law aspects // Issues of Russian and international law. 2019. No. 7-1. pp. 91-99.
2. Kalitanova N. A. Sex change. The repeated process of socialization of transgenders // Problems and prospects for the development of the humanities and socio-economic sciences: materials of the Intern. Scientific conf. Belgorod, 2017, pp. 30-33.
3. Ofman E. M., Stanskova U. M. Countering the abuse of law: foreign experience and labor legislation of the Russian Federation // Labor law in Russia and abroad. 2011. No. 1. S. 57-62.
4. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on April 14, 2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_04282023
5. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 65.
6. Federal Law "On acts of civil status" dated November 15, 1997 N 143-FZ dated November 15, 1997. SPS Consultant Plus // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/. Retrieved 20.03.2023
7. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated October 23, 2017 No. 850n "On approval of the form and procedure for issuing a document on gender reassignment by a medical organization" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on January 19, 2018 No. 49695) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. Retrieved 20.03.2023
8. Decree of the Government of the Russian Federation of February 25, 2000 No. 162 "On approval of the list of hard work and work with harmful or dangerous working conditions, during which the use of women's labor is prohibited" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 10. Art. 1130

Снижение административных барьеров в сфере закупок как мера стимулирования малого и среднего предпринимательства

Тихонов Сергей Андреевич

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета (МФЮА),
sergeitihonov@yandex.ru

Снятие административных барьеров в настоящее время – один из приоритетов государственной политики в экономической сфере. Стимулирование предпринимательской активности, включая деятельность субъектов малого и среднего бизнеса, осуществляется за счет облегчения доступа предпринимателей к различным рынкам, включая рынок государственного и коммерческого заказа. В настоящей статье рассматриваются основные меры по снижению барьеров для субъектов МСП в сфере закупок, выявляются характерные для данного рынка проблемы и сохраняющиеся административные барьеры, предлагаются возможные варианты их устранения или минимизации. Позитивно оцениваются новеллы, введенные в рамках «оптимизационного пакета» 2022 г., выявляются дальнейшие тенденции либерализации доступа субъектов МСП к рынку закупок. Результатами статьи выступает перечень наиболее заметных барьеров для субъектов МСП и практические рекомендации решения данной проблемы – в том числе, путем изменения действующего законодательства о публичных и коммерческих закупках.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, контрактная система, малое и среднее предпринимательство, стимулирование, регуляторная политика, административные барьеры, дерегулирование, административная реформа.

Основная часть

Современный этап развития российского законодательства в сфере предпринимательской деятельности характеризуется двумя заметными тенденциями: повышением роли стимулирующих механизмов для развития малого и среднего предпринимательства (далее – МСП), а также снижением регуляторной нагрузки, минимизацией административных барьеров в различных секторах экономической деятельности. Обе эти тенденции прослеживаются и в секторе публичных закупок, т.е. в рамках действующей в Российской Федерации Федеральной контрактной системы (далее – ФКС).

Любые реформы в этой области являются частью регуляторной политики, под которой в литературе обычно понимают процесс создания и модификации «правил игры» для предпринимателей со стороны государства [1]. С одной стороны, данные правила необходимы для обеспечения публичных ценностей (включая жизнь, здоровье, безопасность и прочие охраняемые государством блага), с другой – наличие избыточных требований к субъектам экономической деятельности негативно сказывается на полноценном функционировании рыночной экономики: снижают предпринимательскую активность, ухудшают инвестиционный климат, провоцируют коррупционные риски и т.п. [2].

Поэтому во многих государствах (в особенности, принадлежащих к континентальной правовой семье с традиционно сильным институтом бюрократии) в последние годы дерегулирование становится важным направлением регуляторной политики, поскольку именно в случае снятия излишних административных барьеров, как отмечают в международных финансовых институтах, обеспечивается экономический рост [3].

Административный барьер – одно из ключевых понятий в политике дерегулирования. Российские исследователи отмечают, что административный барьер чаще всего выступает «обратной стороной медали» любых административных процедур, любых регуляций [4]. Под ним понимается любое дефектное (не оптимальное, не соответствующее целям) или избыточное регулирование [2].

Значительная часть административных барьеров лежит в сфере организации контрольно-надзорной деятельности государства. Именно на устранение этого вида барьеров была направлена масштабная реформа «регуляторной гильотины», запущенная в 2019-м г. по инициативе премьер-министра Д.А. Медведева. В ходе данной реформы было устранено множество устаревших актов, дублирую-

щих или противоречащих друг другу норм ведомственных актов [5]. Однако, к сожалению, данная реформа не затронула барьеры, содержащиеся в федеральном законодательстве. При дискуссиях о целесообразности применения регуляторной гильотины в сфере публичных закупок Федеральная антимонопольная служба России (далее ФАС) выступила против, указав, что отношения в области контрактной системы регулируются не подзаконными актами, а относительно новыми законами, принятыми во второй половине 2010-х гг. [6].

Справедливость логики ФАС в данном вопросе не означает, что барьеры на рынке закупок отсутствуют. Они сконцентрированы в других аспектах – в первую очередь, при входе на рынок и при возможности реализовать свою продукцию на этом рынке с минимальными издержками [7].

В литературе указывается, что барьеры для входа на рынок публичных и коммерческих закупок по объективным причинам оказываются непомерно высокими именно для субъектов МСП. При этом, данная проблема характерна не только для России, но и для других государств, на что указывается в зарубежной литературе. Например, финские исследователи К. Карьялайнен, К. Кемппайнен полагают, что МСП в чисто рыночных условиях всегда будут в меньшей степени представлены на рынке госзаказа, поскольку они чаще всего не обладают необходимым объемом кадровых, правовых и административных ресурсов для участия в закупочной деятельности [8].

Таким образом, наиболее жестким препятствием для эффективного развития сектора МСП выступают как явные, так и скрытые ограничения конкуренции. Именно поэтому грамотно выстроенная политика в области регулирования публичных и частных закупок позволяет воздействовать на конкуренцию, облегчая доступ субъектов МСП на данный рынок – а значит, давая им возможность реализовывать собственные товары и услуги наравне с крупными компаниями в рамках единых «правил игры» [9].

В современной России снижение барьеров для участия субъектов МСП в публичных и коммерческих закупках осуществляется на более широкой основе государственной политики поддержки малого и среднего бизнеса. Такая поддержка – общемировая практика, поскольку, с одной стороны, МСП имеет высокий потенциал для решения задач социально-экономического развития, но, с другой стороны, для развитых государств характерна высокая степень уязвимости субъектов МСП перед абсолютно свободным рынком, в рамках которого доминируют крупные бизнес-структуры. Как в России, так и в зарубежных странах сегодня можно наблюдать явные тенденции к монополизации экономики крупными корпорациями; в этих условиях власть обязана действовать более широко, обеспечивая комплексную, разветвленную систему мер поддержки субъектов МСП [10].

Специальным законом, образующим ядро нормативно-правовой базы государственной поддержки МСП в России является Федеральный закон

«О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее также – Закон об МСП) [11]. В частности, в ст. 7 данного закона отражены основные меры государственной поддержки МСП, среди которых выделяются: специальные налоговые режимы; меры финансовой поддержки; инфраструктурные меры; льготные условия приватизации; особые условия участия субъектов МСП в госзакупках; особые правила осуществления государственного контроля (надзора) в отношении субъектов МСП и др. Кроме того, в ст. ст. 15-20 Закона об МСП содержится детализированное регулирование предоставления им инфраструктурной, гарантийной, финансовой, имущественной, консультационной и иной поддержки.

Для нас наибольший интерес представляет создание условий для участия субъектов МСП в государственных закупках. Это важная задача ввиду того, что, по словам Главы Торгово-промышленной палаты России С. Катырина, из примерно 6 млн. субъектов МСП в современной России в закупках участвует не более 2% [12].

Условия поддержки таких субъектов (равно как и сохраняющиеся административные барьеры) содержатся в двух ключевых федеральных законах, регулирующих публичные и коммерческие закупки соответственно: Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [13] (далее – Закон №44) и Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [14] (далее – Закон №223). Также участие МСП в коммерческих закупках регулируется специально принятым Постановлением Правительства №1352 [15] (далее – ПП №1352). Цель поддержки субъектов малого предпринимательства (средние предприятия здесь исключены из целевого регулирования в некоторых его аспектах) состоит в перераспределении доли средств бюджетов всех уровней бюджетной системы России, а также средств бюджетов крупных коммерческих заказчиков в пользу таких субъектов.

На сегодняшний день основная мера государственной поддержки субъектов малого предпринимательства (а также социально ориентированных НКО), облегчающая для них доступ на рынок публичного заказа – это квотирование закупок. Речь здесь идет не столько об административных, сколько об объективных рыночных барьерах, складывающихся ввиду низкой конкуренции. Согласно ст. 30 Закона №44, доля закупок, которое заказчик должен осуществлять у таких субъектов, составляет 25%. Отметим, что до 2020 г. эта доля составляла 15%, поэтому сегодня здесь наблюдается позитивная тенденция. Впрочем, следует согласиться и с позицией о том, что в текущих условиях экономического кризиса данная доля может быть увеличена и до 50% [12].

Однако думается, что повышение должно быть не общим (поскольку излишнее вмешательство государства в экономику может негативно сказаться на качестве закупаемой продукции), а секторальным.

Те сегменты российской экономики, где традиционно сильны малые и средние предприятия и индивидуальные предприниматели, могут становиться приоритетными при увеличении квот. В частности, к таким сегментам можно отнести IT-отрасль, благоустройство территории, строительство не крупных объектов. Здесь доля обязательных закупок у МСП может быть повышена даже выше 50%, поскольку реальная возможность «проторговать» практически весь объем закупок здесь имеется уже сегодня.

Следующий барьер тоже носит общий характер: это сохраняющийся низкий уровень конкуренции на рынке публичных закупок, где значительная часть закупок осуществляется у единственного поставщика (т.е. на неконкурентной основе). Эта доля радикально увеличилась в условиях пандемии COVID-19 – с примерно 15% до примерно 25% [16]. Разумеется, в подобных условиях субъекты МСП не могут конкурировать с крупными компаниями, поэтому необходима последовательная работа по увеличению доли конкурентных способов закупки в общей структуре рынка.

Следующий барьер связан с неопределенностью, отсутствием централизации в вопросах осуществления государственной контрольно-надзорной деятельности на рынке закупок. В частности, соблюдение законодательства в этой сфере сегодня осуществляется несколькими субъектами: ФАС России, Минэкономразвития РФ, Счетной палатой РФ, Росфинмониторингом. В этих условиях, как указывается в литературе, возрастают коррупционные риски, а также возрастают финансовые издержки на взаимодействие с контролирующими органами, чрезмерно высокие для небольших компаний и индивидуальных предпринимателей [17].

Четвертый барьер связан с трудной поддающейся объяснению логикой законодателя при облегчении доступа субъектов МСП на рынки публичных и частных закупок. Так, в рамках Закона №44 поддержка осуществляется в отношении субъектов малого предпринимательства и СОНКО, тогда как в рамках Закона №223 поддержка адресуется субъектам МСП. Получается, что в первом случае необоснованно исключены средние предприятия, а во втором – СОНКО. Думается, что данный барьер должен быть снят, и в обоих указанных случаях поддержка должна распространяться в равной степени на субъекты МСП и СОНКО.

Значительная часть барьеров связана со сложностью сферы закупок для субъектов МСП, которые могут обладать компетенцией для того, чтобы поставить необходимые товары или услуги, но не решаются участвовать в контрактной системе из-за недостаточной технической и кадровой подготовки. Во многих малых и средних предприятиях отсутствуют тендерные отделы или профильные специалисты, которые могли бы успешно обеспечивать свое участие в закупках [18]. Для устранения этих барьеров в ноябре 2022 г. был предпринят важный шаг – принятие новых норм законодательства, обеспечивающих «выращивание поставщика» в рамках закупок по Закону №223 [19]. Представители МСП

здесь смогут рассчитывать на финансовую, юридическую и информационную поддержку. Помогать им будут как сами заказчики, так и субъекты инфраструктуры поддержки МСП, а также «другие заинтересованные органы». Крайне важно, что в законе содержится запрет на аффилированность субъектов МСП с госкомпаниями (что снижает риски выращивания «своих» дочерних компаний под видом независимых субъектов МСП).

Некоторые барьеры касаются отдельных сфер госзаказа. В частности, в сфере государственного оборонного заказа, согласно специальному законодательству в этой сфере, главным исполнителем может быть исключительно юридическое лицо [20]. Сегодня, ввиду повышения важности оборонзаказа для российской экономики в условиях проведения специальной военной операции представляется, что важно изменить данную норму, дополнив ее также указанием и на индивидуальных предпринимателей, соответствующих законодательным требованиям и желающих участвовать в закупках для нужд национальной обороны.

Говоря о текущей работе государства в отношении снятия барьеров для МСП в секторе закупок, нельзя не обратить внимание на позитивные тенденции, которые усилились в силу ухода с российского рынка крупных западных компаний, а также неустойчивости российских корпораций, попавших под санкции. В таких условиях мобильность, адаптивность малого бизнеса позволили сохранить экономическую стабильность; этим воспользовались, в первую очередь, субъекты коммерческих закупок по Закону №223 [21]. В таких условиях автоматически снизился риск ценового демпинга (барьер, которым часто злоупотребляли крупные поставщики товаров и услуг для устранения менее финансово обеспеченных конкурентов).

Кроме того, благотворно сказались реформы, проведенные в 2022-м г. в рамках «оптимизационного пакета»: увеличение квоты закупок у субъектов МСП до 25% даже по коммерческим закупкам, повышение максимальной цены контракта с 400 до 800 тысяч по специальным торгам. Кроме того, снизились требования к комплекту документов для участия в закупках, закрылась возможность для заказчиков произвольно менять требования к содержанию документации, был сокращен срок оплаты за выполненные работы, предоставленные услуги или переданные товары – до семи дней [22]. Эти реформы, проведенные достаточно оперативно, уже сегодня дают позитивный эффект для экономики, поэтому остается надеяться, что правительство продолжит взятый курс на поддержку субъектов МСП путем снятия барьеров для их участия на рынке публичных и коммерческих закупок.

Литература

1. Артеменко Е.А. Регуляторная гильотина как механизм дерегулирования и борьбы с коррупцией // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. №52.
2. Туманова Е.М. Понятие административных барьеров в предпринимательской деятельности:

анализ теории и судебной практики // Законодательство. 2022. №7.

3. Романовская О.В. Тенденции и перспективы дерегулирования в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2018. №3. С. 63.

4. Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ж. Марку. М., 2011.

5. Артеменко Е.А. «Регуляторная гильотина»: анализ проектов новых структур нормативного регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. №1. С. 15.

6. ФАС предлагает не задействовать «регуляторную гильотину» в сфере госзакупок [Электронный ресурс]. URL: <https://prozakupki.interfax.ru/articles/1476> (дата обращения: 12.03.2023)

7. Ионкина К.А., Коновцев А.А., Москвитин О.А. Проблемы предоставления преференций малому и среднему бизнесу в сфере государственных закупок (в том числе в свете пандемии): зарубежный и российский опыт // Российское конкурентное право и экономика. 2020. №3 (23). С. 11.

8. Karjalainen K., Kemppainen K. The involvement of small – and medium – sized enterprises in public procurement: Impact of resource perceptions, electronic systems and enterprise size // Journal of Purchasing & Supply Management. 2012. №14. P. 212.

9. Фукина С.П., Гафурова Г.Т., Хотфуллина Г.Н. Государственные закупки как инструмент развития малого и среднего предпринимательства в России // Экономика региона. 2016. №4. С. 46.

10. Обатуров А.А. Совершенствование системы государственного регулирования и поддержки малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге. Дисс. кандидата эконом.наук. М., 2015. С. 19.

11. Федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 30.07.2007, №31, ст. 4006.

12. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 08.04.2013, N 14, ст. 1652.

13. Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства РФ, 25.07.2011, N 30 (ч. 1), ст. 4571.

14. Постановление Правительства РФ от 11.12.2014 N 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства РФ, 22.12.2014, N 51, ст. 7438 (дата обращения: 13.03.2023)

15. Эксперты: квоты на закупки у МСП нужно увеличить до 50% для приоритетных отраслей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roseltorg.ru/about/news/eksperty-kvoty-na-zakupki> (дата обращения: 13.03.2023)

16. Госзаказ теряет привлекательность: ФАС обеспокоена потерей конкуренции в секторе. 23.09.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5572508> (дата обращения: 13.03.2023)

17. Далгатова М.А. Анализ барьеров входа на рынок государственных и муниципальных закупок для субъектов малого предпринимательства // СНФ. 2018. №1.

18. Новые условия работы МСП в госзаказе: плюсы и минусы [Электронный ресурс]. URL: <https://forum-goszakaz.ru/news/2022/06/20/novye-usloviya-raboty-msp-v-goszakaze-plyusy-i-minusy/> (дата обращения: 13.03.2023)

19. Федеральный закон от 14.07.2022 № 285-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ, 31.08.2022, N 23 (ч. 1), ст. 7624.

20. Федеральный закон от 29.12.2012 №275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7600.

21. МСП побили рекорд по объему закупок госкомпаний [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/05/04/920939-rekord-zakupok-goskompanii> (дата обращения: 13.03.2023)

22. «Оптимизационный пакет» поправок в ФЗ № 44: взгляд эксперта [Электронный ресурс]. URL: <https://perm.hse.ru/news/568244325.html> (дата обращения: 13.03.2023)

Reducing administrative barriers in the field of procurement as a measure to stimulate small and medium-sized businesses

Tikhonov S.A.

Moscow University of Finance and Law (MFLA)

The removal of administrative barriers is currently one of the priorities of state policy in the economic sphere. Stimulation of entrepreneurial activity, including the activities of small and medium-sized businesses, is carried out by facilitating the access of entrepreneurs to various markets, including the market for state and commercial orders. This article discusses the main measures to reduce barriers for SMEs in the field of procurement, identifies market-specific problems and remaining administrative barriers, and suggests possible options for their elimination or minimization. The novelties introduced as part of the "optimization package" in 2022 are positively assessed, further trends in the liberalization of access for SMEs to the procurement market are identified. The article results in a list of the most noticeable barriers for SMEs and practical recommendations for solving this problem, including by changing the current legislation on public and commercial procurement.

Keywords: state and municipal procurement, contract system, small and medium-sized businesses, incentives, regulatory policy, administrative barriers, deregulation, administrative reform.

References

1. Artemenko E.A. Regulatory guillotine as a mechanism for deregulation and fight against corruption // Tomsk State University Bulletin. Economy. 2020. No. 52.
2. Tumanova E.M. The concept of administrative barriers in entrepreneurial activity: analysis of theory and judicial practice // Legislation. 2022. No. 7.
3. Romanovskaya O.V. Trends and prospects for deregulation in the Russian Federation // Nauka. Society. State. 2018. №3. S. 63.
4. Administrative procedures and control in the light of European experience / Ed. T.Ya. Khabrieva, J. Mark. M., 2011.
5. Artemenko E.A. "Regulatory guillotine": analysis of projects of new regulatory structures // Issues of state and municipal management. 2021. №1. S. 15.
6. FAS proposes not to use the "regulatory guillotine" in the field of public procurement [Electronic resource]. URL: <https://prozakupki.interfax.ru/articles/1476> (date of access: 03/12/2023)
7. Ionkina K.A., Konovtsev A.A., Moskvitin O.A. Problems of granting preferences to small and medium-sized businesses in the field of public procurement (including in the light of the pandemic): foreign and Russian experience // Russian competitive law and economics. 2020. No. 3 (23). S. 11.
8. Karjalainen K., Kemppainen K. The investments of small – and medium – sized enterprises in public procurement: Impact of resource perceptions,

- electronic systems and enterprise size // Journal of Purchasing & Supply Management. 2012. No. 14. P. 212.
9. Fukina S.P., Gafurova G.T., Notfullina G.N. Public procurement as a tool for the development of small and medium-sized businesses in Russia // Economics of the region. 2016. No. 4. S. 46.
 10. Obaturov A.A. Improving the system of state regulation and support for small and medium-sized businesses in St. Petersburg. Diss. candidate of economic sciences. M., 2015. C. 19.
 11. Federal Law of July 24, 2007 No. 209-FZ "On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, July 30, 2007, No. 31, Art. 4006.
 12. Federal Law of 05.04.2013 N 44-FZ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" // Collected Legislation of the Russian Federation, 08.04.2013, N 14, art. 1652.
 13. Federal Law No. 223-FZ of July 18, 2011 "On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities" // Collection of Legislation of the Russian Federation, July 25, 2011, No. 30 (part 1), art. 4571.
 14. Decree of the Government of the Russian Federation of December 11, 2014 N 1352 "On the specifics of the participation of small and medium-sized businesses in the procurement of goods, works, services by certain types of legal entities" // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 22, 2014, N 51, art. 7438 (date of access: 03/13/2023)
 15. Experts: quotas for purchases from SMEs should be increased to 50% for priority industries [Electronic resource]. URL: <https://www.roseltorg.ru/about/news/eksperty-kvoty-na-zakupki> (date of access: 03/13/2023)
 16. State order is losing attractiveness: FAS is concerned about the loss of competition in the sector. 09/23/2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5572508> (date of access: 03/13/2023)
 17. Dalgatova M.A. Analysis of entry barriers to the state and municipal procurement market for small businesses // SNF. 2018. No. 1.
 18. New conditions for the work of SMEs in the state order: pluses and minuses [Electronic resource]. URL: <https://forum-goszakaz.ru/news/2022/06/20/novye-usloviya-raboty-msp-v-goszakazeplyusy-i-minusy/> (date of access: 03/13/2023)
 19. Federal Law of July 14, 2022 No. 285-FZ "On Amendments to the Federal Law "On the Development of Small and Medium-Sized Businesses in the Russian Federation"" // Collection of Legislation of the Russian Federation, August 31, 2022, No. 23 (part 1), art. . 7624.
 20. Federal Law of December 29, 2012 No. 275-FZ "On the State Defense Order" // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 31, 2012, No. 53 (part 1), art. 7600.
 21. SMEs broke the record for the volume of purchases of state-owned companies [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/05/04/920939-rekord-zakupok-goskompanii> (Date of access: 03/13/2023)
 22. "Optimization package" of amendments to Federal Law No. 44: an expert's view [Electronic resource]. URL: <https://perm.hse.ru/news/568244325.html> (date of access: 03/13/2023)

Проблемы, возникающие в делах о взыскании убытков с органов управления юридических лиц

Третьяков Роман Вадимович

аспирант, кафедра арбитражного процесса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
roman.tretyakov.97@mail.ru

Предметом настоящего исследования являются проблемы, возникающие при рассмотрении спора о привлечении директоров к ответственности в виде взыскания с них убытков. При этом целью работы является раскрытие сути соответствующих проблем в контексте судебного рассмотрения данной категории споров. Методологическая основа включает в себя применение в рамках настоящего исследования таких методов как метод анализа и синтеза, логико-юридический и формально-юридический методы. Во время исследования была определена нормативно-правовая основа, регулирующая институт взыскания убытков с органов управления юридического лица; выявлены две основные проблемы, которые возникают в значительном количестве дел о взыскании убытков; изучены судебная практика судов кассационной инстанции и экономической коллегии ВС РФ. В конце исследования автор делает вывод, что арбитражные суды в анализируемой категории споров склонны проявлять формальный подход, при котором фактически нарушаются процессуальные права истцов, поскольку им зачастую трудно доказать обстоятельства, на которые они ссылаются. В связи с этим автор делает вывод о необходимости внесения соответствующих изменений в процессуальное законодательство.

Ключевые слова: директор, корпоративные споры, убытки, гражданско-правовая ответственность, бремя доказывания, составительность

Категория корпоративных споров о взыскании убытков с руководителей коммерческих организаций является одной из наиболее распространенных категорий корпоративных споров, поскольку именно в сфере взыскания убытков каждый возникают все более сложные вопросы и ситуации, требующие правовой квалификации.

Согласно п. 3 ст. 53 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Согласно п. 1 ст. 53.1 Гражданского кодекса в случае невыполнения этим лицом данных обязанностей оно несет ответственность и возмещает причиненные по его вине убытки[1].

Несмотря на установленную законодателем возможность привлечения исполнительного органа юридического лица к ответственности, по-прежнему остается распространенной ситуация, когда руководители, злоупотребляя доверием участников корпоративных отношений, не исполняют возложенные на них обязанности по управлению компанией должным образом и используют ее ресурсы с целью личного обогащения.

В такой ситуации, как верно отмечают Г.С. Курдюмов и А.В. Чекарева, инициалы до фамилии наиболее эффективным способом защиты прав участников корпоративных отношений от злоупотреблений со стороны органов корпоративного управления должен являться институт ответственности, позволяющий взыскать убытки в случаях виновных действий (бездействия) или решений исполнительных органов юридического лица[6].

По нашим наблюдениям значительное количество проблем, возникает в сфере доказывания состава убытков, поскольку большинство доказательств в делах о взыскании убытков являются письменными, в частности, бухгалтерская и иная документация. Данные проблемы связаны, прежде всего, с отсутствием у истца или ответчика такой документации, что может привести к риску для хозяйственной деятельности юридического лица и имущественному положению бывших руководителей.

В связи с этим, нам хотелось бы выделить две основные проблемы, возникающие в российской правовой действительности.

Первая проблема связана с применением арбитражными судами института распределения бремени доказывания.

Основные презумпции, определяющие правила распределения доказывания в делах о взыскании убытков содержатся в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного суда от 30 июля 2013 года

№ 62. Согласно пункту 1 Постановления бремя доказывания между сторонами распределяется следующим образом. Сначала истец доказывает наличие обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) директора, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица, а равно наличие убытков у последнего[3].

Ответчик, во-первых, должен дать пояснения относительно своих действий (бездействия) и указать на причины возникновения убытков (например, неблагоприятная рыночная конъюнктура, недобросовестность выбранного им контрагента, работника или представителя юридического лица, неправомерные действия третьих лиц, аварии, стихийные бедствия и иные события и так далее), а во-вторых, представить доказательства, обосновывающие свои доводы. Вместе с тем если директор отказывается от дачи пояснений, не является в суд либо дает пояснения, но они представляются суду явно неполными, причем суд сочтет такое поведение директора недобросовестным (статья 1 ГК РФ), то бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно может быть возложено судом на директора[5].

Обозначенный выше порядок распределения бремени доказывания показал свою эффективность за все время существования Постановления Пленума ВАС № 62.

Вместе с тем, современный механизм перераспределения бремени доказывания содержит в себе изъяны, существенно затрагивающие права участников корпоративных отношений. В частности, перед ними может возникнуть вопрос о том, как доказывать недобросовестность и неразумность, наличие убытков у юридического лица в условиях отсутствия необходимых документов.

В практике неоднократно встречались случаи, когда истец, несмотря на отсутствие документов, которые могут свидетельствовать о совершенных директором нарушениях, не освобождался от бремени доказывания. Арбитражные суды фактически перекладывали бремя доказывания отрицательного факта на истцов.

В деле № А40-215235/2015 акционер предъявил иск к бывшему руководителю общества и лицу, временно исполнявшему обязанности единоличного исполнительного органа. Истец потребовал взыскать в солидарном порядке с них убытки, которые были причинены обществу в результате совершения сделок на заведомо невыгодных условиях. Истец в подтверждение своих доводов ссылался, в том числе и на то, что ответчики уклонялись от передачи документации и имущества новому руководителю. Однако Арбитражный суд Московской области указал, что отсутствие документации должно быть доказано, тем самым возложив бремя доказывания удержания бывшими руководителями документов на истца. Арбитражные суды апелляционной и кассационной инстанции поддержали данную позицию[4].

Вторая распространенная проблема в делах о взыскании убытков с органов управления юридическим лицом связана с обеспечением принципа состязательности сторон, закрепленным в ст. 9 АПК РФ. Состязательность сторон в арбитражном процессе способствует наиболее полному и всестороннему рассмотрению дела, а также наиболее справедливому распределению бремени доказывания.

Как уже говорилось ранее, основными доказательствами в корпоративных спорах о взыскании с директоров убытков является бухгалтерская и иная документация, позволяющая узнать обо всех нюансах хозяйственной деятельности общества.

Зачастую возникает ситуация, когда участники юридического лица не имеют возможности вести нормальную хозяйственную деятельность общества, поскольку бывшие руководители не передали документацию общества за предыдущие периоды.

В результате такой ситуации возникают следующие проблемы:

- 1) Невозможность сдавать отчетность в налоговые органы;
- 2) Невозможность предоставлять в суд доказательства в случае рассмотрения споров с контрагентами в судах общей юрисдикции и арбитражных судах;
- 3) Возникновение рисков привлечения добросовестных руководителей юридического лица к гражданско-правовой ответственности и взыскания с них убытков;
- 4) Возникновение рисков привлечения текущих руководителей юридического лица к субсидиарной ответственности в случае банкротства компании;
- 5) Возникновения риска совершения ошибок в будущих бухгалтерских документах и так далее.

Основным способом защиты своих прав для участников общества является обращение в суд с иском об истребовании документации или взыскание убытков.

Основанием для взыскания убытков с бывших руководителей будет являться именно их бездействие, выразившееся в непередаче документации. При этом участникам необходимо доказать, что именно в результате такой непередачи у общества возникли существенные экономические трудности, выразившиеся, например, в невозможности взыскания дебиторской задолженности, в невозможности осуществлять определенную экономическую деятельность или в невозможности предоставить в государственные органы документацию.

В современной судебно-арбитражной практике возникает большой риск того, что в делах о привлечении директора к гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков суды могут формально отнести к рассмотрению таких дел, то есть не учесть существенные фактически обстоятельства, не применить необходимые материальные и процессуальные правовые нормы.

Примером формального подхода к рассмотрению споров может послужить дело № А26-507/2021. В рамках данного дела ООО «Торговый дом «Асбест» обратилось в Арбитражный суд Республики Карелия с требованиями к бывшему руководителю

Тягару М.А. об обязанности передать имущество и документы юридического лица.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанции в данном требовании отказали истцу, мотивировав это следующими доводами:

1) У истца отсутствовали доказательства нахождения документов у ответчика, а также доказательства их неправомерного удержания бывшим руководителем.

2) Истца не доказали, что документация, которые истца просили истребовать у ответчика, находилась по иному адресу, отличному от юридического адреса юридического лица; и что в период осуществления Тягаром М.А. полномочий директора документация хранилась непосредственно у него, также не было предоставлено доказательств того, что Тягар М.А. переместил документацию в иное место;

3) Текущий руководитель общества в свою очередь сам не осуществил инвентаризацию документации и имущества юридического лица[2].

Тексты судебных актов по данному делу может свидетельствовать о двух позициях судов. Во-первых, участники общества и текущий директор должны были сами осуществить действия, направленные на получения у бывшего директора документов. Во-вторых, очевидно, что суд занял пассивную позицию при разрешении дела, поскольку не желал принимать активного участия в сборе доказательств, не смотря на то, что заявители предоставили как сам список недостающих документов, так и доказательства обращения к бывшему руководителю с требованием передачи документации.

При этом стоит отметить, что Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ (далее – СКЭС ВС РФ) отменила вышеуказанные судебные акты и вернула дело на новое рассмотрение, указав следующее:

1) Российское законодательство не содержит конкретных норм о передаче документов юридического лица текущему руководителю, не смотря на то, что ими предусмотрена обязанность о передаче соответствующих документов.

2) Учитывая принцип состязательности и обязанность передать дела, именно на бывшем руководителе хозяйствующего субъекта лежала обязанность дать пояснения по предъявленным претензиям, в частности, о факте отсутствия у него истребуемых сведений и документации, а также о причинах их отсутствия. Соответственно, именно Тягар М.А. должен был дать соответствующие объяснения, однако судебные заседания он не посещал.

3) Исходя из смысла п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъяснено, п. 1 ст.ст. 308.3, 309, 310 ГК РФ при разрешении данной категории споров суды должны исследовать и давать оценку по существу заявленным ответчиком возражениям об объективной невозможности предоставления им истребуемой документации.

СКЭС РФ заняла позицию, согласно которой возможное отсутствие документации не может являться основанием для отказа в удовлетворении искового заявления общества, поскольку именно бывший руководитель обязан дать соответствующие пояснения. При этом в случае, если бывший руководитель этих пояснений не предоставляет, то на него ложится обязанность устранить нарушения. Другими словами, подлежит применению презумпция, согласно которой если добросовестный директор хочет доказать свою невиновность в бездействии, то он должен дать пояснения и предоставить доказательства, которые будут опровергать вменяемую ему вину и влечь отказ в требованиях истцов.

Таким образом, не смотря на активную роль вышестоящих инстанции в исправлении ошибок нижестоящих судов, две вышеуказанные проблемы свидетельствуют о том, что процессуальное законодательство в сфере регулирования рассмотрения корпоративных споров является несовершенным и имеет определенные пробелы. Сложившая судебная практика я приводит не только к нарушению судебного права на защиту участниками корпоративных отношений своих прав и законных интересов, но и к многочисленным злоупотреблениям со стороны исполнительных органов компаний. Для того, чтобы снизить актуальность данных проблем, необходимо внести соответствующие изменения в действующие нормы.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 15.03.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. 15.03.2021. №11. ст. 1698

2. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 307-ЭС22-5640 от 09.08.2022 по делу № А26-507/2021 // СПС КонсультантПлюс

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение), « 34, 30.08.2013

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02 февраля 2017 года по делу № А40-215235/2015 // СПС КонсультантПлюс

5. Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. 207 с.

6. Курдюмов Г.С., Чекарева А.В. Взыскание убытков с недобросовестного директора: перераспределение бремени доказывания и перевес доказательств. — URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/64485-vzyskanie-ubytkov-nedobrosovestnogo-direktora-pereraspredelenie-bremani-dokazyvaniya>

The necessity to prove damage when considering a corporate dispute on the recognition of a major transaction as invalid
Tretyakov R.V.

Saratov State Law Academy

The subject of this study is the problems that arise when considering a dispute on bringing directors to responsibility in the form of collecting losses from

them. At the same time, the purpose of the work is to reveal the essence of the relevant problems in the context of judicial review of this category of disputes. The methodological basis includes the use of such methods as the method of analysis and synthesis, logical-legal and formal-legal methods within the framework of this study. During the study, the regulatory framework regulating the institution of recovery of losses from the management bodies of a legal entity was determined; two main problems that arise in a significant number of cases of recovery of losses were identified; the judicial practice of the courts of cassation instance and the Economic Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation were studied. At the end of the study, the author concludes that arbitration courts in the analyzed category of disputes tend to take a formal approach, in which the procedural rights of plaintiffs are actually violated, since it is often difficult for them to prove the circumstances to which they refer. In this regard, the author concludes that it is necessary to make appropriate changes to the procedural legislation.

Keywords: director, corporate disputes, damages, civil liability, burden of proof, adversarial

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on March 15, 2021) // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301. 03/15/2021. No. 11. Art. 1698
2. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES22-5640 dated 08/09/2022 in case No. A26-507/2021 // ATP ConsultantPlus
3. Decree of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 30, 2013 N 62 "On some issues of compensation for losses by persons who are part of the bodies of a legal entity" // Economics and Life (Accounting Supplement), "34, 08/30/2013
4. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated February 02, 2017 in case No. A40-215235/2015 // SPS ConsultantPlus
5. Stepanov D.I., Mikhailchuk Yu.S. Responsibility of a director to a corporation for losses caused to it in judicial practice. M.: Statut, 2018. 207 p.
6. Kurdyumov G.S., Chekareva A.V. Recovery of damages from an unscrupulous director: redistribution of the burden of proof and preponderance of evidence. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/64485-vzyskanie-ubytkov-nedobrosovestnogo-direktora-pereraspredelenie-bremeni-dokazyvaniya>

Роль интеллектуальной собственности как формы защиты создаваемых инновационных препаратов

Яхаева Анна Петровна

аспирант кафедры интеллектуальных прав Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, vetlawyer@mail.ru

Актуальность темы продиктована появлением новых технологий, и тем, что процесс экономической глобализации позволил интеллектуальной собственности легче пересекать международные границы. Отмечено, что лекарства и фармацевтика больше, чем любая другая технологическая область, соответствуют описанию глобализации и нуждаются в сильной системе интеллектуальной собственности и ее защите. Доказывается, что создание, получение, защита и управление интеллектуальной собственностью должны стать корпоративной деятельностью в той же мере, что и привлечение ресурсов и средств. Обосновано, что современное состояние фармацевтической отрасли свидетельствует о том, что права интеллектуальной собственности неоправданно укрепляются и нарушаются в ущерб конкуренции и благосостоянию потребителей. Автор приходит к выводу о том, что каждая отрасль должна разработать свою собственную политику в области интеллектуальной собственности, а фармацевтическая промышленность в настоящее время имеет развивающуюся стратегию в рассматриваемой области. Автор полагает, что антимонопольное законодательство может помочь стабилизировать баланс между поощрением инноваций и сохранением конкуренции. В качестве самостоятельного рассмотрен вопрос конкуренции в фармацевтической отрасли, которая определяется научными знаниями.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, защита интеллектуальных прав, защита инновационных препаратов.

В настоящее время на самых различных уровнях, в том числе на международной арене, ведутся дебаты относительно необходимости и степени защиты интеллектуальной собственности, которую должно обеспечить государство. За последние два десятилетия международная политика в области защиты прав интеллектуальной собственности претерпела глубокие изменения. Это свидетельствует о том, что роль интеллектуальной собственности как формы защиты создаваемых инновационных препаратов в связи с происходящими изменениями и инновационными процессами возрастает.

Интеллектуальная собственность имеет важное значение в постоянно расширяющемся списке передовых наукоемких отраслей, в том числе и в фармакологии [1, с. 38]. Правила о том, как защищать патенты, авторские права, товарные знаки и другие формы прав интеллектуальной собственности, стали стандартным компонентом экономических отношений, в том числе и в сфере фармацевтической деятельности.

Актуальность темы исследования связана с появлением новых технологий, и тем, что процесс экономической глобализации позволил интеллектуальной собственности легче пересекать международные границы. Нужно учитывать, что в регулировании в области интеллектуальной собственности в настоящее время должно учитывать современные вызовы действительности, среди которых глобализация рынков товаров, работ и услуг, рост и постоянное совершенствование информационных технологий [4, с. 114]. Грамотная политика в области интеллектуальной собственности может сыграть важную роль в усилиях по стимулированию развития и сокращению масштабов нищеты.

Как верно отмечает О.Д. Гуськова в настоящий период времени в том числе в связи с распространением инновационных технологий представляется достаточно непростым защитить интеллектуальную собственность, поэтому автор приходит к выводу о том, что наиболее действенным в этом плане механизмом становится закон [3, с. 8]. Законодательство в сфере защиты интеллектуальной собственности предоставляет субъектам таковой определенные исключительные права на производство, копирование, распространение и лицензирование товаров и технологий внутри страны. В принципе, когда страна усиливает свою защиту интеллектуальной собственности, она должна найти баланс между несколькими важными компромиссами.

Однако, стоит отметить, что нормативное регулирование защиты интеллектуальной собственности как формы защиты создаваемых инновационных

препаратов нуждается в совершенствовании. Так, в действующем законодательстве «отсутствует правовая охрана сведений о доклинических и клинических исследованиях лекарственных средств, которые являются важнейшими этапами их разработки» [6, с. 18].

Права интеллектуальной собственности стимулируют изобретателей к развитию новых знаний, а авторов к созданию форм самовыражения. Сравнительная системы вознаграждения с правами на интеллектуальную собственность (патенты и авторские права), нужно отметить, что при системе вознаграждения новаторам за инновации платит непосредственно государство (возможно, на основе продаж), и инновации сразу же переходят в общественное достояние.

Таким образом, системы вознаграждения порождают стимулы к инновациям, не создавая монопольной власти прав интеллектуальной собственности, но основная трудность с наградами связана с информацией, необходимой для их определения. Поэтому права интеллектуальной собственности не обладают фундаментальным социальным преимуществом по сравнению с системами вознаграждения и что необязательная система вознаграждения, при которой новаторы выбирают между вознаграждением и правами интеллектуальной собственности, превосходит права интеллектуальной собственности.

Влияя на стимулы к инновациям, защита прав интеллектуальной собственности может важным образом повлиять на экономический рост. Важный вопрос для многих стран заключается в том, является ли более строгое соблюдение прав интеллектуальной собственности хорошей стратегией экономического роста. Поэтому, думается, что целью правовой системы должно оставаться обеспечение достаточной защиты интеллектуальной собственности, чтобы вознаграждать творческих работников за их труд и стимулировать будущие инновации. В то же время необходимо избегать чрезмерно сильной защиты, которая истощает интеллектуальную собственность или неправомерно ограничивает ее распространение и, таким образом, не способствует общественному благосостоянию.

В данной статье исследуется роль прав интеллектуальной собственности как формы защиты создаваемых инновационных препаратов. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что защита интеллектуальной собственности является важным фактором, определяющим экономический рост. Эти эффекты кажутся несколько более сильными в относительно открытой экономике и устойчивы как к используемому показателю открытости, так и к другим спецификациям альтернативной модели. В этой связи, верно отмечает М.В. Трегубов и С.И. Шукшин, что «рынок, не регулируемый интеллектуальной собственностью снижает ожидаемую прибыль» [5, с. 62].

Патенты и авторские права имеют ограниченный срок действия, что сводит к минимуму издержки рыночной эксклюзивности. Оптимальная продолжи-

тельность защиты становится эмпирическим вопросом, принимая во внимание социальную ценность новых изобретений и художественных творений, предпочтения потребителей и степень, в которой права интеллектуальной собственности повышают цены выше предельных издержек.

Традиционная медицина, работающая с натуральными растительными продуктами, является важной частью здравоохранения во многих развивающихся странах, а также в развитых странах, что повышает их коммерческую ценность. Исследователи или компании могут также претендовать на права интеллектуальной собственности в отношении биологических ресурсов и/или традиционных знаний после их незначительного изменения.

Быстрый рост патентных заявок, связанных с фитотерапии, ясно показывает эту тенденцию. Патентные заявки в области натуральных продуктов, традиционной фитотерапии и растительных лекарственных средств рассматриваются в соответствии с собственной политикой каждой страны в области прав интеллектуальной собственности в отношении продуктов питания, фармацевтических препаратов и косметики. в зависимости от того, что подходит. Лекарственные растения и связанные с ними растительные продукты являются важными объектами патентных заявок, поскольку они вызывают большой интерес для глобальной организованной фармацевтической и косметической промышленности.

Лекарства и фармацевтика больше, чем любая другая технологическая область, соответствуют описанию глобализации и нуждаются в сильной системе интеллектуальной собственности и ее защите. Зная, что стоимость вывода нового препарата на рынок может стоить компании от 300 до 1000 миллионов долларов США вместе со всеми сопутствующими рисками на этапе разработки, ни одна компания не захочет рисковать тем, что ее интеллектуальная собственность станет общественным достоянием без соответствующей адекватной прибыли. Создание, получение, защита и управление интеллектуальной собственностью должны стать корпоративной деятельностью в той же мере, что и привлечение ресурсов и средств.

Конкуренция в фармацевтической отрасли определяется научными знаниями, а не производственными ноу-хау, и успех компании будет во многом зависеть от ее усилий в области НИОКР. Поэтому инвестиции в исследования и разработки в фармацевтической промышленности очень высоки в процентах от общего объема продаж; отчеты предполагают, что это может составлять до 15% от продажи.

Одной из ключевых проблем в этой отрасли является управление инновационными рисками при стремлении получить конкурентное преимущество перед конкурирующими организациями. В современном мире от инновационного потенциала практически каждой организации зависит ее конкурентоспособность на рынке [2, с. 90]. В этой связи, существует высокая вероятность, связанная с риском провала фармацевтических исследований и разработок, когда разработка потенциальных лекарств,

которые не могут соответствовать строгим стандартам безопасности, прекращается, иногда после многих лет инвестиций.

Поскольку патенты на продукты становятся основным инструментом защиты интеллектуальной собственности, фармацевтические компании должны будут сместить акцент в своих исследованиях и разработках с разработки новых процессов производства известных лекарств на разработку новой молекулы лекарства и нового химического соединения.

Нынешнее состояние фармацевтической отрасли свидетельствует о том, что права интеллектуальной собственности неоправданно укрепляются и нарушаются в ущерб конкуренции и благосостоянию потребителей. Отсутствие риска и инноваций со стороны фармацевтической промышленности подчеркивает несправедливость, происходящую за счет общественного блага. Это несправедливость, от которой одной только законодательной реформой не избавиться. В то время как усилия законодательных органов по закрытию «лазеек» в действующих законах, наряду с новым законодательством, направленным на ограничение неблагоприятной деловой практики фармацевтической промышленности, могут обеспечить некоторое смягчение последствий, антимонопольное законодательство должно соответствующим образом регулировать данную сферу.

Несмотря на то, что антимонопольное законодательство надлежащим образом закрепляет некоторые методы ведения бизнеса, применяемые в фармацевтической отрасли, такие как слияния и поглощения и соглашения о не конкуренции, существует ряд других методов, которые необходимо устранить. Выдача патентов на второстепенные элементы старого лекарства, изменение рецептуры старых лекарств для получения новых патентов, а также использование рекламы и разработки торговой марки для увеличения барьеров для выхода на рынок Дженериков — все это области, в которых антимонопольное законодательство может помочь стабилизировать баланс между поощрением инноваций и сохранением конкуренции.

Подводя итог исследованию, нужно отметить, что каждая отрасль должна разработать свою собственную политику в области интеллектуальной собственности, отталкиваясь от специфики своей сферы деятельности. Фармацевтическая промышленность в настоящее время имеет развивающуюся стратегию в рассматриваемой области. Думается, что целью правовой системы должно оставаться обеспечение достаточной защиты интеллектуальной собственности, чтобы вознаграждать творческих работников за их труд и стимулировать будущие инновации. В то же время необходимо избегать чрезмерно сильной защиты, которая истощает интеллектуальную собственность или неправомерно ограничивает ее распространение и, таким образом, не способствует общественному благосостоянию. Антимонопольное законодательство может стать

мощным инструментом гарантирования того, что интеллектуальные права не используются незаконным образом для создания и поддержания незаконных, хотя и ограниченных, монополий в фармацевтической отрасли.

Литература

1. Базилевская А.А., Крючкова Ю.Б., Прошина Ю.А., Данилова Н.Г. Общие вопросы защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации // ЭПИ. 2017. №1. С. 38-41.
2. Геращенко Ю.И., Варфоломеева В.А. Роль интеллектуальной собственности в инновационной деятельности // Журнал прикладных исследований. 2022. №12. С. 90-95.
3. Гуськова Д.О. Защита интеллектуальной собственности в инновационном процессе // Вестник магистратуры. 2016. №12 (63). С. 7-8.
4. Минбалеев А.В. Система государственного управления в сфере интеллектуальной собственности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2016. №3. С. 112-115.
5. Трегубов М.В., Шукшин С.И. Выбор способа защиты интеллектуальных прав // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. №4 (96). С. 60-66.
6. Федулкин Д.П., Зинов В.Г. Нормативно-правовое регулирование в сфере интеллектуальной собственности и его взаимосвязь с планами научно-технологического развития страны // Инновации. 2018. №8 (238). С. 13-23.

The role of intellectual property as a form of protection of created innovative drugs

Yakhaeva A.P.

Kutafin Moscow State Law University

The relevance of the topic is dictated by the emergence of new technologies, and the fact that the process of economic globalization has made it easier for intellectual property to cross international borders. It is noted that drugs and pharmaceuticals, more than any other technological field, correspond to the description of globalization and need a strong intellectual property system and its protection. It is proved that the creation, acquisition, protection and management of intellectual property should become a corporate activity to the same extent as the attraction of resources and funds. It is substantiated that the current state of the pharmaceutical industry indicates that intellectual property rights are unjustifiably strengthened and violated to the detriment of competition and consumer welfare. The author comes to the conclusion that each industry should develop its own policy in the field of intellectual property, and the pharmaceutical industry currently has an evolving strategy in this area. The author believes that antitrust laws can help to stabilize the balance between encouraging innovation and preserving competition. The issue of competition in the pharmaceutical industry, which is determined by scientific knowledge, is considered as an independent one.

Keywords: intellectual property, intellectual rights, protection of intellectual rights, protection of innovative drugs.

References

1. Bazilevskaya A.A., Kryuchkova Yu.B., Poroshina Yu.A., Danilova N.G. General issues of intellectual property protection in the Russian Federation // EPI. 2017. No. 1. pp. 38-41.
2. Gerashchenko Yu.I., Varfolomeeva V.A. The role of intellectual property in innovation // Journal of Applied Research. 2022. No.12. pp. 90-95.
3. Guskova D.O. Protection of intellectual property in the innovation process // Bulletin of Magistracy. 2016. No.12 (63). pp. 7-8.
4. Minbaleev A.V. The system of public administration in the field of intellectual property // Bulletin of SUSU. Series: Law. 2016. No.3. pp. 112-115.
5. Tregubov M.V., Shukshin S.I. Choosing a way to protect intellectual rights // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No.4 (96). pp. 60-66.
6. Fedulkin D.P., Zinov V.G. Regulatory and legal regulation in the field of intellectual property and its relationship with the plans of scientific and technological development of the country // Innovations. 2018. No.8 (238). pp. 13-23.

Применение коллизионных процессуальных норм при исполнении иностранных судебных поручений

Карандашева Наталия Николаевна

аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), nnkarandasheva@gmail.com

Цель: выявление основных подходов к решению проблемы применимого процессуального права в вопросе исполнения иностранных судебных поручений на основе анализа отечественной и иностранной доктрины, законодательства и судебной практики.

Результаты: анализ отечественной и зарубежной доктрины и практики международного частного права и международного гражданского процесса позволяет прийти к выводу, что закон страны суда (*lex fori*) уже не может быть единственным правилом, по которому определяется вопрос исполнения иностранного судебного поручения, поскольку суды сталкиваются с институтами, не имеющими аналогов в отечественной правовой системе, что приводит к отказам в исполнении трансграничных судебных поручений. Предлагается рассмотреть возможность применения коллизионных процессуальных норм при исполнении иностранных судебных поручений на основе *lex (processualis) causae*, поскольку такой подход в большей степени отвечает принципу международного судебного сотрудничества, закрепленного в Принципах трансграничного гражданского процесса / УНИДРУА / ALI / UNIDROIT Principles and Rules of Transnational Civil Procedure. Даже в условиях санкционных ограничений, применение принципа международного судебного сотрудничества имеет перспективу развития в качестве одного из альтернативных способов содействия в вопросе возможности применения иностранного процессуальных норм при исполнении иностранного судебного поручения.

Ключевые слова: *lex (processualis) fori*; *lex (processualis) causae*; иностранные судебные поручения; коллизионные процессуальные нормы; Принципы АЛИ/УНИДРУА; принцип международного судебного сотрудничества.

Процедура реализации судебных поручений включает в себя два самостоятельных процесса, а именно: направление иностранных судебных поручений и исполнение иностранных судебных поручений. Трансграничное судебное поручение является процессуальным инструментом оформления отношений между судом, направляющим судебное поручение, и судом, обязанным исполнить судебное поручение (один из которых находится за границей). Особенности выполнения отдельных процессуальных действий за пределами государства (например, направление извещений, получение доказательств, опрос свидетеля и др.) иностранными судами обуславливают необходимость комплексного исследования вопроса применения процессуального законодательства с учетом государственного суверенитета стран. Отметим, что несоблюдение предусмотренных процессуальных порядков при исполнении иностранного судебного поручения (в данном случае надлежащего извещения ответчика) между судами порождает весомое последствие, такое как невозможность признания и исполнения иностранного судебного решения.

Исторически вопрос исполнения иностранных судебных поручений разрешается в соответствии с правом страны суда *lex (processualis) fori* (процессуальное право страны суда), на основании которого порядок и форма осуществления процессуального действия определяются законодательством страны разрешения спора. Данный принцип превалирует и в доктрине, и в материально правовом регулировании зарубежных стран, начиная с XX века. Отечественные и зарубежные ученые указанной эпохи (например, Л.А. Лунц и Дж. Морелли) [9] считают, что деятельность судебных органов государства определяется только национальным правом этого государства. Указанные ученые также обращают внимание на неуместность постановки вопроса о коллизионной привязке: в области гражданского судопроизводства не может существовать коллизионных норм, поскольку судопроизводство и связанные с ним гражданские процессуальные отношения, как правило, подчинены только собственному праву суда. А. Батиффоль [19] и Дж. Дроз [21] также придерживаясь указанной позиции, аргументировали исключительное применение процессуального законодательства государства суда исходя из того, что на этапе признания иностранного судебного решения вопрос о форме извещения также должен решаться в соответствии с законодательством государства вынесения решения (*lex fori*). Г.К. Чешир обращает внимание на то, что практические трудности применения сложного иностранного процессуального права оправдывают применение *lex fori* [2].

В то же время венгерский ученый И. Шиши выдвигает противоположную точку зрения, в которой отстаивает возможность и необходимость применения не только иностранных материальных частных правовых норм, но и иностранных публично-правовых норм, позволяющих установить подлинность иностранного документа и пр. без применения норм иностранного публичного права [11].

Однако уже во второй половине XX в. в доктрине и практике можно зафиксировать примеры точечного обращения к иностранным процессуальным нормам. Концепция применения иностранного-процессуального права, была разработана И. Шиши, который обосновал возможность применения пяти коллизионных привязок, в зависимости от сложившихся обстоятельств (процессуальное право страны суда – *lex processualis fori*; процессуальное право существа отношения – *lex processualis causae*; процессуальный личный закон – *lex processualis personalis* (понимаемый как *lex processualis domicilii* или *lex processualis patriae*); процессуальный закон места совершения акта – *lex processualis loci actus*; процессуальный закон места нахождения вещи – *lex processualis situs*). Ученый указывает на то, что жесткое требование применения в процессе только закона суда нарушает связь между национальными материальными и процессуальными правилами, так как нормы иностранного материального права практически невозможно превратить в жизнь в форме чуждого для них процессуального порядка закона страны суда. Это препятствует достижению объективной истины и нарушает связь между гражданскими правами и свободами личности в материальном смысле и их процессуальными формами [22].

При рассмотрении отечественным судом дел с иностранным элементом представляется наиболее обоснованным подход возможность использования в качестве генерального принципа (привязки) – *lex processualis fori*, а субсидиарным принципом (привязкой) – *lex (processualis) causae*. Вопрос применения *lex processualis causae* исследовался и в российской доктрине. Отметим, что Т.Н. Нешатаева, предлагая решение процессуального коллизионного вопроса, указывает на необходимость установления «центра тяжести правоотношения» (*lex processualis causae*) [12]. И.В. Гетьман-Павлова, предлагает применение принципа наиболее тесной связи в качестве основного, определяющего применение норм процессуального законодательства в международном гражданском процессе [2]. По мнению Т.В. Сорокиной, определение применимого процессуального права в процессе исполнения иностранных судебных поручений осуществляется вместе с *lex fori* и *lex causae*, а также толкованием на основе сопоставления различных правовых систем и выявления общих признаков того или иного правового института (автономная квалификация) [14, С.133-134].

Важно отметить, что Центральный орган государства может отказать в исполнении судебного поручения в случаях, когда исполнение запроса нанесло бы ущерб суверенитету или безопасности

запрашиваемого государства (ст.13 Гаагской Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г.).

Практическая сложность применения иностранных процессуальных норм к исполнению иностранных судебных поручений тех стран, чьи правовые системы не похожи на их собственные, затрудняют межгосударственное сотрудничество судов в оказании международной судебной помощи и порождают риск отказа в исполнении трансграничного судебного поручения. Для преодоления отказа государства от исполнения иностранного судебного поручения, судам следует оказывать необходимую помощь судам иностранных государств на основе принципа международного судебного сотрудничества, который в российской доктрине расценивается как один из специальных принципов международного гражданского процесса [13, С. 124, 132]. Указанный принцип, также отраженный в Принципах АЛИ/УНИДРОИТ (2004) (далее – Принципы АЛИ/УНИДРУА) [18]. Представляется, что данный принцип должен отражаться в национальном праве государств в отношении к иностранным правопорядкам. Однако по требованию запрашивающей стороны могут применяться специальные средства и процедуры, за исключением случаев, когда это противоречит внутреннему законодательству запрашиваемого государства или применение этих процедур невозможно по причине его внутренней практики и процедуры или в силу практических трудностей.

Как было замечено в российской доктрине, дискреционная оценка правоприменительным органом широких критериев реализации судебной юрисдикции по разрешению трансграничных частных правовых споров сопровождается решением правоприменительного органа специальной задачи преодоления конфликта юрисдикции и соблюдения принципа равенства между судебными процессами различных государств, а также принципа международного судебного сотрудничества [15].

Предлагаемый подход может обобщить мировую правоприменительную практику, дать надежду на ослабление анархического расширения юрисдикционных требований и придать новый виток развития принципам международного гражданского процесса.

В противовес императивному применению принципа *lex fori*, в зарубежной доктрине сформировался подход, в рамках которого извещение считается надлежащим при условии одновременного соблюдения как законодательства государства вынесения решения (*lex fori*), так и законодательства места вручения извещения (*lex diligentiae*) [20]. А.А. Костин обуславливает возникновение рассматриваемого подхода тем, что извещение является разновидностью процессуального действия. Из того, что правосудие представляет собой одну из форм осуществления государственной власти, следует, что на процессуальные действия распространяется общий принцип территориального верховенства (суверени-

тета), согласно которому государство не вправе осуществлять действия на территории иностранного государства в отсутствие согласия последнего. В противном случае подобные действия не будут иметь правового значения для государства, на территории которого они предприняты. Таким образом, направление судебного извещения в обход механизма реализации международной правовой помощи не может рассматриваться в качестве надлежущего, поскольку тем самым затрагивается верховенство государства местонахождения ответчика в области осуществления правосудия [8].

В доктрине дискутируется вопрос, в каком качестве *lex processualis fori* выступает в международном гражданском процессе: как коллизионный принцип (генеральная коллизионная привязка) либо как процессуальный императив (поскольку в вопросах гражданского процесса в принципе нет места для привязки к иностранному праву). Законодательство и судебная практика демонстрируют оба подхода: *lex fori* – это процессуальный императив (Италия, Германия); *lex fori* – это коллизионный принцип (Венесуэла). По мнению И.В. Гетьман-Павловой, в современном международном гражданском процессе правило *lex processualis fori* следует расценивать как коллизионный принцип (генеральную коллизионную привязку) [2].

Анализ двусторонних договоров о правовой помощи свидетельствует о том, что соглашения используют формулировки обобщающего характера с указанием на некоторые примеры конкретных действий, которые могут быть совершены в рамках оказания правовой помощи. По такому принципу сформулирован предмет поручений в большинстве двусторонних соглашений, в которых участвует Российская Федерация (например, с Италией, Вьетнамом, КНДР). В большинстве договоров о правовой помощи отсутствует четкий правовой критерий, определяющий, в соответствии с процессуальным законодательством какого государства должно осуществляться исполнение судебных поручений.

Анализ национального законодательства некоторых стран Европы свидетельствует о тенденции к закреплению широкого спектра норм, предписывающих возможность применения иностранного процессуального права в конкретно указанных случаях (Закон о МЧП Чешской Республики 2012 г., ГПК Румынии 2010 г., закон о МЧП Черногории 2013 г.). Положения европейского права показывают, что решение вопросов юрисдикции предусматривает возможность отсылки к иностранному процессуальному праву и учет его положений. При этом принимаются во внимание процессуальные нормы не только государств – членов ЕС, но и третьих стран (например, Регламент ЕС «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений»).

На вопрос о праве, применимом к исполнению иностранного судебного поручения, законодательство РФ (ч. 3 ст. 398 ГПК РФ) устанавливает, что в процессе производства к делам с участием иностранных лиц применяется российское право. Од-

нако из общего правила возможны исключения, вытекающие из международных обязательств РФ (ч. 1 ст. 253 АПК РФ; ч. 2 ст. 1 ГПК РФ, ч. 3 ст. 3 АПК РФ). Одновременно в российском законодательстве установлена возможность применения норм иностранного процессуального права (например, подача иска и нахождение спора в производстве иностранного суда определяются в соответствии с иностранным процессуальным правом – ч. 1 ст. 406 ГПК РФ, ч. 1 ст. 252 АПК РФ; вступление решения иностранного суда в законную силу определяется в соответствии с иностранным процессуальным правом – ст. 411.2.2 ГПК РФ, ст. 244.1.1 и 252.2 АПК РФ).

Как отмечает И.В. Гетьман-Павлова, следует закрепить в российском законодательстве более широкий спектр случаев применения иностранных процессуальных норм, обращая внимание на возможные проблемы: затруднение и замедление процесса, возможность противоречия публичному порядку (допрос под пыткой, ограничение процессуальной дееспособности замужней женщины), необходимость установления содержания иностранного процессуального права, его применения и толкования [2].

Следует обратить внимание, что необходимость в применении норм иностранного процессуального права возникает в принципиально разных ситуациях – когда на процессуальные правоотношения по трансграничному делу объективно влияет материальное право иностранного государства и если речь идет об исключительно процессуальных правоотношениях. Иностранное процессуальное право (по общему правилу) должно применяться к тем элементам процессуальной формы, которые находятся под воздействием материальных правоотношений, и не применяться (по общему правилу) к тем, которые обладают относительной самостоятельностью. Применение иностранной процессуальной формы в данном случае базируется на общем методологическом положении – процесс должен быть приспособлен к материальному праву. Значительную сложность при этом представляет технико-юридическое оформление данного положения. В отношении же тех элементов процессуальной формы, которые не находятся под воздействием материальных правоотношений и, соответственно, обладают относительной самостоятельностью, вопрос о применении иностранных процессуальных норм по трансграничным делам должен решаться иначе. Главным принципом применения иностранного процессуального права в этих случаях должно быть наличие прямых предписаний об этом в национальном законодательстве. При этом основной проблемой видится не технико-юридическое оформление норм, закрепляющих возможность применения иностранного процессуального права, а определение круга вопросов, требующих обращения к иностранному процессуальному праву. Кроме того, и относительно первой группы процессуальных отношений (зависящих от модели материального правоотношения), и применительно ко второй (обладающей самостоятельностью), требует теоретической разработки система

принципов, на которых будут базироваться применение судами иностранных процессуальных норм, а также необходимые ограничения.

Нельзя не отметить, что возможность исполнения судебного поручения в особой форме, соответствующей законодательству запрашивающего государства, предусмотрена многими международными соглашениями, в частности п. «б» ст. 5 Гаагской конвенции 1965 г., ч. 2 ст. 9 Гаагской конвенции 1970 г., п. 1 ст. 8 Минской конвенции.

К числу процессуальных действий, которые могут являться предметом судебного поручения, поступившего из-за рубежа, можно добавить те действия, которые подлежат совершению в особой процессуальной форме, то есть в форме, не урегулированной нормами российского права, не характерной для российской правовой системы и не являющейся свойственной российскому процессу. Примером тому является использование такой процедуры получения доказательственной информации, как аффидевит, ординарной для процесса некоторых стран общего права [3, С. 221–229].

В отечественной доктрине (Т.В. Сорокина [14, С.137–140], В.В. Ярков [17]) встречается точка зрения о том, что судебное поручение иностранного судебного органа о совершении определенных процессуальных действий в особой форме, не имеющей аналогов в процессуальном законодательстве запрашиваемого государства, требует от российских судов тщательной проработки данного вопроса и применения норм законодательства иностранного государства, а в некоторых случаях обращения за разъяснениями о порядке применения иностранных процессуальных норм и т. п. Данные действия в особой форме требуют определения совместимости с российским законодательством, основополагающими принципами и императивными нормами (т.е. установление непротиворечия запрашиваемых процедур публичному порядку Российской Федерации) [7].

Представляется, что такого рода подход в наибольшей степени отвечает необходимости оценки учета международно-правовых обязательств государства, в частности выявления правоприменительным органом связи дела как с государством места рассмотрения спора, так и с иностранным государством, правоприменительный орган которого рассматривает трансграничный частноправовой спор.

В целях установления содержания норм иностранного права, арбитражный суд может обратиться в установленном порядке за содействием и разъяснением в компетентные органы или организации, привлечь эксперта либо специалиста (ч. 2 ст.14 АПК РФ, ст.55 и 55¹ АПК РФ, п.2 ст.1191 ГК РФ, п.45 и 46 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 N 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»). Вместе с тем Л.В. Терентьева обращает внимание на то, что используемый в п. 2 ст. 1191 ГК РФ термин «суд» указывает, что данная ста-

тья ориентирована на суды, входящие в государственную судебную систему [16]. Преимущества данного способа установления содержания иностранного права отмечены О.Ю. Малкиным, среди них: достоверность информации, предоставленной компетентными органами или организациями (в связи с чем исключается возможность взаимодействия с ними заинтересованных лиц), а также целесообразность возложения по спорам, не связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, на стороны обязанности по предоставлению сведений, содержащих информацию о применимом законодательстве, поскольку они не обладают соответствующими ресурсами [10].

Как отмечают ученые (например, Д.А. Хоцанов [1], В.В. Яркова [6]), российский законодатель в качестве компетентных рассматривает как отечественные, так и зарубежные органы. Ввиду отсутствия закрепленного законодательством перечня таких органов, компетентными могут считаться те органы и организации, которые в силу своего юридического статуса или характера своей основной деятельности связаны со сбором и анализом информации об иностранном праве. В частности, к их числу можно отнести научно-исследовательские учреждения, высшие учебные заведения, Торгово-промышленную палату Российской Федерации.

Следует обратить внимание на судебную практику, которая показывает, что обращение суда в компетентные органы или организации за выяснением содержания иностранного процессуального права, по мнению некоторых ученых (например, Ю.А. Тимохов [4]), не является эффективным.

Таким образом, рассматривая возможность применения коллизионных процессуальных норм при исполнении иностранных судебных поручений, следует заключить:

1. В законодательстве большинства государств закреплены подходы, обуславливающие возможность применения иностранных процессуальных норм в отношении исполнения иностранных судебных поручений. Различие состоит лишь в большем (обращение в компетентные органы за установлением содержания и толкование) или меньшем (стороны учувствуют в установлении содержания иностранного права) участии суда в установлении содержания иностранного права. В свою очередь, российские суды могут последовать такой же практике зарубежных судов в вопросе применения иностранных процессуальных норм и отхождения от императивного применения *lex fori* при взаимодействии с иностранными судами. В данном случае для того, чтобы иностранный институт, обозначенный в судебном поручении, который неизвестен закону страны суда, не привел к отказу в исполнении иностранного судебного поручения, считается возможным применение *lex (processualis) causae*.

2. Возможность применения иностранного процессуального права при исполнении трансграничных судебных поручений, а затем установление содержания процессуальной иностранной нормы права представляет собой непростую задачу для национального правоприменителя. Потенциальная

возможность отказа в исполнении трансграничного судебного поручения возрастает в силу различия правовых систем государств (процессуальные правоотношения по трансграничному делу объективно влияет материальное право иностранного государства). Представляется, связующим звеном для возможности применения иностранного процессуального права и преодоления закрепленного в российском законодательстве императива в вопросе исполнения иностранных судебных поручений может служить принцип международного судебного сотрудничества, отраженный в обобщающих мировой опыт правовых систем Принципах АЛИ/УНИДРУА.

Литература

1. Антонова Е.И., Сирбаева О.Д. Установление содержания норм иностранного права при рассмотрении споров, вытекающих из договорных отношений между субъектами права разных государств: вопросы теории и практики // Вестник РУК. 2015. №3 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-soderzhaniya-norm-inostrannogo-prava-pri-rassmotrenii-sporov-vytekayuschih-iz-dogovornyh-otnosheniy-mezhdu-subektami> (дата обращения: 12.03.2023).
2. Гетьман-Павлова И.В. Процессуальные коллизийные нормы в международном частном праве и международном гражданском процессе // Журнал российского права. 2018. №3 (255). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-kollizionnye-normy-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave-i-mezhdunarodnom-grazhdanskom-protseste> (дата обращения: 01.03.2023).
3. Захарова Р.Ф. Особый вид письменных доказательств (аффидевиты) в странах англо-американского права по делам о наследовании советских граждан // Проблемы государства и права на современном этапе. М., 1973. Вып. 6. С. 221–229
4. Иностранное право в судебной практике: юридические статьи / Ю.А. Тимохов. М. : Волтерс Клувер, 2004. 176 с.
5. Канашевский В.А. Проблема квалификации в международном частном праве // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9.
6. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М, 2011. 1152 с.
7. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М. : Статут, 2020. 1072 с.
8. Костин А.А. Надлежащее и своевременное извещение ответчика как условие признания и исполнения решения иностранного суда (анализ Ч. 1 ст. 244 АПК РФ и Ч. 1 ст. 412 ГПК РФ) // Закон. 2017. № 4. С. 120-131
9. Лунц Л.А. Курс международного частного права в 3 т. М.: Спарк, 2002. 1007 с.
10. Малкин О.Ю. Установление содержания иностранного права судом: проблемы правового регулирования и правоприменения // Российское правосудие. 2015. № 7(111). С. 21–31.
11. Международный гражданский процесс: учебник для бакалавриата и магистратуры / И.В. Гетьман-Павлова, А.С. Касаткина, М.А. Филатова : под общ. ред. И.В. Гетьман-Павловой. М. : Изд-во Юрайт, 2017. 271 с.
12. Нешатаева Т.Н. Международное частное право и международный гражданский процесс. М. : Городец, 2004. 619 с.
13. Саенко А.В. Принципы международного гражданского процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 27 с.
14. Сорокина Т.В. Институт судебных поручений в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2015. 168 с.
15. Терентьева Л.В. Содержание принципа тесной связи при установлении судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам // Вестник арбитражной практики. 2021. № 3(94). С. 65-75.
16. Терентьева Л.В. Установление содержания применимого права международным коммерческим арбитражем // Третейский суд. 2018. № 1–2 (113–114). С. 218–228
17. Ярков В.В. Судебные извещения в международном гражданском процессе (на примере извещения российских граждан судами Великобритании) // Закон. 2012. № 8. С. 33–38
18. ALI/UNIDROIT Principles of Transnational Civil Procedure // URL: <http://www.unidroit.org/english/principles/civilprocedure/main.htm> (дата обращения: 25.02.2023).
19. Batiffol H. Traite elementaire de droit international prive: Nationalite, condition des etrangers, conflits de lois, conflits de juridictions. Paris, 1949. 850 p.
20. Dolinger J., Tiburcio C. The Forum Law Rule in International Litigation - Which Procedural Law Governs Proceedings to Be Performed in Foreign Jurisdictions: Lex Fori or Lex Diligentiae // Texas International Law Journal. 1998. Vol. 33. Iss. 3. P. 425–462.
21. Droz G.A.L. Competence judiciaire et effets des jugements dans le Marche commun: etude de la Convention de Bruxelles du 27 septembre 1968. Dalloz, 1972. 577 p.
22. Szászy I. The Basic Connecting Factor in International Cases in the Domain of Civil Procedure.

Application of Conflict of Laws Rules of Procedure in the Execution of Foreign Letters Rogatory

Karandasheva N.N. Moscow State University of Law them. O.E. Kutafin" (MSAL)

Objective: to identify the main approaches to solving the problem of applicable procedural law in the issue of execution of foreign letters rogatory on the basis of analysis of domestic and foreign doctrine, legislation and judicial practice.

Results: the analysis of domestic and foreign doctrine and practice of private international law and international civil procedure leads to the conclusion that the law of the forum (lex fori) can no longer be the only rule which determines the performance of foreign letters rogatory, as courts are faced with institutions that have no analogues in the domestic legal system, which leads to denials of execution of cross-border letters rogatory. It is suggested to consider the possibility of applying the collision procedural rules in the execution of foreign letters rogatory on the basis of lex

(processualis) causae, since this approach is more in line with the principle of international judicial cooperation enshrined in the ALI / UNIDROIT Principles and Rules of Transnational Civil Procedure. Even in the conditions of sanctions restrictions the application of the principle of international judicial cooperation has a perspective development as one of alternative ways of assistance in the question of possibility of application of foreign procedural rules during the fulfillment of the foreign letters rogatory.

Keywords: lex (processualis) fori; lex (processualis) causae; foreign letters rogatory; conflict of laws rules; ALI/UNIDROIT Principles; principle of international judicial cooperation.

References

1. Antonova E.I., Sirbaeva O.D. Establishing the content of the norms of foreign law in the consideration of disputes arising from contractual relations between subjects of law of different states: issues of theory and practice // Bulletin of HANDS, 2015. No.3 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-soderzhaniya-norminostrannogo-prava-pri-rassmotrenii-sporov-vytekayuschih-iz-dogovornyhotnosheniy-mezhdu-subektami> (accessed 12.03.2023).
2. Getman-Pavlova I.V. Procedural conflict of laws norms in private international law and international civil procedure // Journal of Russian Law. 2018. №3 (255). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-kollizionnyenormy-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave-i-mezhdunarodnom-grazhdanskom-protseesse> (date of appeal: 01.03.2023).
3. Zakharova R.F. A special kind of written evidence (affidavits) in the countries of Anglo-American law in cases of inheritance of Soviet citizens // Problems of state and law at the present stage. M., 1973. Issue 6.
4. Foreign law in judicial practice: legal articles / Yu.A. Timokhov. M. : Volters Kluver, 2004. 176 p.
5. Kanashevsky V.A. The problem of qualification in private international law // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 9.
6. Commentary to the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (article by article) / Edited by V.V. Yarkov. 3rd ed., reprint. and additional M, 2011. 1152 p.
7. Commentary to the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (article by article) / Edited by V.V. Yarkov. 4th ed., ispr. and pererab. M. : Statute, 2020. 1072 p.
8. Kostin A.A. Proper and timely notification of the defendant as a condition for recognition and enforcement of a foreign court decision (analysis of Part 1 of Article 244 of the APC of the Russian Federation and Part 1 of Article 412 of the CPC of the Russian Federation) // Law. 2017. No. 4.
9. Lunts L.A. Course of international private law in 3 volumes. M. : Spark, 2002. 1007 p.
10. Malkin O.Yu. Establishing the content of foreign law by the court: problems of legal regulation and law enforcement // Russian justice. 2015. № 7(111).
11. International civil procedure : textbook for bachelor's and master's degree tours / I.V. Getman-Pavlova, A.S. Kasatkina, M.A. Filatova : under the general editorship of I.V. Getman-Pavlova. M. : Yurayt Publishing House, 2017. 271 p.
12. Neshataeva T.N. International private law and international citizenships process. M. : Gorodets, 2004. 619 p.
13. Saenko A.V. Principles of international civil procedure : abstract. dis. ... cand. jurid. M., 2013. 27 p.
14. Sorokina T.V. Institute of court orders in civil proceedings of the Russian Federation. Diss. ... cand. jurid. sciences'. Voronezh, 2015. 168 p.
15. Terentyeva L.V. The content of the principle of close connection in establishing judicial jurisdiction in cross-border private law disputes // Bulletin of Arbitration Practice. 2021. № 3(94).
16. Terentyeva L.V. Establishing the content of the applicable law by international commercial arbitration // Arbitration Court. 2018. № 1-2 (113-114).
17. Yarkov V.V. Judicial notices in international civil proceedings (on the example of notification of Russian citizens by UK courts) // Law. 2012. No. 8.
18. ALI/UNIDROIT Principles of Transnational Civil Procedure // URL: <http://www.unidroit.org/english/principles/civilprocedure/main.htm> (accessed: 02/25/2023).
19. Batiffol N. Traite elementaire de droit international prive: Nationalite, condition des etrangers, conflits de lois, conflits de jurisdictions. Paris, 1949. 850 p.
20. Dolinger J., Tiburcio S. The Forum Law Rule in International Litigation - Which Procedural Law Governs Proceedings to Be Performed in Foreign Jurisdictions: Lex Fori or Lex Diligentiae // Texas International Law Journal. 1998. Vol. 33. Iss. 3. P. 425-462.
21. Droz G.A.L. Competence judiciaire et effets des jugements dans le Marche commun: etude de la Convention de Bruxelles du 27 septembre 1968. Dalloz, 1972. 577 p.
22. Szász I. The Basic Connecting Factor in International Cases in the Domain of Civil Procedure.

Понятие и виды мер административного принуждения, применяемых сотрудниками полиции в деятельности по охране общественного порядка

Крупин Владимир Александрович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Сибирский юридический институт МВД России, krovova1975@yandex.ru

В статье представлены некоторые подходы к определению понятия «административно-правовое принуждение». Отмечается, что важнейшая целью мер административного принуждения – соблюдение, восстановление и поддержание общественного порядка. Разнообразие ситуаций нарушения общественного порядка порождает разнообразие видов мер административного принуждения. Проанализированы основные общепризнанные характеристики мер административного принуждения, применяемые сотрудниками полиции в деятельности по охране общественного порядка. Рассмотрены классификации мер административного принуждения. Отмечено, что принуждение может заключаться в оказании психологического, физического, материального либо организационного воздействия на сознание и поведение личности. Выявлены проблемные аспекты регламентации мер административного принуждения, применяемые сотрудниками полиции в деятельности по охране общественного порядка.
Ключевые слова: общественный порядок, полиция, меры административного принуждения, пресечение, государственное принуждение, институт административно-правового принуждения

Институт административно-правового принуждения является собой неотъемлемый компонент системы государственного принуждения, выполняет функцию руководства социумом и имеет важное значение в контексте (1) защиты прав и интересов граждан и корпоративных структур, (2) охраны правопорядка и общественного порядка, (3) защиты собственности, (4) формирования благоприятных условий для деятельности представителей власти [11, с. 49]. Б. В. Мясников отмечает, что концепции административного принуждения свойственен исторический динамизм, но с позиции целевого назначения и предопределенности правом – это институт постоянный [10, с. 54].

Для того, чтобы рассмотреть перечни мер административного принуждения в деятельности по охране общественного порядка, а также противоречивые, дискуссионные и проблемные аспекты, имеющиеся в данном сегменте научно-теоретического и прикладного знания, требуется определить существенные черты самой категории «административное принуждение». В данной связи обратимся к дефинициям, накопленным на сегодняшний день в научном правовом массиве. Э. Т. Сидоров и А. Ю. Тарасов определяют административно-правовое принуждение следующим образом: разновидность государственного принуждения, сущность которого заключается в оказании психологического, материального или физического воздействия на сознание и поведение лиц «с целью защиты прав и свобод граждан, обеспечения личной и общественной безопасности граждан, охраны общественного порядка и собственности» со стороны должностных лиц [11, с. 49].

Дефиницию можно найти в работах А. Н. Кокарева, по мнению которого сущность административного принуждения заключается «в применении специально уполномоченными субъектами мер принудительного характера, предусмотренных нормами административного права и направленных на обеспечение общественной безопасности, а также защиту общественных отношений в сфере государственного управления» [4, с. 15]. С. А. Бараковских определяет административное принуждение как ключевой юридический инструмент формирования условий для правопорядка и его поддержания, как негативное властное воздействие на сознание и волю лиц с целью принуждения их «к должному поведению» [2, с. 13]. Э. Х. Мамедов говорит о том, что административное принуждение есть обоснованная законодательством реакция уполномоченных лиц «на административное правонарушение, преступление либо иную правовую аномалию» [9, с. 10].

В рассматриваемой нами предметной области единства мнений в отношении сущности административного принуждения пока не наблюдается. Некоторые авторы говорят о том, что принуждение следует разграничивать с убеждением, так как сегодня в ряде случаев наблюдается смешение двух категорий. Существует также точка зрения о том, что принуждение, государственное принуждение, административное принуждение и принуждение правовое следует рассматривать как разные самостоятельные явления, связанные между собой «более сложными отношениями, чем прямая обусловленность» [8, с. 9].

Несмотря на схожесть авторских определений административного принуждения, разные специалисты по-разному локализируют смысловой акцент в определении термина, подчеркивая ту или иную сущностную черту рассматриваемого нами понятия. В связи с этим можно обобщить накопленные в научном массиве дефиниции и представить основные подходы к определению мер административного принуждения.

В рамках широкого подхода авторы включают в перечень мер административного принуждения любые действия, которые принимаются государственными органами для защиты закона и общественного порядка; к таким мерам могут относиться аресты, штрафы, конфискация имущества и другие административные санкции. Узкий подход, в свою очередь, сужает определение мер административного принуждения до таких действий, которые принимаются государственными органами для принудительного выполнения административных правил и норм. К таким мерам могут относиться лишение прав, временный запрет на осуществление деятельности и т. д. [8, с. 9].

Функциональный подход сосредоточен на целях, которые преследуются представители органов власти при применении мер административного принуждения. К таким целям могут относиться обеспечение общественной безопасности, предотвращение правонарушений, защита прав и свобод граждан и т. д. Правовой подход выделяет меры административного принуждения как средства реализации государственной власти в области административного права. Подобные меры должны быть законными, справедливыми и соответствовать конституционным и международным нормам права. В рамках подобного подхода аксиоматическим признается тот факт, что меры административного принуждения, принимаемые сотрудниками полиции, должны подходить под критерии законности. Законность применения полицией мер административного принуждения есть, по Э. Х. Мамедову, «соответствие фактических действий уполномоченных сотрудников полиции нормам административного и административно-процессуального права, устанавливающим основания, цели, порядок и условия реализации способа принудительного воздействия», а также соответствие содержанию меры указаниям законодателя, соответствие сроков применения установленным и соответствие при документальном оформлении факта принятия меры [9, с. 22].

Приведем некоторые примеры мер административного принуждения, которые могут быть применены в различных ситуациях: (1) наложение штрафа за нарушение правил дорожного движения, за несоблюдение правил пожарной безопасности, за нарушение режима тишины и т.д.; (2) лишение водительского удостоверения или временный запрет на управление транспортным средством за повторное нарушение правил дорожного движения; (3) принудительное закрытие предприятия или организации за нарушение требований санитарных и гигиенических норм; (4) административное выдворение иностранного гражданина из страны за нарушение миграционного законодательства; (5) принудительное приведение в порядок места жительства или рабочего места, в случае нарушения жилых и трудовых стандартов; (6) принудительное отвлечение от занятий студента, который нарушает общественный порядок в районе учебного заведения; (7) лишение права на занятие определенной профессиональной деятельностью за нарушение требований профессиональной этики и морали; (8) принудительная конфискация имущества за его незаконное использование или приобретение.

Важнейшая цель мер административного принуждения – соблюдение, восстановление и поддержание общественного порядка. К сожалению, российский законодатель не выработал четкой дефиниции общественного порядка, несмотря на то, что административное и уголовное законодательство предусматривают наказания за правонарушения и преступления, посягающие на общественный порядок [3, с. 161]. В общем виде общественный порядок можно понимать как систему норм, правил и законов, которые регулируют поведение людей в обществе и способствуют сохранению общественной стабильности и безопасности. Понятие «общественный порядок» включает в себя установленные нормы поведения, принципы этики и морали, законы и права, а также институты, которые их соблюдают и обеспечивают их выполнение. Основной целью общественного порядка является защита прав и свобод граждан, а также обеспечение мирного сосуществования и безопасности всех членов общества. А. Н. Адилев указывает, что категория «общественный порядок» включает в себя сбалансированную систему и состояние общественных отношений, результат соблюдения моральных, социальных и правовых норм. По мнению исследователя, общественный порядок можно понимать, во-первых, как некий эталон, гипотетическое состояние функционирования общества, прописанное в законодательстве, и во-вторых как реальное состояние социальных отношений, которые сформировать в соответствии с законодательными нормами [1, с. 7-10].

А. К. Дубровин и Ю. Р. Бальжинмаев говорят о том, что определение дефиниции общественного порядка можно косвенно вывести из целей правоохранительной деятельности и целей государственного управления, которые представлены в ряде нормативных положений. Таким образом, общественный порядок есть результат деятельности по охране

«таких благ, как жизнь, здоровье, честь, достоинство человека, иных благ и законных интересов граждан, охрана собственности как основы хозяйственного прогресса общества, общественного спокойствия, создание условий для стабильной деятельности государственных, муниципальных и общественных организаций» [3, с. 161]. Меры административного принуждения по охране общественного порядка могут включать быть следующими: предупреждение (сотрудники полиции могут устно или письменно предупредить лицо, которое нарушает общественный порядок); штраф (распространенная мера административного принуждения, штраф налагается на лицо, нарушающее общественный порядок, а его объем обусловлен характером нарушения); административное выдворение (лицо, которое не имеет права находиться на определенной территории, может быть выдворено государственными органами).

Обратимся к основным общепризнанным характеристикам мер административного принуждения, применяемым сотрудниками полиции в деятельности по охране общественного порядка.

Во-первых, меры административного принуждения применяются в связи с антиобщественными деяниями, которые идут вразрез с правовыми нормами, охраняющие общественный порядок. Данная черта, с одной стороны, является общепризнанной, но с другой – зачастую оспаривается современными правоведами. Речь идет о том, что административное принуждение может быть применено не только в ситуации совершения административного правонарушения, нарушающего общественный порядок, но и в целях превенции подобного правонарушения. Применение мер административного принуждения имеет место при отсутствии правонарушений в целях упреждающего воздействия (к примеру, меры, направленные на обеспечения карантина, меры по обязательному лечению лиц от аддикций и проч.). В подобных случаях применение мер принуждения обусловлено потребностью в гарантии обеспечения общественного порядка.

Во-вторых, административное принуждение осуществляется в большинстве случаев во внесудебном порядке и в рамках внеслужебного подчинения. Субъекты реализации мер административного принуждения обладают специальными полномочиями по отношению к субъектам, непосредственно не подчиненным им по службе. К примеру, сотрудники полиции могут проверять документы и разрешения на проживания лиц, которые могут оказаться нелегальными мигрантами, не являясь при этом сотрудниками миграционных служб.

В-третьих, применение мер административного принуждения отличается упрощенным порядком в сопоставлении с иными видами государственного принуждения. Это обусловлено необходимостью быстроты принятия решения в ситуациях эскалации конфликта, резкого изменения поведения лиц и непосредственной угрозы общественному порядку.

Все вышеизложенное позволяет констатировать, что метод административного принуждения остается одним из важнейших в правоприменительной

деятельности государства и действенным инструментом охраны общественного порядка [8, с. 12].

Разнообразие ситуаций нарушения общественного порядка порождает разнообразие видов мер административного принуждения. Как отмечено выше, принуждение может заключаться в оказании психологического, физического, материального либо организационного воздействия на сознание и поведение личности (Таблица 1).

Таблица 1
Виды мер административного принуждения, принимаемых сотрудниками полиции с целью восстановления или поддержания общественного порядка (по критерию типа воздействия)

Вид мер	Содержание	Примеры в ситуациях обеспечения общественного порядка
Меры психологического принуждения	Меры, которые оказывают воздействие на разум и эмоции, формируют волю лица, склоняют к правомерному поведению путем угрозы применения мер воздействия.	При охране общественного порядка, при осуществлении функций в сфере обеспечения общественной безопасности, сотрудники полиции уполномочены предъявлять к личности требования, связанные с соблюдением правопорядка; к таким требованиям относится требование прекратить противоправное поведение.
Меры физического принуждения	Выражается путем непосредственного воздействия на личность.	Сотрудники полиции, производя задержание лица, нарушающего общественный порядок, лишают его свободы передвижения посредством применения физической силы и других специальных средств.
Меры материального принуждения	Воздействие на поведение личности посредством мер, направленных на имущество либо денежные средства.	Если имущество лица было использовано для нарушения общественного порядка, сотрудники полиции могут конфисковать это имущество.
Организационное воздействие	Воздействие на интересы личности как субъекта либо организованной системы или обладателя определенного статуса [2, с. 11].	Применяется сотрудниками полиции реже (к примеру, принудительное отвлечение от занятий применяется не полицией, а администрацией учебных учреждений).

Согласно иной классификации, сформулированной на основании целей применения, способов обеспечения правопорядка и общественной безопасности, меры административного принуждения подразделяются на четыре группы: меры административного предупреждения; меры административного пресечения; меры административно-процессуального обеспечения; меры административной ответственности (административные наказания). При этом, в компетенцию сотрудников полиции (без действия органов суда и иных органов) входят первые два вида мер.

Выше в статье нами уже были рассмотрены меры административного предупреждения, в связи с чем целесообразным будет раскрытие сущности

мер пресечения. Пресечение – значит волевое прекращение, остановка чего-либо, прекращение развития негативного воздействия. Соответственно, применение сотрудниками полиции мер административного принуждения пресекательного характера также направлено на ситуации, когда предупредить общественно опасную ситуацию не удалось, в связи с чем требуется остановить ее развитие. Меры пресекательного характера, как и упреждающие меры, направлены на обеспечение общественной безопасности, так и во благо самого лица, нарушающего общественный порядок. К примеру, доставление лиц, находящихся в состоянии опьянения в общественном месте, в медицинские учреждения предупреждает совершение более ими более серьезных противоправных деяний, предохраняет от причинения вреда своему здоровью [6, с. 158].

В заключение статьи можно обратиться к проблемным аспектам регламентации мер административного принуждения, применяемых сотрудниками полиции в деятельности по охране общественного порядка. Во-первых, следует еще раз подчеркнуть необходимость внедрения в законодательный массив категории «общественный порядок». Во-вторых, как считает С. Г. Костин, в отношении таких мер, как применение физической силы, специальных средств и оружия, необходимо более четко определить перечень составов административных правонарушений, являющихся основанием для их реализации [6, с. 158]. В-третьих, на сегодняшний день «поощрительных административно-правовых средств в количественном плане значительно меньше, чем средств административного принуждения» [7, с. 15]; это свидетельствует о наличии тенденции неоправданного ужесточения административных репрессий. В-четвертых, остроту сохраняет проблема обеспечения прав и свобод лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, доставленных в дежурные части. Как известно, срок административного задержания не должен превышать трех часов, а в отношении лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, он исчисляется с момента вытрезвления. Тем не менее, закон не определяет критерии вытрезвления [6, с. 159]. По мнению С. Г. Костина, для повышения эффективности охраны общественного порядка требуется рассмотреть вопрос о воссоздании медицинских вытрезвителей. В-пятых, из-за размытости законодательных формулировок в отношении перечня мер и процедур их применения применение мер административного принуждения сотрудниками полиции «зачастую происходит с произвольным и расширительным толкованием своих полномочий» [8, с. 9].

Таким образом, меры административного принуждения, применяемые сотрудниками полиции в деятельности по охране общественного порядка, являются важным инструментом для поддержания правопорядка и обеспечения безопасности в обществе. Однако, при применении этих мер необходимо соблюдать принцип законности, справедливости и пропорциональности. Сотрудники полиции должны действовать в рамках своих полномочий и уважать права и свободы граждан. Также важно, чтобы эти

меры были применены с учетом конкретной ситуации и только в тех случаях, когда это необходимо для обеспечения общественного порядка.

Литература

1. Адиллов, А. Н. Понятие, содержание и сущность системы охраны общественного порядка / А. Н. Адиллов // Административное право и процесс. – 2009. – № 4. – С. 7-10.
2. Бараковских, С. А. Функциональные признаки мер административного принуждения / С. А. Бараковских // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2017. – №2. – С. 10-14.
3. Дубровин, А. К. Деятельность полиции по охране общественного порядка в Российской Федерации / А. К. Дубровин, Ю. Р. Бальжинимаяев // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №9 (189). – С. 160-162.
4. Кокарев, А. Н. Реализация мер административного пресечения в деятельности органов внутренних дел / А. Н. Кокарев. – М., 2010. – С. 15.
5. Коркин, А. В. Понятие, признаки и сущность административно-правового принуждения / А. В. Коркин // Проблемы науки конституционного и административного права: сб. науч. статей. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2005. –
6. Костин, С. Г. Актуальные проблемы применения мер пресечения к лицам, совершающим административные правонарушения в состоянии алкогольного опьянения / С. Г. Костин // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – №1 (49). – С. 157-162.
7. Куракин, А. В. Вопросы административного принуждения / А. В. Куракин // Административное и муниципальное право. – 2021. – №2. – С. 10-24.
8. Майоров, В. И. Административное принуждение: понятие, место и формы выражения / В. И. Майоров, А. В. Коркин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – №4 (11). – С. 8-20.
9. Мамедов, Э. Х. О понятии законности применения полицией мер административного принуждения / Э. Х. Мамедов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – №4. – С. 17-23.
10. Мясников, Б. В. Применение полицией мер государственного принуждения / Б. В. Мясников // Символ науки. – 2019. – №2. – С. 54-58.
11. Сидоров, Э. Т. Анализ института административно-правового принуждения с использованием системно-структурного подхода / Э. Т. Сидоров, А. Ю. Тарасов // Полицейская деятельность. – 2017. – №1. – С. 47-60.

The concept and types of administrative compulsory measures used by the police staff in the activities for protection of public order
Krupin V.A.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
The article presents some approaches to the definition of the concept of "administrative-legal coercion". It is noted that the most important goal of administrative enforcement measures is the observance, restoration and maintenance of public order. The variety of situations of violation of public order gives rise to a variety of types of measures of administrative coercion. The main generally recognized characteristics of administrative coercion measures used by police officers in their activities to protect public order are analyzed. Classifications of measures of administrative coercion are considered. It is noted that coercion may consist in providing a

psychological, physical, material or organizational impact on the consciousness and behavior of the individual. The problematic aspects of the regulation of measures of administrative coercion used by police officers in their activities to protect public order are identified.

Keywords: public order, police, measures of administrative coercion, suppression, state coercion, institute of administrative legal compulsory

References

1. Adilov, A. N. Concept, content and essence of the public order protection system / A. N. Adilov // Administrative law and process. - 2009. - No. 4. - S. 7-10.
2. Barakovskikh, S. A. Functional features of administrative coercion measures / S. A. Barakovskikh // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2017. - No. 2. - P. 10-14.
3. Dubrovin, A. K. Police activities for the protection of public order in the Russian Federation / A. K. Dubrovin, Yu. R. Balzhinimaev // Law and State: Theory and Practice. - 2020. - No. 9 (189). - S. 160-162.
4. Kokarev, A. N. Implementation of measures of administrative restraint in the activities of internal affairs bodies / A. N. Kokarev. - M., 2010. - S. 15.
5. Korkin, A. V. The concept, signs and essence of administrative-legal coercion / A. V. Korkin // Problems of science of constitutional and administrative law: Sat. scientific articles. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. -
6. Kostin, S. G. Actual problems of applying preventive measures to persons committing administrative offenses while intoxicated / S. G. Kostin // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - No. 1 (49). - S. 157-162.
7. Kurakin, A. V. Issues of administrative coercion / A. V. Kurakin // Administrative and municipal law. - 2021. - No. 2. - P. 10-24.
8. Mayorov, V. I. Administrative coercion: concept, place and forms of expression / V. I. Mayorov, A. V. Korkin // Law and order: history, theory, practice. - 2016. - No. 4 (11). - S. 8-20.
9. Mamedov, E. Kh. On the concept of the legality of the use of measures of administrative coercion by the police / E. Kh. Mamedov // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - No. 4. - S. 17-23.
10. Myasnikov, B. V. The use of measures of state coercion by the police / B. V. Myasnikov // Symbol of science. - 2019. - No. 2. - S. 54-58.
11. Sidorov, E. T. Analysis of the institution of administrative and legal coercion using a system-structural approach / E. T. Sidorov, A. Yu. Tarasov // Police activity. - 2017. - No. 1. - S. 47-60.

К вопросу о реализации полномочий Прокуратуры РФ по защите прав и свобод человека и гражданина в судебном порядке вне уголовно-правовой сферы

Титова Анна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, ЮРИУ, РАНХиГС, pecherskaia8621@mail.ru

Титов Владимир Денисович

студент ПОНБ 511, ЮРИУ, РАНХиГС

С целью недопущения снижения уровня правовой защищенности российский законодатель начал внедрять в правовой массив дополнительные механизмы и рычаги правовой защиты граждан. Одним из подобных рычагов является расширение полномочий и компетенций прокураторы. Прокуратура может вмешиваться в процессы защиты прав гражданина и личности в тех случаях, когда способность личности на защиту собственных прав может быть тем или иным образом нарушена. Необходимость правовой поддержки со стороны прокуратуры зачастую оказывается обусловленной состоянием здоровья граждан или иных лиц, из-за чего они не могут самостоятельно защитить свои права и интересы. По мнению некоторых отечественных специалистов, в данном аспекте законодатель допускает пробел, касающийся отсутствия дефиниции категории «состояние здоровья». Причины для вмешательства прокурора в гражданские или административные дела прописаны в законах недостаточно четко; не вполне понятно, какое именно состояние здоровья лица позволяет ему рассчитывать на участие прокурора в деле, затрагивающем его права и интересы.

Ключевые слова: прокурор, прокуратура, права и свободы гражданина и человека, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, состояние здоровья

Если следовать положениям Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (1948 г.) и Конституции Российской Федерации, права и свободы гражданина условно классифицируются на личные, политические и социально-экономические. Концептуальная сущность большинства статей Конституции РФ заключается в констатации гарантий защиты прав и свобод граждан. Подобный акцент, впрочем, свойственен конституционным правовым массивам большинства стран мира; приоритетность личности и ее интересов есть логичный итог эволюция человеческой цивилизации с присущей ей гуманизмом и ценностью человеческой жизни. Несмотря на это, область защиты прав и свобод граждан до сих пор содержит множество актуальных – и даже болезненных – аспектов. Как указывает С. А. Чупанова, на текущий момент государство пока не смогло гарантировать 100%-ное соответствие реальной практики букве Закона [17, с. 59].

Допускаемые нарушения прав и свобод человека и гражданина приводят к росту количества рассматриваемых судами дел – вплоть до формирования «конвейерного» режима отправления правосудия, что, в свою очередь, негативно сказывается на качестве правосудия. В данной связи, а также с целью недопущения снижения уровня правовой защищенности российский законодатель начал внедрять в правовой массив дополнительные механизмы и рычаги правовой защиты граждан. Одним из подобных рычагов является расширение полномочий и компетенций прокураторы. Одним из примеров попыток расширения полномочий и ответственности прокуратуры в рассматриваемой нами предметной области является, к примеру, включение в Закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации» самостоятельного раздела «Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [15].

Априорная сущность деятельности органов прокуратуры как фундаментального правоохранительного института заключается в охране прав и свобод граждан. Правозащитный вектор деятельности прокуратуры – один из приоритетных и наиболее значимых социально; общепризнанно, что эффективность прокуратуры есть залог верховенства закона в государстве [4, с. 165]. Исходя из конституционных положений и вытекающих из них законодательных норм, прокуратура противодействует противоправным деяниям в различных сферах общественной и частной жизни, а также является «последним оплотом» при восстановлении нарушенных прав и свобод личности.

Согласно тексту приказа Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 («Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [10]), обстоятельствами, которые позволяют прокуратуре вмешаться в правоохранительную деятельность, являются следующие:

(1) зафиксирован факт нарушения прав граждан, (а) о котором прокуратура была уведомлена гражданами, (б) который стал известен из ознакомления с материалами СМИ, (в) идентифицированный в результате проверок органов прокуратуры или (4) обнаруженный иным образом;

(2) права личности и гражданина были нарушены органами и/или должностными лицами, деятельность которых находится в сфере воздействия прокуратуры.

Ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре» детализирует, при этом, перечень вышеотмеченных институций: органы государственной или муниципальной власти; должностные лица данных органов; должностные лица иных организаций и др. [15].

Российский законодатель, при этом, указывает, что прокуратура может вмешиваться в процессы защиты прав гражданина и личности в тех случаях, когда способность личности на защиту собственных прав может быть тем или иным образом нарушена [8, с. 106; 1, с. 235]. Прокуратура, таким образом, выступает дополнительным «слоем» защиты прав личности, которая нуждается в подобной дополнительной защите. Группы лиц, которым может быть оказано содействие в защите прав и интересов со стороны прокуратуры, следующие:

- лица, находящиеся в местах лишения свободы;
- лица, правовое положение которых может быть существенно ограничено лицами, поднадзорными прокуратуре (к примеру, должники, зависимые от органов исполнения наказаний);
- лица, которые в силу иных объективных причин могут испытывать ущемленность в процессах защиты собственных прав и интересов (иностранцы, ветераны, пенсионеры и проч.).

Как отмечено выше, Конституция РФ предусматривает несколько групп прав и свобод гражданина и человека; прокуратура способна обеспечивать защиту в раках каждой из вышепредставленных групп (Таблица 1).

Рассмотрим требования российского законодательства по реализации полномочий прокурора в гражданском и административном судопроизводстве и выделим ключевые закономерности и функции прокуратуры в области обозначенных в Таблице 1 прав и свобод. Как показывает реальная практика судопроизводства, прокуратура в последние годы существенно расширила свое участие в административном судопроизводстве. Тем не менее, как указано в пособии «Участие прокурора в административном судопроизводстве: правовое регулирование и правоприменительная практика: пособие» (сост. Ю. Г. Насоновым и др.), налицо пробелы законодательного характера, а также нехватка единообразия судебных кейсов, касающихся реализацию положений, регулирующих вопросы участия

прокуроров в административном судопроизводстве; ситуацию усугубляет, помимо прочего, дефицит современных публикаций и научно-методической литературы [14, с. 4].

Таблица 1
Группы прав и свобод человека и гражданина согласно российской законодательству и роль прокуратуры в их защите
Примечание: собственная разработка

Категория прав и свобод	Содержание	Роль прокуратуры в защите прав и свобод
Личные права и свободы	Право на жизнь, право на защиту достоинства личности, право на свободу, право на личную неприкосновенность и неприкосновенность частной жизни, право на личную и семейную тайну, право защиту чести и репутации, право на неприкосновенность жилища.	Прокуратура охраняет личные права и свободы с целью обеспечения цивилизованных условий существования гражданского общества и реализации конституционных принципов.
Политические права и свободы	Право на участие граждан в политической жизни общества, право на формирование государственно-правовых институтов.	Прокуратура реализует полномочия по защите права на свободу мысли и слова, совести, права на объединение, право на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетов; прокуратура защищает избирательные права граждан.
Экономические, социальные и культурные права и свободы	Право на социальную защищенность, право на экономическое самовыражение, право на участие в общественном производстве.	Прокуратура защищает права на свободное использование имущества; права частной собственности; права свободного распоряжения трудовыми ресурсами личности, право на медицинскую помощь.

Правовым фундаментом для участия прокуратуры в административном судопроизводстве выступает, во-первых, соответствующий сегмент отечественного процессуального правового массива (в особенности – ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ), и, во-вторых, положения ст. 35 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [15]. Уточняет специфику реализации механизмов участия прокуратуры в административных делах также постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» [9].

Согласно ст. 39 КАС РФ, прокурор имеет право инициировать административное судопроизводство с целью защиты прав, свобод и интересов граждан, иных лиц или же для защиты интересов Российской Федерации, а также по иным законным основаниям [6]. Административное судопроизводство может быть инициировано прокураторой в том случае, если лицо, интересы и права которого могут быть нарушены или уже нарушены, имеет особое состояние здоровья, является несовершеннолетним или находится в преклонном возрасте, является

недееспособным и в ситуации наличия иных барьеров для обращения в органы суда.

Прокурор, как должностное лицо, обеспечивающее правопорядок и законность, обязано выступать также в гражданском судопроизводстве. Закон, как и в рассмотренной выше области административного права, устанавливает список категорий гражданских дел, в которых участие прокурора считается обязательным. Здесь в принципе, действуют аналогичные положения, которые были описаны нами ранее: прокурор должен защищать интересы тех лиц, которые не могут сделать это в полной мере качественно в силу объективных причин. Прокурор, также образом, принимает участие в делах, связанных с лишением родительских прав; усыновлением или удочерением; ограничением или лишением дееспособности; избирательными правами; признанием лица безвестно отсутствующим или умершим.

Прокурор способен как вступить в текущее дело, так и инициировать его. При этом в обязанности прокурора входит проверка оснований для «запуска» разбирательства в гражданском суде. Если проверка показывает отсутствие оснований или необоснованность требований, прокурор должен отказать от иска, так как при его поступлении в суд обратного хода судебному процессу уже не будет. Как показывает анализ обращений граждан в органы суда в связи с гражданскими делами, они часто указывают прокурора в качестве третьего лица либо же ходатайствуют о привлечении прокурора к участию в деле. Тем не менее, участие прокуратуры в гражданских делах не зависит от судебного усмотрения или усмотрения граждан: законодатель четко определяет (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ [2]), что прокурор может принять участие в гражданских делах в связи с исками о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении значительного вреда жизни или здоровью человека, а также в иных случаях. В обязательном порядке прокурор участвует в гражданских делах в отношении личных свобод и прав, а также социально-экономических прав граждан и лиц, в частности: в делах о лишении/ограничении родительских прав или их восстановлении (ст. 70, 72, 73 Семейного кодекса РФ [13]); об усыновлении и его отмене усыновления (ст. 125, 140 Семейного кодекса, ст. 273 ГПК РФ); о признании гражданина безвестно отсутствующим или умершим (ст. 278 ГПК РФ); об ограничении дееспособности гражданина, об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами (ст. 284 ГПК РФ); об объявлении несовершеннолетнего дееспособным (ст. 288 ГПК РФ).

Прокурор защищает интересы граждан и иных лиц также в контексте реализации политических прав: дела о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (ст. 260 ГПК РФ).

Прокурор, помимо прочего, уполномочен инициировать гражданские дела в ситуациях необходимости госпитализации лица в медицинское учреждение с целью лечения туберкулеза. Законодатель усиливает роль прокурора в подобных делах, говоря

о том, что его участие в них обязательно [14, с. 13]. Как показывает судебная практика (в частности, как следует из дела о принудительном освидетельствовании, рассмотренное Сысертским районным судом 06.11.2003 [12], неучастие прокурора в подобных делах есть основание для признания незаконности и необоснованности судебного решения). В последующем законодатель дополнил правовой массив посредством утверждения приказа генерального прокурора Российской Федерации от 10.07.2017 № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве», где еще более детально были регламентированы правовые основания и формы участия прокурора [14, с. 14].

Как отмечено выше в анализе административно-правовых контекстов прокурорской деятельности, необходимость правовой поддержки со стороны прокуратуры зачастую оказывается обусловленной состоянием здоровья граждан или иных лиц, из-за чего они не могут самостоятельно защитить свои права и интересы. По мнению некоторых отечественных специалистов, в данном аспекте законодатель допускает пробел, касающийся отсутствия четкого перечня и описания подобных барьеров; не конкретизирована, помимо прочего, категория «состояние здоровья». Анализ прочих законодательных актов позволяет составить лишь примерное представление о том, какие лица могут считаться неспособными защитить свои права и интересы в контексте административного или гражданского судопроизводства. Отметим в данной связи соответствующие положения ст. 48 Закона Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [5].

М. В. Пеленицына и А. А. Городецкий, помимо многих других авторов, говорят о том, что причины для вмешательства прокурора в гражданские или административные дела прописаны в законах недостаточно четко; не вполне понятно, какое именно состояние лица позволяет ему рассчитывать на участие прокурора в деле, затрагивающем его права и интересы.

Гражданское процессуальное законодательство и правоприменительная практика не содержат подробного перечня понятий «состояние здоровья», «возраст» и «уважительные причины» [7, с. 176]. В данной связи суды по своему усмотрению могут трактовать эти категории – как узко, так и предельно широко. Для устранения подобных разночтений и сокращения доли неоправданного субъективизма в подобных делах некоторые суды предпринимают точечные меры: к примеру, для уточнения определения термина «состояние здоровья» Рязанский областной суд в 2016 г. издал обзор практики по делам, связанным с обращениями прокурора по делам, регламентируемым ст. 45 ГПК РФ [7, с. 176]. Препятствием для обращения лица в органы суда было признано исключительно хроническое заболевание, влекущее за собой проявление физической или психоэмоциональной симптоматики. Подобным было признано, к примеру, наличие аддикций и состояние инвалидности. Тем не менее, в судебной

практике можно найти множество дел, где инвалидность не считалась причиной принятия заявления от прокурора [16, с. 156].

При этом, ошутимая доля исков, поданных прокурорами в защиту прав и свобод человека и гражданина (к Хабаровском крае, к примеру – 5% дел), являют собой иски по восстановлению прав инвалидов на безбарьерную среду беспрепятственный доступ к объектам социальной и транспортной инфраструктуры [3]. Если обратиться к Решению Центрального районного суда г. Хабаровска от 28 января 2020 г. по гражданскому делу № 2-205/2020, можно отметить, что суд удовлетворил требование прокурора в отношении Дальневосточной дирекции пассажирских обустройств и отметил, что отсутствие безбарьерной среды на транспорте является прямым нарушением положений Федерального закона № 52-ФЗ от 30.03.1999 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и Приказа Минтранса России от 06.11.2015 № 329 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для пассажиров из числа инвалидов пассажирских вагонов, вокзалов, поездов дальнего следования и предоставляемых услуг на вокзалах и в поездах дальнего следования» [11].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Защита прав и свобод гражданина и человека – личных, политических и социально-экономических – до сих пор являются проблемным аспектом правовой науки и судебной практики. Допускаемые нарушения прав и свобод человека и гражданина приводят к росту количества рассматриваемых судами дел, и в данной связи законодатель начал внедрять в правовой массив дополнительные механизмы и рычаги правовой защиты граждан.

2. Одним из способов защиты прав и свобод гражданина и человека выступает расширение полномочий и компетенций прокураторы. Российский законодатель констатирует: прокуратура может вмешиваться в процессы защиты прав гражданина и личности в тех случаях, когда способность личности на защиту собственных прав может быть тем или иным образом нарушена.

3. Рассмотрение законодательства по реализации полномочий прокурора в гражданском и административном судопроизводстве, а также закономерности практики судопроизводства показывает, что прокуратура в последние годы существенно расширила свое участие в гражданских и административных делах.

4. Среди проблемных аспектов нами был выделен вопрос о правовой поддержке со стороны прокуратуры в связи с состоянием здоровья граждан или иных лиц, из-за которого они не могут самостоятельно защитить свои права и интересы.

5. Анализ законодательных актов позволяет составить лишь примерное представление о том, какие лица могут считаться неспособными защитить свои права и интересы в контексте административного судопроизводства, следовательно, причины для вмешательства прокурора в гражданские или

административные дела прописаны в законах недостаточно четко. Представляется необходимым регламентировать понятия «состояние здоровья», «возраст» и «уважительные причины».

Литература

1. Ахмедов, Р. А. Правовая основа и приоритетные направления деятельности органов прокуратуры по осуществлению надзора за соблюдением прав человека / Р. А. Ахмедов // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 7 (110). – С. 235–238.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 18.03.2023)

3. Доклад о деятельности органов прокуратуры Хабаровского края за 2016— 2019 гг. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokurorhbr.ru/content/statistics>. – Дата доступа: 06.04.2023.

4. Иванова, В. В. Анализ деятельности органов прокуратуры по защите конституционных прав и свобод личности / В. В. Иванова // Инновационная наука. – 2016. – №12-2. – С. 163-165.

5. Закон Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023)

7. Пеленицына, М. В. Современная проблематика участия прокурора в гражданском судопроизводстве / М. В. Пеленицына, А. А. Городецкий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – №2. – С. 175-182.

8. Плющева, Н. С. Роль прокуратуры в защите прав и свобод человека и гражданина / Н. С. Плющева // Молодой ученый. – 2019. – № 42 (280). – С. 106-108.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

10. Приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»

11. Решение Центрального районного суда г. Хабаровска от 28 января 2020 г. по гражданскому делу № 2-205/2020.

12. Свердловский областной суд. Справка по результатам обобщения практики рассмотрения дел о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар (о продлении срока принудительной госпитализации) и принудительном психиатрическом освидетельствовании. – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ekbobsud.ru/show_doc.php?id=15023. – Дата доступа: 06.04.2023.

13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022)

14. Участие прокурора в административном судопроизводстве: правовое регулирование и правоприменительная практика: пособие / [Ю. Г. Насонов и др.]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2017. – 124 с.

15. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023)

16. Хромин, Р. В. Практика рассмотрения исков, поданных органами прокуратуры хабаровского края в защиту прав и свобод человека и гражданина / Р. В. Хромин, Д. В. Якунин // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – №4. – С. 154-161.

17. Чупанова, С. А. Прокурорский надзор в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина / С. А. Чупанова // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – №2. – С. 59-60.

On the issue of the implementation of the powers of the prosecution of the Russian Federation to protect the rights and freedoms of the human and the citizen in judicial order outside the criminal legal sphere

Titova A.V., Titov V.D.
RANEPА

In order to prevent a decrease in the level of legal protection, the Russian legislator began to introduce additional mechanisms and levers of legal protection of citizens into the legal array. One of these levers is the expansion of the powers and competencies of procurators. the prosecutor's office can intervene in the processes of protecting the rights of a citizen and an individual in cases where the ability of an individual to protect their own rights can be violated in one way or another, the need for legal support from the prosecutor's office is often due to the state of health of citizens or other persons, because of which they cannot independently protect their rights and interests. According to some domestic experts, in this aspect, the legislator allows a gap regarding the absence of other things, the category "state of health". the reasons for the intervention of the prosecutor in civil or administrative cases are not clearly spelled out in the laws; it is not entirely clear what kind of state of a person allows him to count on the participation of a prosecutor in a case that affects his rights and interests.

Keywords: prosecutor, prosecution office, rights and freedoms of a citizen and a person, civil legal proceedings, administrative legal proceedings, state of health

References

1. Akhmedov, R. A. Legal basis and priority areas of activities of the prosecutor's office for the implementation of supervision over the observance of human rights / R. A. Akhmedov // Eurasian legal journal. - 2017. - No. 7 (110). – S. 235–238.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated November 14, 2002 N 138-FZ (as amended on March 18, 2023)
3. Report on the activities of the prosecution authorities of the Khabarovsk Territory for 2016-2019. – 2019. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.prokurohrbr.ru/content/statistics>. – Access date: 04/06/2023.
4. Ivanova, V. V. Analysis of the activities of the prosecutor's office to protect the constitutional rights and freedoms of the individual / V. V. Ivanova // Innovative science. - 2016. - No. 12-2. – S. 163-165.
5. Law of the Russian Federation of 02.07.1992 No. 3185-1 "On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision."
6. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015 N 21-FZ (as amended on February 17, 2023)
7. Pelenitsyna, M. V. Modern problems of participation of the prosecutor in civil proceedings / M. V. Pelenitsyna, A. A. Gorodetsky // Uchenye zapiski V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. - 2022. - No. 2. - S. 175-182.
8. Plusheva, N.S. The role of the prosecutor's office in protecting the rights and freedoms of man and citizen / N.S. Plusheva // Young scientist. - 2019. - No. 42 (280). - S. 106-108.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2016 N 36 (as amended on December 17, 2020) "On some issues of application by the courts of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation".
10. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of December 7, 2007 No. 195 "On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws, observance of the rights and freedoms of man and citizen"
11. Decision of the Central District Court of Khabarovsk dated January 28, 2020 in civil case No. 2-205/2020.
12. Sverdlovsk Regional Court. Reference on the results of the generalization of the practice of considering cases of involuntary hospitalization of a citizen in a psychiatric hospital (on the extension of the period of involuntary hospitalization) and compulsory psychiatric examination. – 2022. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.ekbobsud.ru/show_doc.php?id=15023. – Access date: 04/06/2023.
13. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 N 223-FZ (as amended on December 19, 2022)
14. Participation of the prosecutor in administrative proceedings: legal regulation and law enforcement practice: manual / [Yu. G. Nasonov and others]; Gene. Prosecutor's Office Ros. Federations; Acad. Gene. Prosecutor's Office Ros. Federation. - M., 2017. - 124 p.
15. Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 (as amended on December 29, 2022) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (as amended and supplemented, effective from January 9, 2023)
16. Khromin, R. V. The practice of considering claims filed by the prosecution authorities of the Khabarovsk Territory in defense of the rights and freedoms of man and citizen / R. V. Khromin, D. V. Yakunin // Asia-Pacific region: economics, politics, law. - 2021. - No. 4. - S. 154-161.
17. Chupanova, S. A. Prosecutorial supervision in the sphere of protection of the rights and freedoms of man and citizen / S. A. Chupanova // Education. The science. Scientific personnel. - 2020. - No. 2. - S. 59-60.

О необходимости исключения отдельных видов наказаний из перечня наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ

Борисевич Михаил Михайлович

кандидат юридических наук, профессор, кафедра юриспруденции, Московский Международный университет, rat4810@mail.ru

Пяткевич Иван Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, кафедра юриспруденции, Московский Международный университет, i.pyatchevich@yandex.ru

Некоторые виды наказаний достаточно прочно укоренились в российской правовой доктрине и не содержат в себе существенных дискуссионных и проблемных вопросов (штраф, лишение свободы на определенный срок), другие же наказания активно обсуждаются современными правоведами – рассматриваются вопросы пересмотра сущностного наполнения и механизмов реализации наказаний, дублирования или схожести штрафных санкций в рамках различных видов наказания, соотношения дополнительных и основных наказаний, а также исключения конкретных видов наказания из перечня, представленного в ст. 44 УК РФ. Особый интерес представляет наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и/или государственной награды. Еще одним проблемным аспектом системы наказаний, изложенной в ст. 44 УК РФ, является арест. Колоссальное количество противоречий, дискуссионных моментов и законодательных пробелов в отношении лишения наград и званий, а также ареста позволяет многим исследователям констатировать необходимость их исключения из системы мер наказаний.

Ключевые слова: наказание, система наказаний, уголовный кодекс, арест, лишение звания, лишение награды, пожизненное заключение, смертная казнь

Уголовное законодательство нашей страны содержит систему наказаний – обязательный для законодателя и органов суда упорядоченный и исчерпывающий перечень видов наказаний (ст. 44 УК РФ) [9]. Данный перечень включает в себя разнообразные по характеру и тяжести виды наказаний: штраф; лишение права занимать определенные должности, запрет на занятие конкретным видом деятельности, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные и исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы; принудительные работы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы; пожизненное лишение свободы; смертная казнь [9].

Данный перечень представляет определенную последовательность наказаний – от более мягких к более строгим (что в отечественной юридической науке также именуется «лестницей наказаний»). Подобный подход к изложению видов наказаний обусловлен корреляцией наказаний с системой видов правонарушений и преступлений. Кроме того, упорядоченность списка имеет важное значение в контексте правоприменительной деятельности: органы суда должны сначала исходить из более мягких форм наказаний, и только потом, при наличии должных оснований, рассматривать возможность наложения строгих наказаний. Подобная конструкция ориентирует суды на преимущественное применение менее строгих наказаний. Данный подход, помимо прочего, позволяет судам соблюдать ключевые принципы правовой парадигмы – принципы законности, гуманности, справедливости, дифференциации ответственности и индивидуального подхода к выбору наказаний. Следует также отметить, что перечень наказаний образует собой систему соподчиненных компонентов: некоторые из них являются основными, некоторые – дополнительными и могут назначаться лишь в качестве санкций, «ужесточающих» основное наказание.

Кроме того, существующие в уголовном кодексе виды наказаний могут быть разделены на три группы: (1) наказания, не затрагивающие физическую свободу лиц (штраф, лишение права занимать должности или заниматься определенной деятельностью, лишение звания и государственных наград, обязательные и исправительные работы, ограничение по военной службе); (2) наказания, наложение которых влечет за собой ограничение или лишение свободы (ограничение свободы, принудительные работы, арест, помещение в дисциплинарную воинскую часть, лишение свободы, в т.ч. пожизненное);

(3) наказание, являющееся исключительной мерой – смертная казнь.

Тогда как некоторые наказания достаточно прочно укоренились в российскую правовую доктрину и не содержат в себе существенных дискуссионных и проблемных вопросов (штраф, лишение свободы на определенный срок), другие наказания активно обсуждаются современными правоведами – рассматриваются вопросы пересмотра сущностного наполнения и механизмов реализации наказаний, дублирования или схожести штрафных санкций в рамках различных видов наказания, соотношения дополнительных и основных наказаний, а также исключения конкретных видов наказания из перечня, представленного в ст. 44 УК РФ [9].

Особый интерес, по нашему мнению, представляет **наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и/или государственной награды**. Как показывает анализ эволюции социально-политической системы, прохождение государственной или муниципальной службы априори предполагает наличие доверительных отношений между государством, обществом и должностным лицом. Подобное доверие легитимизирует действия органов власти и является фундаментом для реализации властных полномочий. В данной связи потребовался инструмент, который смог бы документально зафиксировать наличие доверия общества и государства к государственному или муниципальному служащему. Таким инструментом выступает система наград, которые призваны, во-первых, акцентировать вклад должностного лица в развитие социально-экономических систем, и, во-вторых, предоставить данному лицу некоторые льготы, надбавки и прочие преимущества как награжденному.

По мере развития государственности в России была сформирована многоуровневая система наград, пропорционально соответствующих объему вклада должностного лица в развитие доверенного ему сегмента социально-экономической системы. Высший уровень, в частности, представлен государственными наградами Российской Федерации, утвержденными Президентом [4]; существуют также ведомственные и иные официальные и неофициальные награды. Практика награждения имеет своей целью стимулирование конструктивного поведения награждаемого лица и фиксацию «эталонных» примеров образцового исполнения профессиональных обязанностей, на которые могут ориентироваться окружающие.

Как отмечено выше, одним из видов наказаний в уголовном законодательстве является лишение официальных наград. В ситуации утраты должностным лицом статуса «эталонной» ролевой модели и обнаружения фактов, говорящих о недостойном поведении награждаемого лица, данное лицо может быть – по решению суда – лишено награды. На сегодняшний день, в частности, законодатель предусматривает такую меру наказания в отношении военнослужащих [7], сотрудников прокуратуры [5], Следственного комитета [6] и иных лиц [3, с. 1381].

Концепция лишения государственной награды в качестве меры уголовно-правовой ответственности наносится морального и материального ущерба осужденному за его преступление. В соответствии с этим подходом, лишение государственной награды является одним из видов уголовного наказания, который применяется в отношении осужденных, получивших государственную награду за выдающиеся достижения в различных областях деятельности. Исторически, практика лишения государственных наград как меры уголовно-правовой ответственности имеет место в различных юрисдикциях, включая США и Великобританию. В США, например, военнослужащие, осужденные за военные преступления, могут быть лишены своих медалей и званий. В Великобритании, в свою очередь, государственные награды могут быть отозваны у обладателей в ситуации, если они были осуждены за серьезные преступления. Однако, несмотря на то, что практика лишения государственных наград как меры уголовно-правовой ответственности существует в некоторых странах мира, она не является универсальной и может различаться в зависимости от конкретной юрисдикции и обстоятельств дела.

Таким образом, практика лишения государственных наград как уголовного наказания не является всеобщей и может различаться в зависимости от страны и конкретных обстоятельств дела. Данный вид наказания в большей степени характерен для уголовных массивов соседствующих с Россией стран, а также стран постсоветского блока. Несмотря на тот факт, что данный вид уголовного наказания выступает дополнительным и не применяется изолированно, без назначения основного наказания, он не остается на периферии научного внимания – его наличие в уголовном законодательстве и практика применения вызывают множество вопросов – как среди юристов-теоретиков, так и среди практикующих правоприменителей, судей, адвокатов.

Концептуальная сущность лишения государственной награды как меры наказания согласно статье 44 УК РФ заключается в том, что это один из способов уголовно-правовой реакции на совершение преступления, который заключается в отзыве государственной награды, присужденной ранее осужденному. Данная мера наказания направлена на достижение нескольких целей. Во-первых, это моральное осуждение осужденного за его преступление, выраженное в отзыве высшей награды, которая была ему присуждена. Во-вторых, она призвана изъять у осужденного некоторые права и привилегии, обусловленные наличием у него награды. Например, в России речь идет о праве на ношение знаков отличия, на освобождение от воинской службы, на получение материальной помощи.

О. Г. Пимакова, помимо прочих исследователей, говорит о нелогичности и нецелесообразности включения данного вида наказания в вышеописанную систему. Лишение государственной награды – весьма серьезное и строгое наказание, так как государственная награда представляет собой высшую

форму поощрения граждан в нашей стране. Следует сказать, что государственные награды присуждаются гражданам не только за воинскую, государственную службу, но и во многих социально значимых отраслях – в сфере экономики, науки, культуры, искусства, образования, медицины, педагогики, спорта, благотворительной деятельности и проч. [8, с. 91].

В качестве аксиоматического в уголовном и уголовно-процессуальном праве признается тот факт, что любое наказание должно быть направлено не на ущемление прав наказываемого, а на восстановление социальной справедливости. При этом российский законодатель способен лишить звания или награды лицо, которое совершило определенное преступление в совершенно не связанной с наградой сфере.

Согласно нормативным положениям [4], для получения государственного поощрения требуется совершить разовый поступок или целенаправленно систематически совершать определенные действия конструктивного и социально одобряемого характера. Таким образом, гипотетически человек, который «совершал какие-либо героические действия, рисковал жизнью, принес немалую пользу государству, но потом «свернул на тропинку» преступной деятельности», оказывается лишенным предыдущих наград и знаний. Согласимся с О. Г. Пимаковой в том, что свершение преступного деяния не должно умалять ценность положительной деятельности лица и его заслуги перед государством в допреступный период [8, с. 91].

Все вышесказанное, безусловно, не касается таких санкций, как лишение специального звания (капитан юстиции, сержант полиции и проч.), обусловленного совершением служебного преступления. В данном случае мы прослеживаем четкий вектор в процессе восстановления социальной справедливости – человек, более не заслуживающий статуса эталонного исполнителя должностных или воинских обязанностей, лишается награды, которая наделяет его этим статусом. При лишении же награды знаменитого деятеля искусства за преступления, к примеру, связанные с махинациями в налоговой сфере, такого вектора мы не наблюдаем.

Еще одним доводом в пользу исключения данного вида наказания является тот факт, что оно является де юре бессрочным – лишение воинского звания, к примеру, может действовать до конца жизни подсудимого. Де факто, в реальной практике лицо, которого были лишены звания, способно вернуть его посредством отмены вышестоящим судом обвинительного приговора суда, либо на основании решения Президента о помиловании и восстановлении в звании. В данной связи в современной научной литературе все чаще высказываются мнения о необходимости внесения изменений в ст. 44 и ст. 48 УК РФ: в первом случае данный вид наказания полностью исключается из соответствующего перечня, во втором – детализируются основания и механизмы лишения наград и званий и исключается возможность применения данного вида наказаний в

связи с преступлениями, не связанными с деятельностью, за которую данное поощрение было получено.

П. А. Кабанов, в свою очередь, говорит о том, что российский законодатель не предусматривает лишение официальных наград, не входящих в систему ведомственных наград судебной системы, в качестве наказания за совершение проступков любой степени тяжести. Наблюдается, таким образом, избирательность в применении наказания. К примеру, работник органа суда, осужденный за систематическую коррупционную деятельность, лишается имеющихся ведомственных наград, но сохраняет при этом медаль «За взаимодействие», даже в тех ситуациях, когда коррупционное деяние совершено в процессе межведомственного взаимодействия. Результатом подобной избирательности становится то, что коррумпированное лицо, «недостойный носитель подобной награды, который дискредитирует не только наградную политику судебной системы, но и саму судебную систему Российской Федерации» [3, с. 1387], необоснованно сохраняет награду – символ эталонного статуса и профессионализма, что, безусловно, идет вразрез с формальной логикой и общепринятыми понятиями о справедливости.

Еще одним проблемным аспектом системы наказаний, изложенной в ст. 44 УК РФ, является арест. Колоссальное количество противоречий, дискуссионных моментов и законодательных пробелов в отношении ареста позволяет многим исследователям констатировать необходимость его исключения из системы мер наказаний. Согласно ч. 2 ст. 54 УК РФ, в ситуации замены обязательных или исправительных работ на арест его срок должен составлять не менее месяца. Суд, при этом, должен конвертировать показатель объема работ в показатель продолжительности ареста. А М. Жилыева отмечает, что в целях конвертации, как правило, используются положения ст. 71 и ст. 72 УК РФ, содержащих принципы определения конвертации видов наказания, где базисным параметром является такой вид наказания, как лишение свободы. Арест, согласно данной системе, конвертируется в лишение свободы «по курсу» 1:1, т. е. один день ареста приравнивается к одному дню лишению свободы. Вышеотмеченные статьи, при этом, не содержат правил конвертации обязательных или исправительных работ в арест и наоборот, что порождает вольное толкование законодательных положений [2, с. 685].

Действительно, законодательство РФ не устанавливает точного соответствия между днем ареста и количеством дней обязательных или исправительных работ, что может создавать определенные проблемы на практике. Согласно статье 77 УК РФ, суд при назначении наказания должен учитывать степень общественной опасности преступления, личность и имущество осужденного, а также другие обстоятельства, имеющие значение для определения вида и размера наказания. В связи с этим, при назначении обязательных или исправительных работ взаимосвязь с днем ареста может устанавливаться на усмотрение суда в каждом конкретном

случае. В судебной практике существует определенный опыт определения соответствия дня ареста и количества дней обязательных или исправительных работ, однако такие соотношения могут быть различными в зависимости от региона, условий, в которых осуществляется исполнение наказания, от судьи, и множества иных субъективных факторов. Безусловно, законодательный пробел расширяет долю судебского усмотрения в принятии решений и в целом негативно сказывается на объективности и качестве работы судебной системы.

В целом, вопрос о соответствии продолжительности ареста и количества дней/часов обязательных или исправительных работ является важным и требует дальнейшего урегулирования законодательными и иными нормативными актами, чтобы избежать неопределенности и противоречий на практике. Наиболее радикально настроенные авторы говорят об исключении ареста из системы мер наказаний в принципе.

О неэффективности такой меры, как арест, в системе наказаний уголовного законодательства говорит статистика: за последние 7-8 лет данный тип наказаний назначался судами крайне редко; абсолютное большинство подобных санкций было применено к военнослужащим. А. Н. Хлыстов, к примеру, приводит следующие данные: в 2013 г. аресту в качестве наказания было подвергнуто 2 человека, в 2014 г. – 25, в 2015 г. – 2, в 2016 г. – 6, в 2017 г. данная мера не использовалась [10, с. 45]. В большинстве случаев арест не применяется при наказании за преступления высокой степени тяжести. По мнению А. Н. Хлыстова, арест не соответствует характеру и степени общественной опасности преступлений, соответственно, назначение ареста противоречит принципам справедливости и гуманизма правовой системы [10, с. 46]. Лишение свободы является, согласно иерархической лестнице наказаний, является более строгой санкцией, чем арест, но де факто условия содержания при аресте более строгие, чем при лишении свободы. Арест, кроме того, исключает труд и обучение осужденного, что негативно сказывается на профилактике рецидивизма, реинтеграции личности [1, с. 252]. Применение ареста в качестве меры наказания приводит к необходимости строительства и обеспечения кадрами и ресурсами более 140 арестных домов, что, по оценкам А. М. Жиляевой, обойдется налогоплательщикам в сумму около 75 млрд. рублей [2, с. 686].

В заключение отметим, что специалисты отмечают и другие виды наказаний, которые должны быть исключены из перечня, предусмотренного статьей 44 УК РФ. Эти виды наказаний не соответствуют современным принципам правосудия и не отвечают требованиям международного права. В частности, речь идет о смертной казни и пожизненном лишении свободы. Смертная казнь не только является нарушением права на жизнь, но и не обеспечивает достаточного уровня защиты прав человека от произвола и ошибок правосудия. Пожизненное лишение свободы также может рассматриваться как нарушение прав человека на достойные условия заключения и возможность реабилитации.

Таким образом, в системе наказания до сих имеются неразрешенные проблемы, связанные с целесообразностью применения конкретных видов наказания. Наиболее спорными видами, согласно мнениям современных авторов, выступают: лишение звания или награды, арест, смертная казнь, пожизненное заключение. Можно выразить надежду, что российский законодатель пойдет по пути либерализации системы уголовного права и исключит из перечня наказаний те, которые более не вписываются в современные представления о гуманном и справедливом правосудии.

Литература

1. Ерофеев, В. В. В защиту существования ареста, как вида уголовного наказания / В. В. Ерофеев // Современная научная мысль. – 2017. – №6. – С. 249-253.
2. Жиляева, А. М. Проблемы применения ареста как уголовного наказания / А. М. Жиляева // Форум молодых ученых. – 2019. – №2 (30). – С. 684-688.
3. Кабанов, П. А. Лишение ведомственной награды судебной системы Российской Федерации как вид наказания за совершение коррупционного деяния / П. А. Кабанов // Russian Journal of Economics and Law. – 2019. – №3. – С. 1379-1403.
4. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации: Указ Президента РФ № 1099 от 07.09.2010 (в ред. от 23.03.2023 № 185) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.
5. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон № 2202-1 от 17.01.1992 (в ред. от 29.12.2022 № 581-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
6. О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный закон № 403-ФЗ от 28.12.2010 (в ред. от 29.12.2022 № 581-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
7. О статусе военнослужащих: Федеральный закон № 76-ФЗ от 27.05.1998 (в ред. от 29.12.2022 № 603-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
8. Пимакова, О. Г. Нелогичность и бесполезность статьи 48 уголовного кодекса Российской Федерации / О. Г. Пимакова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – №4 (15). – С. 91-94.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (в ред. от 18.03.2023 № 58-ФЗ, № 82-ФЗ, № 78-ФЗ) // СЗ РФ. 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 44.
10. Хлыстов, А. Н. Проблемы при назначении и исполнении наказания в виде ареста / А. Н. Хлыстов // Ведомости УИС. – 2018. – №11 (198). – С. 44-48.

On the need to exclude certain types of punishments from the list of punishments provided by art. 44 of the Criminal code of the Russian Federation

Borisevich M.M., Pyatkevich I.N.
Moscow International University

Some types of punishments are quite firmly rooted in the Russian legal doctrine and do not contain significant debatable and problematic issues (a fine, imprisonment for a certain period), while other punishments are actively discussed by modern jurists - the issues of revising the essential content and mechanisms for the implementation of punishments, duplication or the similarity of penalties within the framework of various types of punishment,

the ratio of additional and main punishments, as well as the exclusion of specific types of punishment from the list presented in Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation. Of particular interest is the punishment in the form of deprivation of a special, military or honorary title, class rank and / or state award. Another problematic aspect of the system of punishments set out in Art. 44 of the Criminal Code of the Russian Federation, is an arrest. A huge number of contradictions, discussion points and legislative gaps regarding the deprivation of awards and titles, as well as arrest, allows many researchers to state the need for their exclusion from the system of punishments.

Keywords: punishment, punishment system, criminal code, arrest, devotion of a rank, withdrawal of reward, life sentence, death penalty

References

1. Erofeev, V. V. In defense of the existence of arrest as a type of criminal punishment / V. V. Erofeev // Modern scientific thought. - 2017. - No. 6. - S. 249-253.
2. Zhilyaeva, A. M. Problems of the application of arrest as a criminal punishment / A. M. Zhilyaeva // Forum of Young Scientists. - 2019. - No. 2 (30). - S. 684-688.
3. Kabanov, P. A. Deprivation of a departmental award of the judicial system of the Russian Federation as a form of punishment for committing an act of corruption / P. A. Kabanov // Russian Journal of Economics and Law. - 2019. - No. 3. - S. 1379-1403.
4. On measures to improve the state award system of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 1099 dated September 7, 2010 (as amended on March 23, 2023 No. 185) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 37. Art. 4643.
5. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law No. 2202-1 dated January 17, 1992 (as amended on December 29, 2022 No. 581-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 47. Art. 4472.
6. On the Investigative Committee of the Russian Federation: Federal Law No. 403-FZ dated December 28, 2010 (as amended on December 29, 2022 No. 581-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. 15.
7. On the status of military personnel: Federal Law No. 76-FZ dated May 27, 1998 (as amended on December 29, 2022 No. 603-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 22. Art. 2331.
8. Pimakova, O. G. The illogic and uselessness of Article 48 of the Criminal Code of the Russian Federation / O. G. Pimakova // Law and order: history, theory, practice. - 2017. - No. 4 (15). - S. 91-94.
9. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on March 18, 2023 No. 58-FZ, No. 82-FZ, No. 78-FZ) // SZ RF. June 17, 1996 No. 25. Art. 44.
10. Khlystov, A. N. Problems in the appointment and execution of punishment in the form of arrest / A. N. Khlystov // Vedomosti UIS. - 2018. - No. 11 (198). - P. 44-48.

Проблемы криминализации незаконного обогащения

Иванов Андрей Викторович

аспирант, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», zagoye@mail.ru

В статье автор анализирует криминализацию незаконного обогащения с целью изучения возможностей реализации данного преступления в национальном законодательстве. Среди причин, по которым криминализация незаконного обогащения встречает сопротивление среди некоторых ученых, условно можно выделить две основные. Первая связана с опасениями о нарушении прав и гарантий граждан, предусмотренных Конституцией РФ таких как презумпция невиновности (ст. 49), повторное осуждение за одно и то же преступление (ст. 50), свидетельствование против себя самого (ст. 51), нарушение права владения собственностью (ст. 35), а также возложении бремени доказывания по уголовным делам исключительно на обвиняемого (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). Вторая причина заключается в достаточности уже имеющихся мер, установленных законодателем в других отраслях права. Автором показано ошибочность данных опасений. Доводы автора построены на выводах Конституционного суда РФ, на обоснованности преимущества уголовно-правовых норм перед гражданским деликтом за незаконное обогащение; на опыте зарубежных стран.

Ключевые слова: незаконное обогащение, коррупция, Конвенция ООН против коррупции, нетрудовые доходы, легализация (отмывание) преступных доходов, Стратегия национальной безопасности.

Коррупция - это одно из самых древних негативных социальных явлений, которое столетиями сопутствовало государственному управлению [1]. Одним из главных стимулов коррупции является извлечение экономической выгоды. Получение частной выгоды публичным должностным лицом подрывает доверие людей к правительству и чиновникам всех уровней, что способствует ослаблению государственной политики. Ни одна страна не застрахована от коррупции. В качестве индикаторов высокой степени коррупции является факт наличия у чиновников имущества в виде предметов роскоши: предметов искусства, дорогих автомобилей, антиквариата, недвижимости, а также дорогостоящий отдых в экзотических странах и т.д., приобретенные им с нарушением закона. Такое приобретение активов публичным должностным лицом на средства, происхождение которых оно не может объяснить, называется незаконным обогащением.

Одной из мер, направленных на противодействие коррупции, является криминализация указанного действия.

Статья 20 Конвенции ООН против коррупции (далее Меридская Конвенция), принятой 31 октября 2003 г. на 58 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, предлагает государствам-участникам признать незаконное обогащение в качестве уголовно наказуемого деяния [2]. Указанная Конвенция была ратифицирована РФ без каких-либо оговорок в данной части [3]. Тем не менее, уголовная ответственность за данное деяние в уголовном законодательстве РФ не предусмотрена, несмотря на то, что в 2019 г. в Государственную Думу РФ был внесен на рассмотрение законопроект о введении уголовной ответственности за незаконное обогащение, который так и не был рассмотрен [4]. Причин тому несколько. Одной главной из них является обладание уголовно-правовых методов большей юридической возможностью с непосредственным посягательством на блага и интересы лиц, нарушающих уголовные нормы, что вызывает наибольшие споры в профессиональной и широкой общественности при вопросе о криминализации данного деяния.

Доводы противников криминализации незаконного обогащения основаны на противоречиях положениям Конституции РФ таких как: обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (ст. 49), запрет на повторное осуждение за одно и то же преступление, поскольку незаконное обогащение является результатом преступных действий (бездействия), ответственность за которые уже предусмотрены ст. 204 и 285 УК РФ (ст. 50) и никто не обязан свидетельствовать против себя самого (ст. 51), нарушение права владения собственностью (ст. 35),

а также ч. 2 ст. 14 УПК РФ (презумпция невиновности), конкретизирующая конституционное положение о возложении бремени доказывания по уголовным делам исключительно на сторону обвинения [5].

Данный законопроект также не нашел понимания со стороны Правительства РФ и Верховного Суда РФ. Согласно их официального отзыва в РФ уже установлены правовые и организационные основы осуществления контроля за соответствием расходов лица в виде Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № Ф3-230 «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [6]. Согласно положений указанного Закона, при выявлении несоответствия расходов должностных лиц их общему доходу, Генеральный прокурор РФ или подчиненные ему прокуроры, в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход РФ активов, в отношении которых не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы, или денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества.

Автор не может согласиться с приведенными доводами. Незаконное обогащение является относительно новым уголовным преступлением. Истоки незаконного обогащения как уголовного преступления относятся к 1936 году, когда аргентинский конгрессмен Родольфо Короминас Сегура столкнулся с коллегой-чиновником, демонстративно выставлявшим напоказ новое богатство во время поездки в Буэнос-Айрес на поезде [7]. Вскоре после этого Короминас Сегура внес законопроект, предусматривающий наказание для «государственных служащих, которые приобретают богатство, не имея возможности доказать его законный источник». Законодательное собрание Аргентины не приняло законопроект в том году, но деятельность по его принятию привлекло внимание к этой проблеме и положило начало движению за криминализацию незаконного обогащения. Такая попытка, скорее всего, не удалась из-за отсутствия политической воли, но она, безусловно, повлияла на концепцию незаконного обогащения, которая была реализована позднее в Меридской Конвенции.

В истории нашей страны сама идея о введении ответственности за незаконное обогащение не нова. Норма о незаконном обогащении является своего рода рудиментом нормативных актов еще бывших СССР и РСФСР по борьбе с нетрудовыми доходами чиновников, в которых предусматривалось изъятие домов, дач и других строений, приобретенных чиновниками на нетрудовые доходы [8]. Утратившая силу ст. 86.1 Налогового Кодекса РФ, предусматривала налоговый контроль за расходами физического лица, приобретающего в собственность движимое и недвижимое имущество, с целью установление соответствия крупных расходов физического лица его доходам [9]. Налоговый контроль за расходами физического лица производился должностными лицами налогового органа посредством получения информации от организаций

или уполномоченных лиц, осуществлявших регистрацию имущества, прав на него или сделок с этим имуществом. Причиной отмены данной статьи явилось создание возможностей для увеличения наполнения бюджета путем уменьшения налогового бремени на лиц и организаций. Путем создания единой налоговой ставки бизнесу и физическим лицам были созданы условия для выхода из «тени» и декларирования своих доходов с дальнейшим перечислением денежных средств в виде уплаты налогов с указанных доходов.

Основанием для спекуляции среди исследователей о возможном нарушении принципа бремени доказывания, по нашему мнению, послужили формулировки в Меридской конвенции о факультативности криминализации незаконного обогащения в национальных законодательствах (ст. 20, ст. 31, п. 8). Такие формулировки действительно позволяют перекладывать бремя ответственности на обвиняемого и должны быть исключены из объективных признаков указанного состава преступления. Однако, для обвинительного приговора по делу о незаконном обогащении, стороне обвинения достаточно лишь доказать объективную сторону, которая заключается в недекларировании приобретенных активов и (или) владении активами, значительно превышающими законно полученный доход. Незаконное обогащение не является прикосновенным преступлением и рассматривается как самостоятельное, поскольку речь идет об имуществе, которое получено не преступным, а именно незаконным путем, для чего не требуется судебного решения о признании такого имущества незаконным. Использование формулировки именно о незаконном обогащении позволит заметно отличить указанный состав от похожего по своим объективным признакам такого как легализация (отмывание) доходов, которые, именно при данном составе, получены преступным путем (ст. 174, 174.1 УК РФ).

Мнение авторов о нарушении права собственности также ошибочно, поскольку ими снимается вопрос о законности приобретения этой самой собственности. В основе всей идеи юридического наказания незаконного обогащения лежит тот факт, что любое увеличение имущества должно иметь под собой правовую основу. Когда речь заходит об уголовном аспекте борьбы с незаконным обогащением, преобладают две основные цели: вернуть имущество, приобретенное преступным путем, и наказать виновных, тем самым выполнив превентивную функцию уголовного права.

В подтверждении конституционности нормы о незаконном обогащении является решение Конституционного Суда РФ, который подтвердил соответствие ст. 20 Меридской Конвенции ООН Конституции РФ, указав в своем Постановлении, что Конституция РФ, наряду с закреплением права каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им (статья 35, часть 2), одновременно допускает возможность его ограничения федеральным законом - наряду с другими правами и свободами человека и гражданина - в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ

конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3). Целями таких ограничений, с учетом требований ст. 17 (часть 3) и 19 (части 1 и 2) Конституции, должны быть не только юридически, но и социально оправданны, а сами ограничения - адекватны этим целям и отвечать требованиям справедливости [10].

Исходя из характера самого инкриминирования, представляется, что незаконное обогащение полностью соответствует задачам, поставленным борьбой с коррупцией, то есть представляет собой упрощенную форму превентивного механизма.

По нашему мнению, борьба с незаконным обогащением будет более эффективной, если применять к лицам уголовно-правовые методы воздействия. Преимущества уголовного преследования за незаконное обогащение перед гражданским деликтом очевидны: уголовное судопроизводство, по сравнению с гражданским, обладает большей возможностью и инструментами по доказыванию незаконности приобретения активов; в гражданском производстве стандарты доказывания занижены и заключаются лишь в отсутствии объяснения или в отказе от дачи таких объяснений самим лицом о наличии у него активов, по сравнению с уголовными стандартами, где правоприменители обязаны доказывать вину лица; расследование такого вида преступлений позволит выявить другие преступления, в результате совершения которых и были получены необъяснимые активы; в сроках. В отличие от гражданского судопроизводства, в котором общий срок исковой давности составляет 3 года, истечение сроков давности для привлечения лица к уголовной ответственности будут начинаться с момента окончания владения и пользования незаконными активами, который наступает с момента либо гибели самих активов, либо их безвозмездного отчуждения, либо при наступлении банкротства.

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин неоднократно указывал, что «борьба с коррупцией и незаконным обогащением действительно стала одной из самых болезненных проблем российского общества. Вроде бы, меры борьбы с этим бедствием принимаются, но результат пока явно неудовлетворительный. Одна из очевидных причин — в том, что Россия до сих пор не ратифицировала статью 20 Конвенции ООН против коррупции» [11].

Особая общественная опасность незаконного обогащения заключается в неучете и, как следствии, в не обложении налогами и сборами, что является фундаментом для теневой экономики и теневой политики, что является «резервным фондом» для коррупции [12].

Снижения уровня неравенства среди граждан является одной из задач по обеспечению национальной безопасности РФ, отраженной в Стратегии национальной безопасности РФ [13]. Чуть ранее, в Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 г., было отражено, что усиление дифференциация населения по уровню доходов является одним из

основным вызовом и угроз экономической безопасности РФ (п.20 ч.12), ввиду чего снижение уровня бедности и имущественного неравенства населения (п. 5 ч.23) выступает одной из основной задачей экономической безопасности РФ [14].

Одним из основных направлений по решению, указанных в Стратегиях, задач является имплементация в национальное уголовное законодательство РФ ст. 20 Меридской Конвенции ООН против коррупции.

Незаконное обогащение в настоящее время криминализировали в своих национальных законодательствах более 40 стран, среди которых Индия, Аргентина, Гонконг, Китай, Литва и т.д. Например, ст. 395 Уголовного кодекса Китая предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет и конфискации имущества чиновника чье имущество или расходы, очевидно превышает его законные доходы, если он не сумеет доказать, что источники законные [15].

Реальной же причиной, по мнению некоторых авторов, непринятия по сей день указанного законопроекта является наличие «мощного лобби, блокирующего эффективные законодательные меры борьбы с коррупцией» [16].

Уголовная норма о незаконном обогащении могла бы заменить упраздненную норму о конфискации, что также является преимуществом. Например, осужденной по делу «Оборонсервиса» гр. В. вернули арестованное имущество в виде шести квартир, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге, ювелирных украшений стоимостью почти 120 млн. руб.; наручных часов стоимостью более 7 млн. руб.; более 3 млн. руб. наличных денежных средств, а также снят арест с 26 млн. руб., принадлежащих лично ей и находящихся на счету в банке и с более 300 млн руб., находящихся на счетах подконтрольных ей коммерческих организаций [17].

Оправданность введения уголовной нормы за незаконное обогащение заключается в сохранении принципа социальной справедливости. Незаконное обогащение способствует к увеличению разрыва между богатыми и бедными, что приводит к обострению социальной напряженности. Недовольство масс и социальная напряженность как раз и составляют общественную опасность преступного деяния. Защита прав собственности не должна игнорировать вопрос законности приобретения самой собственности.

В заключении отметим, что проанализировав доводы противников криминализации незаконного обогащения, на наш взгляд, они несостоятельны. Использование корректной юридической техники, терминологической согласованности уголовного законодательства с другими отраслями права позволит нивелировать опасения по перечисленным потенциальным нарушениям основных провозглашенных принципов, прав и гарантий человека. Имущество, полученное незаконным путем, является одним из признаков коррумпированности чиновника, поэтому криминализация данного деяния является стратегическим вектором по противодействию такого явления как коррупция.

Литература

1. Концепция консолидации законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции: научно-практическое пособие // А.И. Абрамова, М.В. Залоило, А.А. Дорская и др.. М. Проспект. 2021 г. С.35.

2. Собрание законодательства РФ. 26.06.2006 г. № 26. Ст. 2780; Бюллетень международных договоров № 10. 13.10.2006 г.

3. ФЗ РФ от 08 февраля 2006 г. № 40-ФЗ "О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции" (Меридская Конвенция) // Собрание законодательства РФ. 20.03.2006 г. № 12. Ст. 1231.

4. Законопроект № 757818-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части введения понятия незаконного обогащения и иных мер, направленных на противодействие коррупции». URL:<https://sozd.duma.gov.ru/bill/757818-7>.

5. См. Заключение правового управления ГД РФ по проекту федерального закона № 757818-7 URL:<https://sozd.duma.gov.ru/download/5EFA1166-9139-4B2D-886D-61DDC9C42A3E>. и заключение Комитета ГД по безопасности и противодействию коррупции // URL:<https://sozd.duma.gov.ru/download/BB849998-E1F1-4629-92EB-F95DE5A3949A>. (дата обращения: 09.04.2023 г.).

6. Собрание законодательства РФ от 10 декабря 2012 г. № 50 (часть IV) ст. 6953.

7. Музила, Л., Моралес, М., Матиас, М., Бергер, Т. (2012) На подхвате: криминализация незаконного обогащения для борьбы с коррупцией. Вашингтон: Всемирный банк.

8. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июля 1962 г. «О безвозмездном изъятии домов, дач и других строений, приобретенных гражданами на нетрудовые доходы». // ВВС РСФСР. 1962. № 30. Ст.464; Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 сентября 1963 г. «О безвозмездном изъятии автомашин у собственников домов, дач и других строений, приобретенных гражданами на нетрудовые доходы» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 39. Ст. 699.

9. Федеральный закон от 07.07.2003 г. № 104-ФЗ "О признании утратившими силу положений законодательных актов Российской Федерации в части налогового контроля за расходами физических лиц" // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. ст. 3824; 1999. № 28. ст. 3487.

10. Постановление Конституционного суда РФ от 29.11.2016 г. №26-П «О проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Российская газета, Федеральный выпуск №277 (7145) от 07.12.2016 г.

11. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России сайт КС РФ.

<http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=65>. (дата обращения: 10.04.2023 г.).

12. Щедрин, Н.В. Борьба с незаконным обогащением как направление государственной антикоррупционной политики // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. ФГБУН Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург. 2019. №1. Ст. 321.

13. Указ Президента РФ за № 400 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (п.1 ч. 33) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ч. II. Ст. 5351.

14. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» //Собрание законодательства РФ. 2017 г. № 20. ст. 2902.

15. Уголовный кодекс Китая // под ред. проф. А.И. Коробеева и проф. А.И. Чучаева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. М. ООО «Юридическая фирма контракт», 2017. С. 173.

16. Уголовная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография // под общ. ред. С.В.Максимова, В.Л. Шульца; отв. ред. С.А.Бочкарев. - М.: Проспект. 2021.С.461.

17. Газета РБК от 01.04.2017 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/04/2017/58df8e6f9a79477af13d1a91>. (дата обращения: 08.04.2023 г.).

Problems of criminalization illicit enrichment Ivanov A.V.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

In the article the author analyzes criminalization of illicit enrichment in order to explore the possibilities of implementation of this crime in the national legislation. Among the reasons why the criminalization of illicit enrichment meets resistance among some scholars, we can conditionally distinguish two main ones. The first is related to fears of violation of the rights and guarantees of citizens provided by the Constitution of the Russian Federation such as the presumption of innocence (article 49), repeated conviction for the same crime (article 50), testifying against oneself (article 51), violation of property rights (article 35), and placing the burden of proof in criminal cases exclusively on the accused (part 2 article 14 of the CPC RF). The second reason is the sufficiency of already existing measures established by the legislator in other branches of law. The author shows the fallacy of these fears. Author's arguments are based on the conclusions of the Constitutional Court of the Russian Federation, on the validity of the advantage of criminal law norms over civil tort for illicit enrichment; on the experience of foreign countries.

Keywords: illicit enrichment, corruption, UN Convention against Corruption, unearned income, Money laundering, National Security Strategy.

References

1. The concept of consolidation of legislation of the Russian Federation on combating corruption: a scientific and practical manual // A.I.Abramova, M.V.Zaloilo, A.A.Dorskaya et al. M. Prospect. 2021 P. 35.
2. Sbranie zakonodatel'stva Rossii (Collection of Legislation of the Russian Federation). 26.06.2006 г. № 26. St. 2780; Bulletin of international treaties #10. 13.10.2006 г.
3. Federal Law of RF dated February 08, 2006 № 40-FZ "On Ratification of the United Nations Convention against Corruption" (Merida Convention) // Sbranie zakonodatel'stva RF. 20.03.2006 г. № 12. Art. 1231.
4. Draft Law № 757818-7 "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in part of introduction of the concept of illicit enrichment and other measures aimed at combating corruption". URL:<https://sozd.duma.gov.ru/bill/757818-7>.
5. See Conclusion of the Legal Department of the State Duma of the Russian Federation on the draft federal law No. 757818-7 URL:<https://sozd.duma.gov.ru/download/5EFA1166-9139-4B2D-886D-61DDC9C42A3E>. and conclusion of the State Duma Committee on Security and Counteraction to Corruption // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/BB849998-E1F1-4629-92EB-F95DE5A3949A>. (date of reference: 09.04.2023).
6. Collection of Legislation of the Russian Federation of December 10, 2012, No. 50 (part IV) Art. 6953.

7. Muzila, L., Morales, M., Mathias, M., Berger, T. (2012) On the take: criminalizing illicit enrichment to combat corruption. Washington, DC: World Bank.
8. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of July 26, 1962 "On the gratuitous seizure of houses, dachas and other structures acquired by citizens on unearned income." // VVS RSFSR. 1962. № 30. Art. 464; Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of September 28th, 1963 "On Gratuitous Withdrawal of Cars from Owners of Houses, Dachas and Other Structures Purchased by Citizens on Unearned Income" // Bulletin of the RSFSR Supreme Soviet. 1963. № 39. Art. 699.
9. Federal Law of 07.07.2003 № 104-ФЗ "About the Recognition of the Provisions of Legislative Acts of Russian Federation Regarding Tax Control of Individuals' Expenses" // Sobranie Legislation of RF. 1998. No. 31. art. 3824; 1999. No. 28. art. 3487.
10. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.11.2016 № 26-P "On verification of constitutionality of subparagraph 8 of paragraph 2 of article 235 of the Civil Code of the Russian Federation and article 17 of the Federal Law "On control over correspondence of expenses of persons holding public office and other persons to their income" // The Russian newspaper, Federal issue № 277 (7145) of 07.12.2016.
11. Zorkin V.D. Problems of constitutional and legal development of Russia website of the Constitutional Court of the Russian Federation. <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=65>. (Date of reference: 10.04.2023).
12. Shchedrin, N.V. Combating illicit enrichment as a direction of state anti-corruption policy // Actual problems of scientific support of state policy of the Russian Federation in the field of combating corruption. FGBUN Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg. 2019. №1. Art. 321.
13. Presidential Decree No. 400 "On Approval of the National Security Strategy of the Russian Federation" (p.1 part 33) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2021. № 27. Ч. II. Art. 5351.
14. Presidential Decree of May 13, 2017 № 208 "On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017, No. 20. Art. 2902.
15. Criminal Code of China // Edited by Prof. A.I. Korobeev and Prof. A.I. Chuchaev, translated from Chinese by Prof. Huang Daoshu. M. Law Firm Contract LLC, 2017. C. 173.
16. Criminal policy of the Russian Federation: problems and prospects: monograph // ed. by S. V. Maximov, V. L. Shultz; ed. by S. A. Bochkarev. - Moscow: Prospect. 2021. C.461.
17. RBC newspaper of 01.04.2017. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/04/2017/58df8e6f9a79477af13d1a91>. (access date: 08.04.2023).

Перспективы и проблемы цифровой трансформации института коллегиального рассмотрения судами уголовных дел

Гриценко Никита Сергеевич,
аспирант кафедры «Уголовного процесса и криминалистики» Сибирского Федерального Университета, nikita.grizenko@mail.ru

В статье прогнозируются возможные изменения института коллегиального рассмотрения судами уголовных дел в условиях цифровой трансформации российского правопорядка и предлагаются оптимальные формы подобных изменений. Кроме того, выявляются актуальные проблемы коллегиального осуществления правосудия по уголовным делам в условиях изменений действующего уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: цифровая трансформация, уголовное судопроизводство, коллегиальное рассмотрение уголовных дел, присяжные заседатели, автоматизация, искусственный интеллект

Цифровая трансформация современного правопорядка является одним из трендов отечественной юридической науки, что связано с необходимостью соответствия различных научных изысканий актуальному состоянию права и урегулированных им общественных отношений, претерпевающих изменения в условиях научно-технического прогресса, развития информационно-коммуникационных технологий и внедрения их в те или иные сферы социума.

Стоит отметить, что ускорение темпов развития цифровых технологий не обошло стороной и уголовное судопроизводство: в частности, в УПК РФ введены нормы, регламентирующие электронный документооборот и использование электронных носителей информации при производстве отдельных процессуальных действий, условия и порядок использования видеоконференцсвязи (ч. 6 ст. 35, ч. 4 ст. 81, ст. 81.1, п. 5 ч. 2 и ч. 2.1 ст. 82, ч. 4 ст. 164, ст. 164.1, ст.ст 189.1, 240, 241.1, 253, 258, 278.1, ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13, ч. 2 ст. 393, ч. 2 и ч. 2.1 ст. 399, ч. 2 ст. 401.13, ч. 3 ст. 473.4, ч. 3 ст. 474.1, Глава 56 УПК РФ).

Одной из новелл уголовного судопроизводства, связанной с принятием Федерального закона от 29.12.2022 № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (часть I). Ст. 57), является расширение возможностей использования систем видеоконференцсвязи (ВКС) в судебном процессе при рассмотрении уголовного дела.

В публикациях, посвященных вопросам цифровизации общества и государства, различных сфер правового регулирования, также активно обсуждаются и проблемы использования систем искусственного интеллекта, в том числе при рассмотрении судами уголовных дел [2, 3, 4, 6, 7, 9].

Особое значение в контексте происходящих изменений уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, как представляется, имеют вопросы, связанные как с произошедшими, так и возможными метаморфозами института коллегиального рассмотрения судами уголовных дел, его адаптации к условиям цифровой трансформации российского правопорядка. Сказанное при этом обусловлено, как минимум, следующими обстоятельствами:

1) необходимо выяснить, каким образом цифровизация повлияла и может повлиять на коллегиальное отправление правосудия по уголовным делам, что в большей мере соответствует раскрытию прогностического потенциала юридической науки, способной не только констатировать (признавать) и

описывать те или иные юридические понятия и конструкции, подвергая их критическому анализу, но и предсказывать возникновение новых, способствуя построению соответствующих гипотез;

2) следует также выявить связанные с цифровой трансформацией института коллегиального рассмотрения уголовных дел возможные проблемы, решение которых будет способствовать дальнейшему развитию теоретических идей науки уголовного процесса, совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Стоит отметить, что анализ изменений уголовно-процессуального законодательства, научных источников, а также тенденций развития новых технологий позволяет нам наметить следующие пути совершенствования коллегиальной формы уголовного судопроизводства в условиях приобретшей тотальный характер цифровизации.

Во-первых, достижения научно-технического прогресса, активно внедряемые в функционирование публичного правопорядка, открывают широкие возможности для развития официальных информационных платформ, обеспечивающих проведение судебных заседаний в онлайн-формате в режиме многопользовательского доступа. Подобное нововведение при его возможном использовании позволило бы вовлечь в процесс отправления правосудия по уголовным делам большое число лиц, что способствовало бы обеспечению прозрачности (транспарентности), гласности, расширению форм общественного контроля. Сам феномен коллегиальности в таком случае может претерпеть ряд существенных метаморфоз и даже преобразоваться в общественную онлайн-коллегиальность (электронный вердикт в таком случае будет приниматься по результатам онлайн-голосования по ряду обозначенных законодателем вопросов, к примеру, о том, заслуживает ли снисхождения подсудимый). Подобные платформы и сервисы также могут оптимизировать работу по отбору и составлению списков кандидатов в присяжные заседатели, формированию состава коллегии профессиональных судей.

Судя по всему, такой сценарий развития уголовного судопроизводства в контексте коллегиального отправления правосудия вполне вероятен, однако требует значительных финансовых затрат на первоначальном этапе создания соответствующих информационно-технологических систем, а также внесения множественных поправок в федеральное законодательство. В то же время подобные трансформации коллегиального рассмотрения уголовных дел в полной мере соответствуют демократизации и гуманизации уголовного судопроизводства.

Во-вторых, возможен и такой ход развития событий, в рамках которого информационные системы смогут использоваться для автоматизации распределения и перераспределения нагрузки на судей, относящихся к судам, которые расположены на значительном удалении друг от друга, имеющих различную степень загруженности, что может способствовать уравниванию объема работы судебной системы посредством равномерного распределения всех дел по всем судам общей юрисдикции

одного уровня (звена) на территории РФ. В данном случае претерпят изменения и правила территориальной подсудности. Иными словами, данная новелла позволила бы судьям разных судов одного уровня (звена) участвовать в одной коллегии при рассмотрении конкретного уголовного дела.

Поскольку проблема неравномерного распределения нагрузки на суды остается актуальной и в настоящее время, предложенный подход к использованию информационных технологий для оптимизации коллегиального рассмотрения уголовных дел в условиях дефицита времени, кадров, перезагруженности одних судей по сравнению с другими может стать одним из решений названной проблемы.

В-третьих, использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве также может стать толчком к появлению смешанных составов суда по модели «человек – машина», а коллегия судей дополнится в таком случае интеллектуальным автоматизированным помощником, которому будет отведена самостоятельная роль в коллегиальном отправлении правосудия по уголовным делам. Однако в таком случае необходимо понимать, что окончательное решение юридически значимых, судьбоносных вопросов должно оставаться за человеком-судьей, тогда как многие рутинные и технические операции и действия целесообразно отнести к «компетенции» судьи – искусственного интеллекта. Безусловно, подобная «смешанная» модель коллегиальности – дело возможного будущего, но вероятные проблемы, связанные с ее даже гипотетической реализацией, должны решаться уже сегодня.

Приведенные выше суждения на сегодняшний день в большей мере носят предполагаемый характер, но не лишены эвристической ценности, что отчасти позволяет сделать вывод о возможностях прогностического потенциала юридической науки в указанном аспекте, а также отметить потенциально положительные и отрицательные стороны процессов цифровой трансформации уголовного судопроизводства. Так, к положительным сторонам цифровизации коллегиальных форм отправления правосудия в рассмотренном аспекте могут быть отнесены: обеспечение гласности, более широкого доступа к правосудию, оперативность, оптимизация нагрузки судов и судей. К отрицательным сторонам одновременно могут быть отнесены: поверхностное исследование доказательств, возможные затруднения при производстве отдельных процессуальных действий, потенциальные риски технических сбоев, увеличение затрат на поддержание соответствующих информационных систем и технологий, «конвейеризация» судопроизводства.

Стоит отметить, что рассмотренные нами положения, касающиеся возможных метаморфоз коллегиального рассмотрения уголовных дел в условиях цифровой трансформации государства и общества, образуют лишь некий эскиз и общий подход к оценке требующих самостоятельного исследования аспектов коллегиальности, но вместе с тем обнаруживают новые, ранее не исследованные и не разрешенные проблемы.

Что же касается текущих новелл и связанных с ними проблем, относящихся к метаморфозам института коллегиального рассмотрения уголовных дел в условиях цифровизации, то стоит особо отметить следующее.

Большая часть проблем связана именно с проведением судебных заседаний в формате видеоконференцсвязи, остающимся основным достижением уголовного судопроизводства в контексте цифровизации. И именно ВКС попадает в связи со сказанным в фокус внимания современных исследователей.

Небезосновательно указывается, что ВКС способствует ускорению судопроизводства, в том числе при коллегиальном рассмотрении судами уголовных дел, однако обоснованно пишет У. М. Амиралиев, что «проблема ускорения уголовного судопроизводства в ущерб принципу непосредственности и устности процесса в судебном заседании является достаточно острой в судебной практике и в науке уголовного процесса, а разрешение ее в соответствии с законом жизненно необходимо» [1, с. 106]. В то же время необходимо отметить, что ускорение уголовного судопроизводства является побочным результатом внедрения режима ВКС в практику отправления правосудия по уголовным делам. Основной его целью, на что указывает Конституционный Суд РФ, стало обеспечение доступа к правосудию, то есть наличие гарантии судебной защиты и судебного разбирательства [12]. Проведение судебного разбирательства в режиме (формате) ВКС приравнивается, таким образом, к проведению судебного разбирательства в традиционном формате.

Проблемной в данном случае видится сколько не тенденция к ускорению уголовного судопроизводства, сколько противоречие целей ВКС и коллегиальности состава суда при рассмотрении уголовного дела. Как указал Конституционный Суд РФ, коллегиальность состава суда при рассмотрении уголовного дела выступает в качестве одной из возможных процессуальных гарантий, предоставляемых на основе дискреционных полномочий федерального законодателя, что в свою очередь свидетельствует о том, что право обвиняемого на рассмотрение его дела судом, к примеру, с участием присяжных заседателей «в отличие от права на независимый и беспристрастный суд или презумпции невиновности - не входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту, которое не подлежит изменению иначе как в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации» [11]. В то же время институт коллегиального рассмотрения судами уголовных дел выступает гарантией законного, обоснованного и справедливого судебного акта. Однако, ВКС ослабляет, а то и вовсе способно нивелировать такую гарантию, поскольку ограничивает возможность сторон обвинения и защиты, иных участников уголовного судопроизводства. К примеру, при проведении судебного разбирательства в формате ВКС «неясно, каким образом должен быть организован... осмотр вещественных доказательств, осмотр местности и

помещения, освидетельствование; кто должен производить эти осмотры: председательствующий по делу суд или судья по месту нахождения доказательств. Отсутствие детальной регламентации порядка проведения указанных судебных действий следственного характера может повлечь за собой произвольное их исполнение» [5, с. 306].

Иными словами, стоит решить вопрос о том, как гарантия доступа к правосудию по уголовным делам соотносится с гарантированными коллегиальным рассмотрением уголовного дела законностью, обоснованностью и справедливостью судебного акта, не исключают ли они в определенной части друг друга, не понижают ли эффективность одна другой?

На наш взгляд, использование ВКС в уголовном судопроизводстве должно относиться, скорее к исключениям, нежели образовывать самостоятельное правило, что было принято во внимание федеральным законодателем, в том числе при ограничении использования систем ВКС в уголовном судопроизводстве с участием присяжных заседателей (ч. 4 ст. 241.1 УПК РФ).

Кроме того, цифровизация уголовного судопроизводства в части использования ВКС обусловила не только обеспечение гарантии доступа к осуществлению правосудия по уголовным делам, но и поспособствовала в некотором смысле дистанцированию (отдалению) правосудия от населения, ведь задачи непосредственности, гласности, устности судебного разбирательства явно стали уступать его оперативности, оторванности от объективных обстоятельств, возможности их непосредственной оценки, возросла степень судебного усмотрения (дискреционных полномочий председательствующего), на что справедливо указывают многие авторы [8, 10] и т.п.

Наконец, в действующем УПК РФ не урегулированными остаются вопросы порядка принятия и исполнения решений об исследовании доказательств путем применения систем ВКС; не регламентирован порядок взаимодействия судей при проведении видеоконференцсвязи, порядок участия второго судьи (состава суда) [5, с. 305-306].

Имеющиеся проблемы в уголовно-процессуальном законодательстве обусловлены значительным отставанием правового регулирования от новой правоприменительной практики и должны быть своевременно устранены законодателем.

Резюмируя сказанное, стоит отметить, что названные выше проблемы не являются исчерпывающими, но демонстрируют скорейшую необходимость внесения соответствующих изменений в УПК РФ, кроме того, свидетельствуют о текущей неготовности правового порядка к существенным трансформациям коллегиального рассмотрения судами уголовных дел в условиях цифровизации общества и государства.

Литература

1. Амиралиев У. М. Использование систем видеоконференцсвязи при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции // Закон и право. 2021. № 2. С. 106-108.

2. Глава Верховного суда РФ не исключил применения ИИ для взыскания долгов по кредитам [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31548/ (дата обращения – 28.03.2023).

3. Еремеев Д. В. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 141-148.

4. Коробка Е. Способен ли искусственный интеллект заменить судью? [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sposoben-li-iskusstvenny-intellekt-zamenit-sudyu/> (дата обращения – 28.03.2023).

5. Курочкина Ю. С. Проблемы проведения судебных действий следственного характера с использованием видеоконференцсвязи // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 305-308.

6. Лаптев В. Искусственный интеллект в суде: как он будет работать [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://pravo.ru/opinion/232129/> (дата обращения – 28.03.2023).

7. Овчинский В., Бинецкий А. Судья с искусственным интеллектом [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: https://zavtra.ru/blogs/sud_ya_s_iskusstvennim_intellektom (дата обращения - 28.03.2023).

8. Осинцев Д. В. Онтология креационного юридического процесса / Д. В. Осинцев, А. С. Домченко // Российский судья. 2018. № 12. С. 11-15.

9. Сергей Шахрай: цифровая юридическая наука – назревшая необходимость [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://www.interfax.ru/interview/852097> (дата обращения - 28.03.2023).

10. Соболев О. В. Административное и судебное усмотрение: сущность и области применения // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 12. С. 3-7.

11. По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 3.

12. По жалобе гражданина Давыдова Андрея Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 538-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 2.

Prospects and problems of digital transformation of the Institute of collegial consideration of criminal cases by courts

Gritsenko N.S.

Siberian Federal University

The article predicts possible changes in the institution of collegial consideration of criminal cases in the context of the digital transformation of the Russian law and order and suggests optimal forms of such changes. In addition, the current problems of collegial administration of justice in criminal cases are identified in the context of changes in the current criminal procedure legislation.

Keywords: digital transformation, criminal proceedings, collegial consideration of criminal cases, jurors, automation, artificial intelligence

References

1. Amiraliev U.M. The use of videoconferencing systems when considering a criminal case in a court of first instance // Law and Law. 2021. No. 2. S. 106-108.
2. The head of the Supreme Court of the Russian Federation did not rule out the use of AI to collect debts on loans [electronic resource]. Access mode. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31548/ (accessed 03/28/2023).
3. Eremeev D. V. Prospects for the use of artificial intelligence in criminal proceedings // Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2022. V. 8. No. 1. S. 141-148.
4. Box E. Can artificial intelligence replace a judge? [electronic resource]. Access mode. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sposoben-li-iskusstvenny-intellekt-zamenit-sudyu/> (accessed 03/28/2023).
5. Kurochkina Yu. S. Problems of judicial actions of an investigative nature using video conferencing // Bulletin of the Kostroma State University. 2018. V. 24. No. 2. S. 305-308.
6. Laptev V. Artificial intelligence in court: how it will work [electronic resource]. Access mode. URL: <https://pravo.ru/opinion/232129/> (accessed 03/28/2023).
7. Ovchinsky V., Binetsky A. Judge with artificial intelligence [electronic resource]. Access mode. URL: https://zavtra.ru/blogs/sud_ya_s_iskusstvennim_intellektom (accessed 03/28/2023).
8. Osintsev D. V. Ontology of the creational legal process / D. V. Osintsev, A. S. Domchenko // Russian judge. 2018. No. 12. S. 11-15.
9. Sergey Shakhrai: digital legal science is an urgent need [electronic resource]. Access mode. URL: <https://www.interfax.ru/interview/852097> (accessed 03/28/2023).
10. Sobolev O. V. Administrative and judicial discretion: essence and scope // Arbitration and civil process. 2016. No. 12. S. 3-7.
11. In the case of the review of the constitutionality of paragraphs 2 and 3 of the second part of Article 30 and the second part of Article 325 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens R.R. Zainagutdinova, R.V. Kudaeva, F.R. Faizulina, A.D. Khasanova, A.I. Shavaev and the request of the Sverdlovsk Regional Court: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2010 No. 8-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2010. No. 3.
12. According to the complaint of Andrey Stanislavovich Davydov about the violation of his constitutional rights by part three of Article 376 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 16, 2006 No. 538-O // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2007. No. 2.

Правовое положение судебно-психиатрической экспертизы в уголовном судопроизводстве

Трусова Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры психологии УНК ПСД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, etrus.elena@yandex.ru

В исследовании рассматриваются проблемы и передовой опыт в области проведения судебно-психиатрической экспертизы в уголовном судопроизводстве с акцентом на обеспечение надежности и точности результатов экспертиз, защиту прав отдельных лиц и устранение конфликтов интересов. Выводы имеют важные последствия для практики уголовного правосудия.

Ключевые слова: судебная психиатрия, правовой статус, уголовное судопроизводство, экспертиза

Введение. Судебно-психиатрическая экспертиза – это медицинское освидетельствование, используемое в системе уголовного правосудия для оценки психического состояния и дееспособности лиц, участвующих в уголовном процессе. Обследование, обычно проводимое психиатром или психологом, состоит из всестороннего обзора медицинской и психологической истории человека и проведения стандартных тестов и опросов [3, с. 159]. Цель экспертизы состоит в том, чтобы информировать юридические решения относительно компетенции человека предстать перед судом, виновности или невиновности, а также соответствующего решения.

Результаты судебно-психиатрической экспертизы могут иметь существенное значение для исхода уголовного дела, а также для лечения и реабилитации лица, о котором идет речь. Экспертиза предоставляет суду важную информацию о психическом состоянии и дееспособности лица, которая необходима для принятия справедливых и обоснованных решений. В отсутствие точных и надежных оценок лица с психическими расстройствами могут подвергаться несправедливым последствиям, таким как ненадлежащее задержание или обращение.

Таким образом, все это убедительно свидетельствует в пользу проведения дополнительных научных разработок и изысканий по обозначенной теме.

Данная научная работа направлена на изучение правового статуса судебно-психиатрической экспертизы в уголовном судопроизводстве.

Методология работы сочетает в себе элементы дескриптивного анализа со вторичной обработкой статистических данных.

Основная часть. Концепция судебно-психиатрической экспертизы с годами претерпела значительную эволюцию, отражающую изменения в понимании психических заболеваний и роли специалистов в области психического здоровья в системе уголовного правосудия [6, с. 104]. В первые годы судебно-медицинские экспертизы были сосредоточены в первую очередь на определении вменяемости человека и проводились ситуативно, с небольшой стандартизацией или регулированием. С достижениями в области психиатрии и признанием психических заболеваний медицинским состоянием процесс обследования стал более систематическим и основанным на фактических данных, с четкими этическими принципами и правовыми рамками.

Правовой статус судебно-психиатрической экспертизы также менялся с течением времени, отражая изменения в понимании психических заболеваний и прав лиц с психическими расстройствами [9, с. 128]. Ключевые изменения в правовом статусе су-

дебно-психиатрической экспертизы включают признание права на справедливое судебное разбирательство, права на неприкосновенность частной жизни и права на доступ к соответствующему лечению. Во многих юрисдикциях были созданы правовые рамки для обеспечения защиты лиц от жестокого обращения или эксплуатации, а также для обеспечения надежности и точности процесса экспертизы.

Таким образом, эволюция концепции судебно-психиатрической экспертизы отражает изменение отношения к психическим заболеваниям и роли специалистов в области психического здоровья в системе уголовного правосудия. Развитие нормативно-правовой базы сыграло решающую роль в обеспечении защиты прав лиц с психическими расстройствами и обеспечении справедливого, точного и прозрачного проведения экспертизы.

Правовые основы, регулирующие проведение судебно-психиатрических экспертиз, различаются в разных странах и регионах [10, с. 169]. На международном уровне различные инструменты и декларации по правам человека обеспечивают основу для защиты лиц с психическими расстройствами и содействия проведению справедливых и беспристрастных оценок. На национальном уровне законодательство, правила и политика содержат конкретные рекомендации по проведению судебно-психиатрических экспертиз, включая права отдельных лиц, квалификацию оценщиков и требования к процессу экспертизы.

Ключевые компоненты нормативно-правовой базы судебно-психиатрической экспертизы обычно включают положения о:

1. правах лиц, проходящих обследование, включая право на неприкосновенность частной жизни, право на доступ к медицинскому обслуживанию и право на надлежащую правовую процедуру;

2. квалификации и подготовке оценщиков, включая требование о наличии специального образования и опыта работы в области судебной психиатрии или психологии;

3. экзаменационном процессе, в том числе включая использование стандартизированных тестов и собеседований, документирование результатов и конфиденциальность информации;

4. использовании результатов экспертизы в судопроизводстве, в том числе в роли эксперта свидетелей, допустимость доказательств и право на оспаривание результатов [1, с. 18].

Таким образом, правовая база играет решающую роль в регулировании проведения судебно-психиатрических экспертиз и защите прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Положения этих рамок должны уравнивать потребность в точных и надежных оценках с необходимостью уважать права людей и обеспечивать надлежащую правовую процедуру [4, с. 212]. Изучение нормативно-правовой базы, регулирующей судебно-психиатрическую экспертизу, имеет важное значение для понимания текущего состояния этой области и для продвижения передового опыта проведения справедливых и беспристрастных оценок.

Одним из ключевых вопросов и проблем правового статуса судебно-психиатрической экспертизы является обеспечение достоверности и достоверности результатов экспертизы [7, с. 264]. Это требует обеспечения того, чтобы оценщики имели соответствующую квалификацию и подготовку, использовали стандартизированные и проверенные методы, а также проводили экспертизу прозрачным и беспристрастным образом. Кроме того, процесс экспертизы должен выдерживать юридическую проверку, а результаты должны быть допустимы в качестве доказательств в суде.

Еще одной проблемой правового статуса судебно-психиатрической экспертизы является защита прав лиц, подвергающихся освидетельствованию, в том числе права на неприкосновенность частной жизни, права на доступ к медицинской помощи и права на надлежащую правовую процедуру. Это требует уравнивания потребности в точных и надежных оценках с необходимостью соблюдения прав личности и обеспечения того, чтобы процесс экзаменов был справедливым и беспристрастным.

Конфликты интересов могут возникать при проведении судебно-психиатрических экспертиз, особенно в тех случаях, когда оценщик является государственным служащим или связан с судом или прокуратурой [2, с. 27]. Урегулирование этих конфликтов интересов требует обеспечения беспристрастности оценщиков и предоставления возможностей для беспристрастной проверки результатов экзаменов.

В заключение следует отметить, что правовой статус судебно-психиатрической экспертизы сопряжен с рядом проблем и задач, в том числе с необходимостью обеспечения достоверности и достоверности результатов экспертизы, защиты прав граждан и устранения конфликта интересов. Решение этих вопросов требует междисциплинарного подхода, в котором участвуют заинтересованные стороны из системы уголовного правосудия, специалистов в области психического здоровья и юристов, а также приверженности передовому опыту и постоянному совершенствованию.

Одной из ключевых передовых практик в отношении правового статуса судебно-психиатрической экспертизы является обеспечение соответствующей квалификации и подготовки оценщиков [8, с. 134]. Это требует установления четких стандартов для образования и опыта в области судебной психиатрии или психологии, предоставления возможностей для непрерывного образования и профессионального развития, а также проведения регулярных оценок для обеспечения того, чтобы оценщики сохраняли свои навыки и знания.

Другой важной передовой практикой является использование стандартизированных и валидированных методов проведения судебно-психиатрических экспертиз. Это включает в себя использование стандартизированных тестов, собеседований и процессов документирования, а также разработку и использование четких и прозрачных критериев оценки.

Обеспечение беспристрастности и прозрачности процесса экспертизы имеет решающее значение для обеспечения достоверности и точности результатов экспертизы и защиты прав лиц, проходящих экспертизу [5, с. 201]. Это требует строгого соблюдения этических норм, предоставления возможностей для беспристрастного рассмотрения результатов экзаменов и обеспечения открытости и прозрачности процесса экзамена.

Сотрудничество и координация между заинтересованными сторонами также является важной передовой практикой в отношении правового статуса судебно-психиатрической экспертизы. Это включает в себя сотрудничество между специалистами в области психического здоровья, экспертами в области права и специалистами в области уголовного правосудия, а также сотрудничество между национальными и международными организациями, работающими над распространением передового опыта и продвижением в этой области.

Таким образом, правовой статус судебно-психиатрической экспертизы является сложным и многогранным вопросом, требующим междисциплинарного подхода и приверженности передовому опыту. Это включает в себя обеспечение квалификации и подготовки оценщиков, использование стандартизированных методов, беспристрастность и прозрачность экзаменационного процесса, а также сотрудничество и координацию между заинтересованными сторонами. Разработка и внедрение передового опыта будет способствовать справедливой и беспристрастной оценке и защите прав отдельных лиц.

Заключение. В данном исследовании изучен правовой статус судебно-психиатрической экспертизы в уголовном судопроизводстве и выявлен ряд вопросов и проблем, в том числе необходимость обеспечения достоверности и точности результатов экспертизы, защиты прав личности, разрешения конфликта интересов. Исследование также выявило передовой опыт в этой области, включая квалификацию и обучение оценщиков, использование стандартизированных методов, беспристрастность и прозрачность экзаменационного процесса, а также сотрудничество и координацию между заинтересованными сторонами.

Рекомендации для будущих исследований включают разработку и апробацию новых методов оценки, изучение альтернативных подходов к проведению судебно-психиатрических экспертиз и роли технологий в процессе экспертизы. Также необходимы дальнейшие исследования для изучения эффективности современных передовых практик и выявления возможностей для улучшения.

Результаты исследования имеют важные последствия для практики уголовного правосудия. К ним относятся необходимость уделять приоритетное внимание разработке и внедрению передового опыта, обеспечению беспристрастности и прозрачности экзаменационного процесса, а также защите прав лиц, проходящих обследование. Кроме того, результаты подчеркивают необходимость постоян-

ного сотрудничества и координации между заинтересованными сторонами системы уголовного правосудия, специалистами в области психического здоровья и юристами для обеспечения того, чтобы правовой статус судебно-психиатрической экспертизы был справедливым, беспристрастным и эффективным.

Литература

1. Авдеев, В.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза в ходе производства по уголовным делам Текст. : теоретико-правовые и прикладные аспекты : монография / В. Н. Авдеев, С. В. Белоусова ; Санкт-Петербургский университет МВД России, Калининградский филиал. – Калининград : Калининградский фил. СПбУ МВД России, 2017. – 139 с.

2. Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории : монография / Т. В. Аверьянова. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 480 с. – ISBN 978-5-91768-013-2. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1862003> (дата обращения: 01.02.2023). – Режим доступа: по подписке.

3. Антонович, Б.А. Антонович, Е.К. Судебно-психиатрические экспертизы и стадии уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – 11. – С. 159–164. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Антонович, Б.А., Антонович, Е.К. К вопросу об использовании терминов, касающихся психического состояния участников уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2018. – № 11 (201). – С. 212–219. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Майлис, Н.П. Настольная книга эксперта : монография / Н. П. Майлис. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2020. – 287 с. – ISBN 978-5-238-03356-3. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1359077> (дата обращения: 01.02.2023). – Режим доступа: по подписке.

6. Назаркулова, Ч.Н. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды : монография / Ч.Н. Назаркулова ; под. ред. О.В. Чельшева. – Москва : Юстицинформ, 2019. – 204 с. – ISBN 978-5-7205-1528-7. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1046011> (дата обращения: 01.02.2023). – Режим доступа: по подписке.

7. Погодина, Т.Г., Берзинь, О.А. Судебно-психиатрическая экспертиза и криминалистическое изучение личности: проблемы теории и практики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 2 (158). – С. 264–271.

8. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография / Е.Р. Россинская. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 576 с. – ISBN 978-5-91768-955-5. – Текст : электронный. – URL:

<https://znanium.com/catalog/product/1846426> (дата обращения: 01.02.2023). – Режим доступа: по под-писке.

9. Спасенников, Б.А., Копыткин, С.А. О пробле-мах судебно-психиатрической экспертизы в су-дебно-следственной практике // Пенитенциарная наука. – 2016. – № 8. – С. 128–135. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Холодов, А.В. Проблемы правового регулиро-вания и практики применения назначения и произ-водства судебно-психиатрической экспертизы // Си-бирский юридический вестник. – 2012. – № 16 (257). – С. 169–178.

Legal status of forensic psychiatric examination in criminal proceedings
Trusova E.A.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

The study examines the problems and best practices in the field of forensic psychiatric examination in criminal proceedings with an emphasis on ensuring the reliability and accuracy of the results of examinations, protecting the rights of individuals and eliminating conflicts of interest. The findings have important implications for criminal justice practice.

Keywords: forensic psychiatry, legal status, criminal proceedings, expertise

References

1. Avdeev, V.N. Forensic psychiatric examination in the course of criminal proceedings. : theoretical and legal and applied aspects : monograph / V. N. Avdeev, S. V. Belousova; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad branch. - Kaliningrad: Kaliningrad fil. SPbU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. - 139 p.
2. Averyanova, T.V. Forensic examination. General theory course: monograph / T. V. Averyanova. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. - 480 p. - ISBN 978-5-91768-013-2. – Text : electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1862003> (date of access: 02/01/2023). – Access mode: by subscription.
3. Antonovich, B.A. Antonovich, E.K. Forensic psychiatric examinations and stages of criminal proceedings // Judicial power and criminal process. - 2017. - 11. - S. 159-164. Access from ATP "ConsultantPlus".
4. Antonovich, B.A., Antonovich, E.K. To the question of the use of terms relating to the mental state of participants in criminal proceedings // Bulletin of the O.E. Kutafin. - 2018. - No. 11 (201). – S. 212–219. Access from ATP "ConsultantPlus".
5. Mailis, N.P. Handbook of an expert: monograph / N. P. Mailis. - Moscow: UNITI-DANA: Law and Law, 2020. - 287 p. - ISBN 978-5-238-03356-3. – Text : electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1359077> (date of access: 02/01/2023). – Access mode: by subscription.
6. Nazarkulova, Ch.N. The use of special knowledge in the investigation of crimes motivated by national, racial, religious hatred or enmity: monograph / Ch.N. Nazarkulov; under. ed. O.V. Chelyshev. - Moscow: Yustitsinform, 2019. - 204 p. - ISBN 978-5-7205-1528-7. – Text : electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1046011> (date of access: 02/01/2023). – Access mode: by subscription.
7. Pogodina, T.G., Berzin, O.A. Forensic psychiatric examination and forensic study of personality: problems of theory and practice // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - No. 2 (158). – S. 264–271.
8. Rossinskaya, E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph / E.R. Russian. - 4th ed., revised. and additional - Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. - 576 p. - ISBN 978-5-91768-955-5. – Text : electronic. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1846426> (date of access: 02/01/2023). – Access mode: by subscription.
9. Spasennikov, B.A., Kopytkin, S.A. On the problems of forensic psychiatric examination in forensic investigative practice // Penitentiary science. - 2016. - No. 8. - P. 128–135. Access from ATP "ConsultantPlus".
10. Kholodov, A.V. Problems of legal regulation and practice of applying the appointment and production of forensic psychiatric examination // Siberian Legal Bulletin. - 2012. - No. 16 (257). - S. 169-178.

Борьба с сексуальными домогательствами: история развития законодательства в США

Антохина Эмилия Юрьевна

аспирант кафедры трудового и социального права Юридического факультета Санкт-Петербургский государственный университет, euyobovnikova@ya.ru

Практика протеста против сексуальных домогательств в Соединенных Штатах Америки имеет достаточно долгую историю, уходящую корнями еще в социальный институт принудительного труда рабов. Вместе с тем только во второй половине 20 в. американская правовая система начала разработки эффективных механизмов борьбы с данным явлением, а судебная практика, взаимодействуя с правовой доктриной, стала предлагать собственные стандарты рассмотрения исков, удовлетворения требований пострадавшей стороны-работника, а также поиска баланса интересов между работодателем и его сотрудниками. Настоящая статья посвящена ретроспективному анализу развития законодательства США в рамках обозначенной темы для выявления позитивных аспектов законоотворчества и судебной практики. Данное краткое исследование представляет значительный интерес для законодателя, правоприменителя и отечественных юристов, в связи с тем, что аналогичные нормы, защищающие работника от оскорбительного или непристойного поведения на рабочем месте, отсутствуют в российском праве.

Ключевые слова: сравнительно-правовое исследование; сексуальные домогательства; рабочее место; юридическая ответственность; судебная практика; законодательство США.

То, что он называет сексом, она называет домогательством

Эллен Гудман – американская журналистка и обозреватель, лауреат Пулицеровской премии

Сексуальные домогательства – любое нежелательное поведение, которое создает враждебную или оскорбительную рабочую среду, негативно воздействует на психологическое состояние, физическое и сексуальное здоровье человека, чувство его достоинства, социальную среду и даже на обстановку в семье (Конвенция МОТ № 190). Изучение данного феномена необходимо для понимания основных причин и факторов риска, способствующих его возникновению, для разработки эффективных правовых механизмов предотвращения и борьбы с харассментом, что особенно актуально в свете отсутствия специальных норм о защите работника от оскорбительного поведения со стороны работодателя в российском законодательстве [25, с. 223].

Отечественные правоведы постоянно обращаются к исследованию правовой системы зарубежных стран, в том числе Соединенных Штатов Америки (США). Например, при анализе наказаний по уголовному законодательству [24], изучении роли судебного толкования в достижении определенности конституционных норм [23] или оценке регулирования трудовых правоотношений в сфере профессионального спорта [22]. С учетом того, что США, как и Российская Федерация, не имеют намерения ратифицировать Конвенцию № 190 (о чем будет сказано далее), данная статья направлена на изучение истории развития американского законодательства по борьбе с харассментом и освещение значимых судебных кейсов с целью возможной рецепции наиболее удачных и действующих механизмов правового регулирования.

Практика протеста против сексуальных домогательств в США имеет достаточно долгую историю. Авторы находят «корни» сексуальных домогательств еще в социальном институте использования принудительного труда рабов [13, с. 457], [7]. Но все же наиболее значимой для исследования является вторая половина 20 в.

В 1964 г. вступил в силу Закон о гражданских правах (Закон), ставший переломным для американской истории, поскольку его принятие объявило незаконным систематическую, и в некоторых случаях санкционированную законом, дискриминацию на рабочем месте по признаку расы, цвета кожи, религии, пола или национального происхождения [1, с. 383]. В литературе отмечается, что несмотря на установление в Разделе VII Закона незаконности отказа в приеме на работу, увольнения или дискриминации в компенсациях, условиях или привилегиях найма на

основе упомянутых ранее типов, определение судами того, что является дискриминацией, долгое время было непростой задачей [12]. По этой причине суды не определяли сексуальные домогательства ни как нарушение Закона, ни как дискриминацию, например, по признаку пола [9].

Вместе с тем после принятия Закона в США постепенно начали предприниматься внесудебные меры для реализации принятых положений на практике. В 1965 г. была образована Комиссия по равным возможностям при трудоустройстве (Комиссия) для администрирования и обеспечения соблюдения Закона, разрешения поступающих жалоб на дискриминацию и представления интересов потерпевших в суде. Затем в 1969 г. в штате Флорида была создана первая Комиссия по человеческим отношениям, основная цель работы которой заключалась в обеспечении соблюдения федеральных законов в области защиты от дискриминации на уровне штата.

Считается, что впервые термин «харассмент» был использован преподавательницей Корнельского университета Лин Фарли в 1974 г. в ходе работы в дискуссионной группе. Так, во время занятий женщины рассказывали, что их увольняли или вынуждали бросать работу из-за преследований и запугивания со стороны мужчин [5]. Годом позже Лин Фарли совместно с Объединением трудящихся женщин – организацией, созданной для борьбы с домогательствами в отношении женщин на рабочем месте, по результатам проведенного опроса сформулировали следующее определение сексуальных домогательств: комментарии, взгляды, предложения или физический контакт, которые работник находит неприятными или оскорбительными, а также причиняют дискомфорт на работе [3, с. 1239]. Этот тип домогательств позднее получил название *сексуальные домогательства quid pro quo (услуга за услугу)*, поскольку в нем подчеркивалось подчиненное отношение женщин по отношению к мужчинам, так как последние могли добиваться сексуальных услуг от работниц под угрозой их увольнения [8].

Первым делом о сексуальных домогательствах (несмотря на отсутствие упоминания данного термина в материалах), считается кейс 1974 г. «*Барнс против Трейна*», рассмотренный в соответствии с Разделом VII Закона. В нем истица утверждала, что неоднократно подвергалась сексуальным домогательствам, в том числе в словесных и физических проявлениях, со стороны своего начальника Сидни Трейна. В результате Окружной суд по округу Колумбия постановил, что харассмент может включать нежелательные сексуальные домогательства, просьбы о сексуальных услугах и другие словесное или физическое поведение сексуального характера, создающее враждебную или оскорбительную рабочую атмосферу, а сами сексуальные домогательства являются формой дискриминации по признаку пола в соответствии с Законом. В 1977 г. тем же судом вновь было принято решение в пользу данной истицы, но уже по иску, инициированному против компании, — дело «*Барнс против Костла*». Суд постановил выплатить истице 18 000 тыс. долларов,

установив, что работодатели могут быть привлечены к ответственности за сексуальные домогательства со стороны своих работников, даже если они не знали о сложившейся конфликтной ситуации на рабочем месте.

Не менее значимым для развития законодательства является и дело 1976 г. «*Уильямс против Саксбе*». В нем Окружной суд округа Колумбия установил, что сексуальные домогательства *quid pro quo* (услуга за услугу) представляют собой дискриминацию по принципу пола в соответствии с Законом, если условием приема на работу является «согласие» с сексуальными домогательствами со стороны начальника.

В 1980 г. Комиссией было издано Руководство по дискриминации по признаку пола. В нем сексуальные домогательства были признаны нарушением Раздела VII Закона. Кроме того, были представлены две признаваемые государством категории сексуальных домогательств:

- *сексуальные домогательства quid pro quo (услуга за услугу или домогательства, связанные с получением материальной выгоды от работы)* – вид домогательств, при которых условием трудоустройства лица либо принятием решения о трудоустройстве является «согласие» на сексуальные услуги;

- *сексуальные домогательства во враждебной среде* – вид домогательств, при которых действия руководителя, коллег, клиентов или третьих лиц имеют целью или следствием необоснованное вмешательство в трудовую деятельность работника или создание запугивающей, враждебной или оскорбительной обстановки через выражение нежелательных комментариев сексуального характера, непристойных требований, шуток, сексистских высказываний [8].

В 1986 г. Верховный суд США в продолжение классификации, приведенной Комиссией, рассмотрел дело «*Меритор Сейвингз Банк против Винсон*». В нем чернокожая работница Мешель Винсон заявила, что в течение 3 лет подвергалась сексуальным домогательствам со стороны начальника, приставаниям при рабочем коллективе, а также изнасилованию, а через 4 года после трудоустройства была уволена якобы из-за чрезмерного использования отпуска по болезни. Рассматривая дело, суд впервые установил стандарты удовлетворения требований по искам о сексуальных домогательствах во враждебной среде, отметив при этом, что работодатели не всегда автоматически несут ответственность за сексуальные домогательства руководящего состава организации и отправил дело на новое рассмотрение. В конечном итоге дело было урегулировано во внесудебном порядке на условиях о неразглашении [17].

Исследователи отмечают, что правоприменительная практика Верховного суда США по делам о дискриминации в период с 1987 по 1988 г. существенно подорвала применение Раздела VII Закона, придав ему значительное расширительное толкование, в том числе с учетом сложившейся социально-политической обстановки [1, с. 1084]. В этой связи в

1991 г. Конгресс США принял поправки к Закону, которые, как утверждают некоторые авторы, главным образом были направлены на отмену или пересмотр ранее принятых судом политически непопулярных решений [11, с. 304]. Вместе с тем позитивные изменения принятых поправок включали:

- защиту американских граждан, трудоустроенных за границей. Этим пунктом вводилось положение об экстерриториальности, позволявшее гражданам США, которые работают за рубежом, подавать жалобы к своим работодателям в случае дискриминации при приеме на работу;
- ведение разъяснительной работы и обучения лиц, ставших жертвами дискриминации при приеме на работу;
- возможность взыскания как компенсационных, так и штрафных санкций по искам о дискриминации при приеме на работу, в том числе будущих материальных и нематериальных убытков, вызванных дискриминацией со стороны работодателей;
- право на взыскание расходов на адвокатов и свидетелей-экспертов с проигравшей стороны и т.д. [20].

С тех пор законодательство США не подвергалось глобальным изменениям. Предположительно, это связано с тем, что на протяжении последующих лет американские суды самостоятельно продолжали определять различные типы поведения, которое представляют собой сексуальные домогательства, тем самым устанавливая более высокие стандарты для привлечения работодателя к ответственности [10, с. 46]. В этой связи кратко рассмотрим несколько наиболее значимых для правоприменительной практики дел.

В 1991 г. после рассмотрения Апелляционным судом США восьмого округа иска по делу «*Дженсон против Эзелет Таконит Ко.*» за истцами было признано право на подачу коллективного иска по делам о сексуальных домогательствах [4].

В 1998 г. суды по делам «*Фарагер против города Бака-Ратон, Флорида*» и «*Берлингтон против Эллерта*» пришли к выводу, что работодатели не всегда несут ответственность за действия своих сотрудников. Эти дела сформировали так называемую *позитивную практику защиты работодателей Фарагера-Эллерта*, которой работодатели могут воспользоваться, если одновременно:

- работодатель проявил разумную осмотрительность для предотвращения и незамедлительного исправления любого поведения, связанного с сексуальными домогательствами;
- работник-истец необоснованно не воспользовался какими-либо превентивными или исправительными мерами, предоставленными работодателем [16, 309].

Кроме того, нельзя не упомянуть и одно из значимых политических дел. В 1991 г. Анита Хилл свидетельствовала перед Судебным комитетом Сената против кандидата в Верховный суд США Кларенса Томаса, утверждая, что подверглась сексуальным домогательствам. Женщина заявляла, что К. Томас домогался до нее, в то время, когда зани-

мал руководящие должности в Министерстве образования и даже в Комиссии. Считается, что именно после этого дела термин «сексуальные домогательства» стал известен за пределами академических и юридических кругов, а количество случаев, зарегистрированных в США, заметно увеличилось и с тех пор постоянно растет [14]. Это можно проследить на примере данных, в соответствии с которыми в период с 2018 по 2021 гг. Комитет получил в общей сложности 27 291 обвинение в сексуальных домогательствах [18].

2019 г. стал знаковым для стран-участниц Международной организации труда (МОТ) в связи с долгожданным принятием Конвенции № 190 «Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда» и Рекомендации № 206 к ней. Исследователи отмечают, что в данном документе не только распределены роли между государством и работодателем для обеспечения наиболее эффективной защиты работника от домогательств, но и определены наиболее уязвимые группы на рынке труда, для которых характерен более высокий риск возникновения насилия на рабочем месте [15, 84]. Однако США приняла решение не ратифицировать Конвенцию и Рекомендации № 206 (рекомендации не подлежат ратификации) к ней. Возможно предположить, что с учетом развитого законодательства и судебной практики американское общество не получило бы значительные позитивные изменения при ратификации указанного документа.

Нельзя не согласиться с тезисом о том, что западный опыт защиты женщин в развитых странах нельзя целиком перенести на российскую почву, что обусловлено иным менталитетом, иными законами в этой сфере и иным отношением судов, правоохранительных органов, работодателей и наемных работников к сексуальным преследованиям женщин на работе [21, с. 7]. Однако действующее законодательство США в области борьбы с сексуальными домогательствами на рабочем месте можно оценить однозначно позитивно. Государство предпринимает необходимые меры для информирования своих граждан о насилии на рабочем месте, разрабатывает собственную доктрину для описания данного явления, обеспечивает заявителей возможностью получения как внесудебной, так и судебной защиты. По этой причине отечественный законодатель имеет возможность, не повторяя ошибок американской правовой системы, внедрить в свою правовую реальность наиболее удачные аспекты.

Литература

1. Aiken J. R., Salmon E. D., Hanges P. J. The origins and legacy of the Civil Rights Act of 1964 // *Journal of Business and Psychology*. – 2013. – Т. 28. – С. 383-399.
2. Belton R. The Civil Rights Act of 1991 and the future of affirmative action: a preliminary assessment // *DePaul L. Rev.* – 1991. – Т. 41. – С. 1085.
3. Bernstein A. Law, culture, and harassment // *U. Pa. L. Rev.* – 1993. – Т. 142. – С. 1227.

4. Bingham C., Gansler L. L. Class Action: The Landmark Case that Changed Sexual Harrassment. – Anchor, 2003.
5. Collin A., Antell S. Cardozo Law Review //Law Review. – 1992. – Т. 13. – №. 5.
6. Crouch M. A. Thinking about sexual harassment: A guide for the perplexed. – Oxford University Press, USA, 2001.
7. Davis A. D. Slavery and the roots of sexual harassment. – 2003.
8. Hersch J., Shinall J. B. Fifty years later: The legacy of the Civil Rights Act of 1964 //Journal of Policy Analysis and Management. – 2015. – Т. 34. – №. 2. – С. 424-456.
9. Gillian Thomas. 2017 Because of Sex: One Law, Ten Cases, and Fifty Years That Changed American Women's Lives at Work. New York: St. Martin's Press.
10. Gladstone S. New Era of Sexual Harassment Law //Perspectives. – 2000. – Т. 24. – №. 2. – С. 46-53.
11. Loudon T. D. The Civil Rights Act of 1991: What Does It Mean and What Is Its Likely Impact //Neb. L. Rev. – 1992. – Т. 71. – С. 304.
12. MacKinnon C. A., MacKinnon C. A. Sexual harassment of working women: A case of sex discrimination. – Yale University Press, 1979. – Т. 19.
13. MacKinnon C. A., Siegel R. B. (ed.). Directions in sexual harassment law. – Yale University Press, 2008.
14. Pilgaard F. et al. Association between experiences of different types of harassment or derogatory treatment and sexual harassment among employees at a large Swedish university //International journal of environmental research and public health. – 2022. – Т. 20. – №. 1. – С. 11.
15. Prokopenko M. Violence and harassment at the work in the light of the new ILO Convention No. 190. – 2020.
16. Warshawsky S. M. Ellerth and Faragher: Towards strict employer liability under Title VII for supervisory sexual harassment //U. Pa. J. Lab. & Emp. L. – 1999. – Т. 2. – С. 303.
17. Meritor Savings Bank v. Vinson // www.britannica.com URL: <https://www.britannica.com/topic/Meritor-Savings-Bank-v-Vinson#:~:text=Vinson%2C%20illegal%20case%20in%20which,bans%20sex%20discrimination%20by%20employers.> (дата обращения: 10.05.2023).
18. Sexual Harassment in Our Nation's Workplaces // www.eeoc.gov URL: [https://www.eeoc.gov/data/sexual-harassment-our-nations-workplaces#:~:text=EEOC%20Charge%20Data%20\(FY%202018,27%2C291%20charges%20alleging%20sexual%20harassment.](https://www.eeoc.gov/data/sexual-harassment-our-nations-workplaces#:~:text=EEOC%20Charge%20Data%20(FY%202018,27%2C291%20charges%20alleging%20sexual%20harassment.) (дата обращения: 10.05.2023).
19. Title VII of the Civil Rights Act of 1964 & the Developing Definition of Sexual Harassment in the Workplace // www.xavier.edu URL: https://www.xavier.edu/xjop/documents/vol10_2019/7.-jagadesan-xjop-2019,-73-78.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
20. What Is the Civil Rights Act of 1991 // swartz-legal.com URL: <https://swartz-legal.com/what-is-the-civil-rights-act-of-1991/#:~:text=The%20Civil%20Rights%20Act%20of%201991%20amended%20but%20did%20not,rights%20in%20employment%20discrimination%20matters> (дата обращения: 10.05.2023).
21. Балабанов С. С., Саралиева З. Х. М. Сексуальные домогательства на работе в России //Вестник нижегородского университета им. НИ Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2010. – №. 1. – С. 7-12.
22. Князев, Д. С. Регулирование трудовых правоотношений в сфере профессионального спорта в США / Д. С. Князев // Столица науки. – 2020. – № 5(22). – С. 253-258. – EDN АСММGT.
23. Петрова, Е. А. Роль судебного толкования в достижении определенности конституционных норм (на примере правовой системы США) / Е. А. Петрова // Государственно-правовые исследования. – 2021. – № 4. – С. 256-261. – DOI 10.20310/2658-5383-2021-4-256-261. – EDN СYQHUA.
24. Сильченко, Е. В. Сравнительно-правовой анализ системы наказаний по уголовному законодательству Российской Федерации и США / Е. В. Сильченко, Е. А. Ильяшенко // The Scientific Heritage. – 2020. – № 46-6(46). – С. 45-48. – EDN HFID0Z.
25. Сыченко, Е. В., & Бобовникова, Э. Ю. (2023). Анализ судебной практики о применении принципа уважения достоинства работника. Ежегодник трудового права, 13, 223 - 230. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.115>.

The fight against sexual harassment: the history of the development of legislation in the United States

Antyukhina E.Yu.

St Petersburg State University Faculty of Law,

The practice of protest against sexual harassment in the United States of America has a fairly long history, going back to the social institution of forced labor of slaves. However, only in the second half of the 20th century, the American legal system began to develop effective mechanisms to combat this phenomenon, and judicial practice, interacting with legal doctrine, began to offer its own standards for handling claims, satisfying the claim of the injured party-employee, and also finding a balance of interests between the employer and his employees. This article is devoted to a retrospective analysis of the development of US legislation within the framework of the designated topic in order to identify positive aspects of lawmaking and judicial practice. This brief study is of considerable interest to the legislator, law enforcer and domestic lawyers, due to the fact that there are no similar rules protecting the employee from offensive or indecent behavior in the workplace in Russian law.

Keywords: comparative legal research; sexual harassment; workplace; legal liability; arbitration practice; US law.

References

1. Aiken J. R., Salmon E. D., Hanges P. J. The origins and legacy of the Civil Rights Act of 1964 //Journal of Business and Psychology. - 2013. – Vol. 28. – pp. 383-399.
2. Belton R. The Civil Rights Act of 1991 and the future of affirmative action: a preliminary assessment //DePaul L. Rev. – 1991. – Vol. 41. – p. 1085.
3. Bernstein A. Law, culture, and harassment //U. Pa. L. Rev. – 1993. – Vol. 142. – P. 1227.
4. Bingham C., Gansler L. L. Class Action: The Landmark Case that Changed Sexual Harassment. – Anchor, 2003.
5. Collin A., Antell S. Cardozo Law Review //Law Review. – 1992. – Vol. 13. – No. 5.
6. Crouch M. A. Thinking about sexual harassment: A guide for the perplexed. – Oxford University Press, USA, 2001.
7. Davis A. D. Slavery and the roots of sexual harassment. – 2003.
8. Hersch J., Shinall J. B. Fifty years later: The legacy of the Civil Rights Act of 1964 //Journal of Policy Analysis and Management. – 2015. – Vol. 34. – No. 2. – pp. 424-456.
9. Gillian Thomas. 2017 Because of Sex: One Law, Ten Cases, and Fifty Years That Changed American Women's Lives at Work. New York: St. Martin's Press.
10. Gladstone S. New Era of Sexual Harassment Law //Perspectives. – 2000. – Vol. 24. – No. 2. – Pp. 46-53.
11. Loudon T. D. The Civil Rights Act of 1991: What Does It Mean and What Is Its Likely Impact //Neb. L. Rev. – 1992. – Vol. 71. – p. 304.
12. MacKinnon C. A., MacKinnon C. A. Sexual harassment of working women: A case of sex discrimination. – Yale University Press, 1979. – Vol. 19.
13. MacKinnon C. A., Siegel R. B. (ed.). Directions in sexual harassment law. – Yale University Press, 2008.

14. Pilgaard F. et al. Association between experiences of different types of harassment or derogatory treatment and sexual harassment among employees at a large Swedish university // *International journal of environmental research and public health*. – 2022. – Vol. 20. – No. 1. – p. 11.
15. Prokopenko M. Violence and harassment at the work in the light of the new ILO Convention No. 190. – 2020.
16. Warshawsky S. M. Ellerth and Faragher: Towards strict employer liability under Title VII for supervisory sexual harassment // *U. Pa. J. Lab. & Emp. L.* – 1999. – Vol. 2. – P. 303.
17. *Meritor Savings Bank v. Vinson* // www.britannica.com/topic/Meritor-Savings-Bank-v-Vinson#:~:text=Vinson%2C%20legal%20case%20in%20which,bans%20sex%20discrimination%20by%20employers. (accessed: 05/10/2023).
18. *Sexual Harassment in Our Nation's Workplaces* // [www.eeoc.gov/data/sexual-harassment-our-nations-workplaces#:~:text=EEOC%20Charge%20Data%20\(FY%202018,27%2C291%20charges%20alleging%20sexual%20harassment](https://www.eeoc.gov/data/sexual-harassment-our-nations-workplaces#:~:text=EEOC%20Charge%20Data%20(FY%202018,27%2C291%20charges%20alleging%20sexual%20harassment). (accessed: 10.05.2023).
19. *Title VII of the Civil Rights Act of 1964 & the Developing Definition of Sexual Harassment in the Workplace* // www.xavier.edu/xjop/documents/vol10_2019/7.-jagadesan-xjop-2019_-73-78.pdf (accessed: 05/10/2023).
20. *What Is the Civil Rights Act of 1991* // swartz-legal.com/what-is-the-civil-rights-act-of-1991/#:~:text=The%20Civil%20Rights%20Act%20of%201991%20amended%20but%20did%20not,rights%20in%20employment%20discrimination%20matters (accessed: 05/10/2023).
21. Balabanov S. S., Saralieva Z. H. M. Sexual harassment at work in Russia // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. NO Lobachevsky. Series: Social Sciences*. – 2010. – No. 1. – pp. 7-12.
22. Knyazev, D. S. Regulation of labor relations in the field of professional sports in the USA / D. S. Knyazev // *The capital of science*. – 2020. – № 5(22). – Pp. 253-258. – EDN ACMMGT.
23. Petrova, E. A. The role of judicial interpretation in achieving certainty of constitutional norms (on the example of the US legal system) / E. A. Petrova // *State-legal studies*. – 2021. – No. 4. – PP. 256-261. – DOI 10.20310/2658-5383-2021-4-256-261. – EDN CYQHUA.
24. Silchenko, E. V. Comparative legal analysis of the system of punishments under the criminal legislation of the Russian Federation and the USA / E. V. Silchenko, E. A. Ilyashenko // *The Scientific Heritage*. – 2020. – № 46-6(46). – Pp. 45-48. – EDN HFIDOZ.
25. Sychenko, E. V., & Bobovnikova, E. Yu. (2023). Analysis of judicial practice on the application of the principle of respect for the dignity of the employee. *Yearbook of Labor Law*, 13, 223-230. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.115>.